

М. Х. ЮСУПОВ

ШИГАБУТДИН
МАРДЖАНИ
КАК
ИСТОРИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им. Г. ИБРАГИМОВА

М. Х. ЮСУПОВ

ШИГАБУТДИН
МАРДЖАНИ
КАК
ИСТОРИК

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1981

ББК72.3

Ю91

Научный редактор
доктор философских наук Я. Г. АБДУЛЛИН

Юсупов М. Х.
Ю91 Шигабутдин Марджани как историк. Казань,
Татарское кн. изд-во, 1981.

232 с. с ил.

В книге рассматриваются жизненный путь выдающегося татарского историка, востоковеда, просветителя и философа XIX века Шигабутдина Марджани (1818—1889) и его деятельность по разработке истории татарского народа. Рассчитана на историков, широкий круг читателей.

Ю 10601—348 284—81 3603020400 ББК72.3
M132(03)—81

© Татарское книжное издательство, 1981.

ВВЕДЕНИЕ

Выдающийся татарский историк Шигабутдин Марджани¹ (1818—1889) жил и творил в период становления капитализма в России, давшего мощный толчок дальнейшему развитию татарского национального движения, в процессе которого постепенно формировалось самосознание татарской нации.

Деятельность Ш. Марджани в ходе этого процесса многогранна. Хороший знаток восточных языков, Ш. Марджани известен как историк, философ и просветитель. История народов Поволжья, а также народов, связанных с ними материальными и духовными узами, их культура и этногенез, болгарская эпиграфика и нумизматика, вопросы географии и астрономии — вот общий и далеко не полный перечень тем, нашедших основательное освещение в трудах ученого.

Достаточно просмотреть оглавление его «Мукадди-ма...»², чтобы убедиться, что автор наряду с такими традиционными в мусульманском мире науками, как история, география, логика, математика, астрономия и другими, описывает историю развития музыки³, медицины⁴,

¹ Шихаб ад-Дин ал-Марджани. Далее в тексте и в сносках: Ш. Марджани.

² Марджани Ш. Мукаддима китаб вафийат ал-аслаф ва тахийат ал-ахлаф (Введение к книге «Некрологи предшественникам, заветы потомкам»). Казань, 1883, с. 411. Далее: Марджани Ш. Мукаддима... Само произведение не издано. Оно в объеме 6 рукописных томов ныне хранится в ВС ОРРК НБ КГУ ФАР, ед. хр. 609—615. Далее: Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф... № тома. В последующем в сносках названия произведений восточных авторов, в том числе и названия трудов Ш. Марджани, при первом упоминании даются в транскрипции на русской графике. При повторных упоминаниях все длинные названия приводятся в сокращении (с отточиями). Вся литература представлена в списке использованной литературы. См. также список сокращений.

³ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 316.

⁴ Там же, с. 322.

историю появления первых аптек¹, изобретение пороха, бумаги² и т. д.

Если учесть, что Ш. Марджани первым из татар дал классификацию основных распространенных в его эпоху наук и искусств с определением и краткой историей появления каждого из них³, то его с полным основанием можно назвать не только ученым-историком татарской национальной культуры в широком смысле этого слова, но и оригинальным мыслителем.

Трудно перечислить писателей и поэтов, посвятивших ему свои произведения⁴. Среди них Габдулла Тукай, Фатих Амирхан, Галимджан Ибрагимов, Мифтахутдин Акмулла, Наджиб Думави, Гали Чукрый, Сибгатулла Кугарчини, Мустафа Чутаи, Вали Чупралаи и многие другие.

Поэты, писатели и ученые, отдавая дань эрудиции Марджани, считали его «самым крупным ученым на Булгарской земле», «Платоном своей эпохи»⁵. При этом они неизменно подчеркивали заслуги Ш. Марджани в области истории, считали его татарским «Геродотом»⁶, «основателем и творцом нашей национальной истории»⁷.

Даже краткий обзор творческого наследия Ш. Марджани, в котором исторические произведения составляют значительную часть, убеждает нас в справедливости этих, не лишенных образности, утверждений.

Анализируя состояние татарской историографии до Ш. Марджани, видный татарский ученый и писатель Галимджан Ибрагимов писал: «Раньше у нас имелись история пророков и история ислама. Очень редко можно

¹ Марджани Ш. Мукадима..., с. 335.

² Там же, с. 336.

³ Там же, с. 213—334.

⁴ Маржани. Шихабетдин Маржани хазратларенен¹ виладатенә йөз ел (1233—1333) тулу менәсәбәте илә нәшер ителде (Сб. «Марджани»). Издано в связи со столетием (1233—1333 по хиджри) со дня рождения Ш. Марджани). Казань, 1915, с. 193. Далее: Сб. «Марджани».

⁵ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан вә Булгар (Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара). В двух томах, т. 1. Казань, 1897, с. 233, 249; Т. 2, Казань, 1900.

⁶ Вәлиди Жамалетдин. Татар әдәбиятының барышы (Развитие татарской литературы). Оренбург, 1912, с. 47.

⁷ Ибрагимов Галимжан. Бөек остазымызның кайбер тәлифләре (Некоторые произведения великого наставника). «Анг», Казань, 1915, № 1, с. 16.

было встретить историю Абу-л-Гази¹. Была в хождении какая-то небылица, уличная сказка под названием «Таварих ал-Булгария»².

По существу, феодальная историография в то время была представлена измышлениями наподобие выше-названного «Таварих ал-Булгария», приписываемому некоему Хисамутдину Муслими, а также такими полуфантастическими рассказами, как «Буз йегет», «Сайд Баттал» и др.

На самом деле, можно с полной уверенностью констатировать, что если до Ш. Марджани история местного края не была написана (подлинные исторические источники не были выявлены), то этот пробел им в значительной степени был заполнен, причем на разнообразном материале и отчасти на местном языке.

К тому же в трудах Ш. Марджани впервые дается попытка научного подхода к вопросам истории, впервые в них затрагиваются научные теории о предмете и методе истории. Вероятно, поэтому Ризаутдин Фахрутдинов вполне резонно заметил, что «с выходом «Мустафад ал-ахбар...» история Казани, т. е. национальная история, вышла из рамок басен и мифов и превратилась в научную историю»³.

Хотя в истории татарской культуры Ш. Марджани обрисовывается как достаточно крупная фигура, творчество его изучено далеко не полностью, а значительное количество его произведений все еще остается в рукописях.

Причин неизученности научного наследия Ш. Марджани во второй половине XIX века немало — как объективных, так и субъективных. Нельзя игнорировать, видимо, и фактор утраты Казанью своего значения как центра востоковедения, где после ликвидации восточного разряда в университете и открытия Духовной Академии, по справедливому замечанию выдающегося востоковеда, академика И. Ю. Крачковского (1883—1951), «требования научного востоковедения всецело приносились в

¹ Имеется в виду сочинение Абу ал-Гази Бахадур-хана «Шаджараи тюрки» (Генеологическое древо тюрков), выпущенное в Казани в 1824 г. И. Хальфиным и Х. Д. Френом.

² Ибрагимов Г. Бөек остазымызның кайбер..., с. 16.

³ Фахрутдинов Р. Рец. на «Казан тарихы». — «Шура», 1910, № 5, с. 154.

жертву действительным или мнимым требованиям государственной жизни»¹.

Даже такой крупный ученый-ориенталист, как профессор Н. Ф. Катанов (1862—1922), создавший немало ценных этнографических работ о татарах и в целом положительно оценивший «Мустафад ал-ахбар...», считавший, в частности, что «оно по богатству этнографического и исторического содержания достойно перевода не только на русский, но и на другие европейские языки»², поддавшись миссионерским и великодержавным тенденциям, заявлял, что «у татар нет своих собственных верных источников и если исключить из их сочинений источники арабские, персидские и русские, то не окажется у них ничего своего, достоверного, и что европейцам в татарских сочинениях не находится ничего поучительного, кроме одних рассказов неизвестного происхождения и сомнительного содержания»³.

Разумеется, советские ученые придерживаются по этому вопросу иного мнения. Так, например, профессор А. П. Ковалевский (1895—1969) считал, что «прежнее пренебрежительное отношение к татарским письменным источникам неоправданно, источники эти требуют критического изучения с целью установить степень их достоверности и извлечь интересные имеющиеся в них фактические данные»⁴.

Пренебрежительное отношение Н. Ф. Катанова к татарским источникам и татарской историографии вообще привело к тому, что русский востоковед А. Ф. Шегунин значительно позже Ш. Марджани проделал аналогичную работу по изучению куфического корана⁵.

К тому же, как известно, «Мустафад ал-ахбар...» вышел в 1885 г., уже после того, как внимание русских

¹ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. Избр. соч. М.—Л., 1958, т. 5, с. 122.

² Катанов Н. Ф. Выступление на общем собрании ОАИЭ от 2 января 1895 г.—ИОАИЭ. 1898, т. 14, вып. 4, с. 470.

³ Катанов Н. Ф. Краткий обзор татарских исторических книг.—ИОАИЭ. 1912, т. 28, вып. 4—5, с. 502.

⁴ Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн Фадлана. Чебоксары, 1954, с. 52.

⁵ Шегунин А. Куфический коран. Имп. СПб. Публичной библиотеки ЗВРОАО, 1892, т. 6, с. 69—133. См. также: Марджани Ш. Ал-фа'ваид ал-мухимма (Большая польза). Казань, 1879, с. 21—22; Сб. «Марджани», с. 213—221.

ученых перекинулось от Казани на Среднюю Азию в связи с ее присоединением к России.

Вероятно, этим объясняется и то, что крупный историк Востока, создатель русской востоковедной школы академик В. В. Бартольд (1869—1930) не был знаком с историческими произведениями Ш. Марджани. Будучи ученым, относившимся благожелательно ко всем серьезным научным стремлениям, он, несомненно, дал бы оценку историческим трудам Ш. Марджани и особенно его сочинениям, касающимся непосредственно истории Средней Азии. По всей вероятности, В. В. Бартольд был знаком лишь с произведением «Назурат ал-хак¹...», ставшим известным далеко за пределами Поволжья. Очень осторожно относившийся к оценкам деятельности ученых, он со свойственной ему лаконичностью назвал Ш. Марджани «родоначальником прогрессивного движения среди татар»².

Правда, в 1895 г. был поднят вопрос о желательности издания обеих частей произведения Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар...» в переводе на русский язык³. Однако этот замысел так и не был осуществлен.

Ключ к пониманию некоторых причин неизученности научного наследия историка дает известный татарский писатель Ф. Амирхан: «Страсть к знаниям, к исследованию, его способности и деятельность позволили бы Марджани занять почетное место среди членов Европейской Академии наук, родись он на 75 лет позже»,— писал он в связи с юбилеем ученого⁴.

С мнением Ф. Амирхана перекликаются и мнения других представителей татарской интеллигенции. «Вряд ли найдется двое мулл из ста, понимающие по существу произведения Ш. Марджани»,— писал Шакир Хамиди⁵. «Эпоха и среда в значительной степени уменьшили зна-

¹ Марджани Ш. Назурат ал-хак фи фардиат ал-'аша' и ва'ин лам йагаб ал-шафак (Обозрение истины...). Казань, 1870.

² Бартольд В. В. Ислам. Соч. М., 1966, т. 6, с. 133.

³ Катанов Н. Ф. Выступление..., с. 470.

⁴ Амирхан Фатих. Безнең хыялларда Мәржани күләгәсе (Образ Марджани в нашем воображении). Избранное. В двух томах, т. 2. Казань, 1958, с. 462.

⁵ Хамиди Шакир. Голәма тарихы (История ученых). Казань, 1907, с. 42.

чение деятельности и влияния Марджани», — вторил ему Джамалутдин Валиди¹.

Вышеприведенные высказывания, несмотря на свою субъективную основу, обусловленную давлением на их авторов идеалистической методологии, показывают, что восприятие трудов Ш. Марджани, особенно философских, не было в достаточной степени подготовлено общественным мнением, над которым довлела клерикальная традиция. Хорошо разбираясь в вопросах мусульманской догматики и философии, Ш. Марджани в своих философских работах мало считался с уровнем знаний тех консервативных кругов татарского общества, которые противились новому веянию. К тому же Ш. Марджани не в полной мере учитывал то, что они плохо подготовлены к требующему большой духовной дисциплины методу философского сомнения.

Еще одно обстоятельство, на наш взгляд, нельзя упускать из виду при изучении произведений Ш. Марджани. Он не популяризатор знаний, каким был, например, арабский прозаик ал-Джахиз (умер в 869 г.). В отличие от своего современника — просветителя Каюма Насыри, он — ученый с более серьезным уклоном, с более дисциплинированным мышлением².

Вот почему на массового татарского читателя его произведения не оказали должного влияния, а многим русским и европейским ученым они остались неизвестными вплоть до середины XX века.

¹ Валиди Жамалетдин Марджани. — «Вакыт», 1914, 18 апреля.

² Вероятно, это обстоятельство послужило причиной тому, что отдельные ученые искусственно и тенденциозно противопоставляли К. Насыри и Ш. Марджани. См.: Каюм Насыри. 1825—1945. — Материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения. Казань, 1948, с. 40—41. Несостоятельность подобных утверждений доказана. См.: Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972, с. 137. См. также: Хайруллин А. Н. Насыри и Марджани. — В кн.: Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. Казань, 1976, с. 188—193. Но вместе с тем следует отметить, что К. Насыри более известен как просветитель-демократ, много сделавший в области татарского языкознания и пропаганды научных знаний, а Ш. Марджани — как эрудированный ученый-историк, философ и востоковед, автор первых серьезных трудов по истории татарского народа. И тот, и другой внесли существенный вклад в татарскую культуру и искусственное противопоставление их, мягко говоря, было малопочтенным занятием.

Имеются и другие причины того, почему произведения ученого у себя на родине не могли получить широкую известность: из 29 произведений Ш. Марджани только «Мустафад ал-ахбар...» и «Гилалат аз-заман...» написаны на татарском языке.

Поскольку многие арабско-персидские источники приводятся в сочинениях Ш. Марджани на языке оригинала, порой создается впечатление, что они написаны на смешанном языке, что дало повод некоторым ученым упрекать автора в излишней увлеченности арабизмами¹. Несостоятельность подобных утверждений в свое время была уже доказана².

Остальные произведения Ш. Марджани написаны на арабском языке, стиль их, как справедливо замечает Р. Фахрутдинов, по своей выразительности не уступает стилю Ибн Халдуна, ал-Газали и других³. Причем даже неискушенный читатель по названиям произведений Ш. Марджани, ласкающим слух, может сразу определить, что автор иногда чрезмерно увлекается арабской рифмованной прозой — своеобразным литературным стилем.

Это не только дань тогдашней традиции, под влиянием которой Ш. Марджани облакает свои исторические труды в формы восточных сочинений, но и вполне закономерное явление для той исторической эпохи. И. Ю. Крачковский, например, подчеркивая влияние арабской схоластической традиции на поволжских татар, справедливо отметил, что «у них арабский язык продолжал жить в науке, как латынь в средневековой Европе, и литература на нем продолжала развиваться в своеобразных, если не творческих, то традиционных формах»⁴.

Даже когда арабский язык утратил господствующее положение в восточных областях, особенно в Средней Азии, вследствие возвышения персидской литературы, он сохранил свои позиции как универсальный язык мусуль-

¹ Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, с. 56.

² Усманов М. А. Источники книги Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар». — В кн.: Очерки истории Поволжья и Приуралья. Казань, 1969, вып. 2—3, с. 145.

³ Сб. «Марджани», с. 625.

⁴ Крачковский И. Ю. Очерки по истории... с. 31.

манской теологии и науки, а рифмованная проза как общепринятый стиль в официальной переписке высоко ценилась за свои достоинства. К тому же, как справедливо подчеркивают исследователи, Ш. Марджани не владел в достаточной степени навыками литературного письменного татарского языка, который тогда начал складываться. Такая неподготовленность, по их мнению, была присуща всем представителям татарской интеллигенции, обучавшимся в Бухаре и писавшим в основном по-арабски для образованной аудитории¹. Даже в Казанском крае лишь с развитием капиталистических отношений и формированием татарской буржуазной нации возникла возможность более или менее широкого применения литературного языка.

Интерес к изучению научного наследия Ш. Марджани возобновился в начале XX века, в связи с юбилеем ученого.

Уже упомянутый нами, выпущенный в 1915 г. в связи со столетием со дня рождения юбиляра сборник содержит богатый фактический материал, хотя и рассматривает творчество ученого прежде всего с религиозно-философской точки зрения. Он ценен тем, что составители его пользовались библиотекой Ш. Марджани, имели возможность изучить некоторые его неопубликованные труды, отдельные разрозненные бумаги, письма и т. п.²

Более того, названия некоторых не изданных трудов Ш. Марджани, таких, например, как «Ал-Масал ал-гали» («Идеал»), «Тахарир муфрад» («Самостоятельное редактирование»), «Рисала фи массаил ал-нахви» («Трактат о вопросах грамматики») и т. п., зафиксированы лишь в сборнике «Марджани»³. Они или еще не обнаружены, или утеряны.

Деятельность Ш. Марджани по разработке истории татарского народа получила отражение в статье историка Г. Губайдуллина. Он, пожалуй, один из немногих авторов статей в сборнике, который подходит к оценке деятельности Ш. Марджани не столько с точки зрения мусульманской религии, сколько в аспекте требований дореволюционной буржуазной исторической науки, в

¹ Сб. «Марджани», с. 437.

² Там же, с. 2.

³ Там же, с. 367—369.

результате чего ему удалось в определенной мере показать Ш. Марджани как историка, положительно оценить его заслуги в этой области¹.

Что же касается прогрессивных представителей татарской интеллигенции, то они еще до Великой Октябрьской социалистической революции сумели дать объективную научную оценку деятельности Ш. Марджани. Поэт Г. Тукай очень точно и емко охарактеризовал его как «поборника свободомыслия, знания и прогресса, сделавшего первый шаг к просвещению»².

Особенно значительными были работы Г. Ибрагимова, который впервые, не будучи еще тогда марксистом, сумел дать научно-объективную оценку историческим трудам Ш. Марджани, а также определил место и роль ученого в развитии татарской общественной мысли³.

Известный критик Г. Сагъди также писал, что «краеугольные камни национальной истории — два тома «Мустафад ал-ахбар...» Ш. Марджани выдержали испытание временем, так как они — плоды многолетних кропотливых изысканий автора, чей творческий метод зиждется на утонченном научном исследовании. Деятельность Ш. Марджани не имела прецедента, — подчеркивал далее Г. Сагъди, — так как автор впервые среди татар показал, что настоящая историческая наука не имеет ничего общего со сборником различных легенд, басен и анекдотов»⁴.

В 1948 году появилась статья М. Гали⁵. Она содержала мало нового и имела отдельные неточности. Например, труд Ш. Марджани по истории среднеазиатских ханств «Гурфат ал-хавакин...» М. Гали относил к ряду сочинений о народах Поволжья⁶. Но эта работа ценна

¹ Сб. «Марджани», с. 333—358.

² Тукай Г. Шинап хэзрэт (Преосвященный Шигаб). Соч. Казань, 1955, т. 2, с. 234.

³ Ибрагимов Г. Бөек остазымызның кайбер... с. 7—19; его же: Бөек остазымызның тарихи бер тэнкыйде (Одна историческая критика великого наставника). — «Аң», Казань, 1915, № 2, с. 47—49.

⁴ Сэгъди Габдрахман. Татар әдәбияты тарихы (История татарской литературы). Казань, 1926, с. 60—69.

⁵ Гали М. Ибраһим Хәлфин һәм Шинаб Мәржани (Ибрагим Халфин и Шигабутдин Марджани). — «Совет әдәбияты», 1948, № 1, с. 102.

⁶ Там же, с. 105.

тем, что она в популярной форме излагала основные вехи творческого пути Ш. Марджани.

К сожалению, в 50-е и 60-е годы некоторыми исследователями допускались поспешные, односторонние оценки творчества Ш. Марджани¹, хотя уже сами названия трудов их предшественников об ученом должны были предостеречь их от таких оценок и выводов.

Как справедливо отметил М. А. Усманов, чалма ученого-муллы как бы заслонила все то положительное, что сделал Марджани для науки, в результате чего в нашей исторической науке он до сих пор не получил своего заслуженного места².

В дальнейшем такое негативное отношение к Марджани было преодолено, исследователи уточнили свои позиции в оценке его значения для истории татарской культуры³.

Видный советский ученый И. С. Брагинский, отдавая должное научной деятельности Ш. Марджани, отмечал, что «он был автором первых серьезных трудов по истории татарского народа»⁴.

В последние годы ученые внесли определенный вклад в изучение творческого наследия Ш. Марджани вообще и в определение его мировоззрения в частности.

Отмечая разносторонний вклад ученого в науку, М. Ф. Валеев писал, что «...Ш. Марджани — широко образованный философ, литератор, языковед, знаток истории и культуры своего народа и многих народов Востока»⁵. М. К. Мухарямов справедливо назвал Ш. Марджани «крупным ученым-исследователем... осно-

¹ Фасеев К. Ф. Из истории татарской передовой общественной мысли. Казань, 1955, с. 12—13, 55; Гайнуллин М. Каюм Насыров и просветительское движение среди татар. Казань, 1955, с. 34—35; Гимади Х. Г. Историография Татарии.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960, т. 2, с. 820—825.

² Усманов М. Марджани турында берничә сүз (Несколько слов о Марджани).— «Казан утлары», 1968, № 1, с. 116.

³ Фасеев К. Ф. На путях пролетарского интернационализма. Казань, 1971, с. 56—58; Гайнуллин М. Татарская литература XIX века. Казань, 1975, с. 40—43.

⁴ Брагинский И. С. О природе среднеазиатского джадидизма в свете литературной деятельности джадидов.— «История СССР», 1965, № 6, с. 27.

⁵ Валеев М. Ф. К вершинам науки. М., 1975, с. 12—13.

воположником национальной истории»¹, а А. И. Харисов — «светильником в мусульманском мире Поволжья и Приуралья XIX в.»².

Особенно ценны при исследовании рассматриваемой проблемы работы М. А. Усманова и Я. Г. Абдуллина.

М. А. Усманов впервые затрагивает деятельность Ш. Марджани по сбору разнообразных исторических источников. С появлением же его монографии была создана определенная база для изучения Ш. Марджани как историка³.

А исследователь Я. Г. Абдуллин, раскрывая философские взгляды ученого на основе марксистско-ленинской методологии, обратил пристальное внимание на малоизученные аспекты мировоззрения Ш. Марджани: рационализм, волюнтаризм, антиклерикализм, элементы стихийного материализма⁴.

В последних трудах М. Гайнуллина⁵, в сборнике, составленном Х. Хисматуллиным⁶, в работах С. Кудаша⁷, в статьях Я. И. Ханбикова⁸ и Ш. Ш. Абилова⁹ содержатся ценные наблюдения по интересующей нас проблеме, хотя в них и не ставится задача изучить Ш. Марджани как историка.

Что же касается небольшого труда на татарском языке, изданного в 1964 г. в Турции, то он ничего нового не добавляет к изучаемой проблеме, так как автор этой

¹ Мухарямов М. К. Каюм Насыри и его эпоха.— В кн.: Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. Казань, 1976, с. 15.

² Харисов А. И. Литературное наследие башкирского народа (XVIII—XIX века). Уфа, 1973, с. 279.

³ Усманов М. А. Источники книги Ш. Марджани..., его же. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972. Об остальных трудах см. в списке использованной литературы.

⁴ Абдуллин Я. Г. Татарская просветительская мысль. Казань, 1976; его же. Рационалистическая критика мусульманского богословия и суфизма.— В кн.: ВНА. 1974, вып. 16, с. 209—221. Об остальных трудах см. в списке использованной литературы.

⁵ Гайнуллин М. Х. Татарская литература XIX века. Казань, 1975.

⁶ Шигабетдин Марджани (Шигабутдин Марджани). Сб. статей. Составитель Х. Хисматуллин. Казань, 1968.

⁷ Кудаш С. По следам юности. Рассказы о прошлом. М., 1968.

⁸ Ханбиков Я. И. Мәшһүр галим һәм мәғрифәтче (Выдающийся ученый и просветитель).— «Совет мәктәбе», 1968, № 1, с. 56—57.

⁹ Абилов Ш. Ш. Шигабетдин Марджани турында (О Шигабутдине Марджани).— «Социалистик Татарстан», 1968, 15 мая.

популярной брошюры приводит лишь выборки из упомянутого нами дореволюционного юбилейного сборника¹.

Однако, несмотря на определенные успехи в изучении творчества Ш. Марджани вообще, деятельность ученого по разработке вопросов гражданской истории татарского народа, нашедшая выражение преимущественно в двухтомном труде «Мустафад ал-ахбар...» и в рукописном шеститомном «Вафийат ал-аслаф...», изучена весьма неудовлетворительно. Пока не написана научная биография Ш. Марджани. Имеющиеся фрагментарные биографические сведения, предназначенные для широкой публики, не лишены досадных неточностей и ошибок. В частности, одни авторы ошибочно относят рождение ученого к 1813, а другие — к 1815 годам².

Как бы подытоживая степень изученности Ш. Марджани по настоящее время, М. Х. Хасанов справедливо писал: «Точные выводы Г. Ибрагимова о значении деятельности Марджани, к сожалению, пока не получили у наших ученых конкретной и доказательной разработки. Почти все авторы ограничиваются общей стереотипной фразой: «Он был буржуазным реформатором». Разве этого достаточно для характеристики наследия крупнейшего философа и историка, выдающегося деятеля татарского просветительского движения...»³

Процесс формирования Ш. Марджани как историка, выявление и оценка его взглядов на историю как науку, его метода исследования заслуживают монографического изучения. Особый интерес представляет выяснение роли ученого в разработке важнейших вопросов истории поволжских татар. Так, например, проблемы этногенеза этого народа, которые он разрабатывал в «Мустафад ал-ахбар...», имеют важное значение не только потому, что многие последующие историки и этнографы развивали и повторяли его основные положения по этому вопросу, но и потому, что этот труд помогает разоблачению различных фальсификаций идеологов татарской буржуазии, которые, начиная с конца XIX века, не без влия-

¹ Sehabettin Mercani. Turmusu hem eserleri. Binap jazucisi: Dr. Lebib Karam. Sūjūmbike kùltür beimlerinden. Basilgan cil: 1964, 79 b.

² См.: БСЭ. 3-е изд., т. 2, М., 1976, с. 292; см. также: История исторической науки в СССР. М., 1965, с. 324.

³ Хасанов М. Х. Галимджан Ибрагимов. Казань, 1977, с. 231—232.

ния официозной царистской историографии однобоко трактовали происхождение казанских татар, подменяя этническую историю военно-политической.

Неудивительно, что и в наше время концепция Марджани по этому вопросу вызывает недовольство остатков буржуазно-националистической эмиграции.

Например, небезызвестный Абдулла Баттал-Таймас обвиняет Ш. Марджани и К. Насыри в том, что они якобы впервые в научной литературе назвали поволжских тюрок татарами¹. Но вместе с тем Баттал-Таймас умалчивает в своей книге, что они тем самым принципиально отмежевались от концепции «единой исламской нации», а это в свою очередь свидетельствует о том, что они сознавали себя и свой народ частью конкретно-исторической общности народов — России.

Известно, что цель современных буржуазных фальсификаторов истории сводится к отрицанию исторических корней дружбы советских народов. Приписывая русскому народу великодержавный шовинизм и выдвигая на первый план колонизаторские и миссионерские устремления царского правительства, а также отождествляя интересы царизма с интересами русского народа, а интересы реакционных антирусских элементов с интересами тюркоязычных народов Поволжья, они пытаются отрицать прогрессивную роль России по отношению к этим народам.

Сами труды Ш. Марджани, появившиеся как результат обращения автора к культурным наследиям прошлого, разным по своим национальным истокам и традициям, в которых к тому же доказывалась необходимость изучения татарами русского языка², показывает бесполезность подобных измышлений.

Изучение исторических трудов Ш. Марджани представляет серьезный интерес и в плане исследования истории общественной жизни тех лет. К тому же «Мустафад ал-ахбар...» был первым и долгое время единственным трудом в татарской историографии, обобщающим наблюдения над такого рода источниками, как сочинения восточных авторов о народах Поволжья.

¹ Abdullah Battal-Taumas. Kazan Türkleri. Ankara, 1966, 218 b.

² Марджани Ш. Мукаддима..., с. 390; его же. Вафийат ал-аслаф..., т. 7, с. 245.

Учитывая все вышеизложенное, автор и поставил перед собой задачу конкретно изучить по первоисточникам процесс формирования Ш. Марджани как историка, выявить его взгляд на историю как науку, раскрыть методы исследования, рассмотреть освещение им важнейших вопросов истории поволжских татар, обозначить его место и роль в становлении региональной историографии.

В этом и видит автор данной работы свою основную задачу.

Актуальность изучения данной темы заключается еще и в том, что его результаты опровергают измышления буржуазных ученых, отрицающих за нациями, находящимися в составе России, возможность на самобытное развитие своей культуры, игнорирующих положительное влияние на нее передовой русской и западноевропейской культуры.

Лишь Октябрьская революция коренным образом изменила отношения между народами. Она родила ощущение единства человечества, вывела народы бывших национальных окраин, прежде именуемые дворянско-буржуазной историографией «инородцами», к новой жизни, разбудила Восток, освобождение которого завершается на наших глазах.

Буржуазные историки отрицают также преемственность в развитии общественной мысли, пытаются доказать возникновение в России марксизма-ленинизма в отрыве от лучших прогрессивных тенденций освободительного движения, стремятся тем самым лишить марксизм-ленинизм его интернационального характера¹.

«Несовместимость материалистических принципов марксизма-ленинизма с якобы извечной религиозностью Востока — вот основной аргумент апологетов антикоммунизма в его востокоцентристском и западноцентристском вариантах»².

В противовес ложному тезису различных советологов

¹ Spuler B. Die Wolga-Tataren und Baschkiren unter russischer Herrschaft. «Der Islam», Berlin, November, 1949, Band 29, ss. 142—192. Подробно о подобных работах см.: Абдуллин М., Батыев С. Татарская АССР: реальность и буржуазные мифы. Казань, 1977.

² Аникиев Н. П. Европоцентризм и востокоцентризм: их идейное родство и реакционная сущность.— В кн.: Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки. М., 1970, с. 503.

об извечной религиозности Востока, труды Марджани доказывают, что в истории духовных культур тюркоязычных народов Поволжья наряду с религиозными и мистическими традициями еще в прошлом веке существовали противостоящие им идеи рационализма, берущие свои истоки от средневековых корифеев мысли, таких как ал-Фараби, Ибн Сина, Ибн Рошд, Ибн Халдун.

Таким образом, настоятельная необходимость глубокого исследования трудов Марджани диктуется не только их историографической и научно-познавательной ценностью, но еще и тем, что некоторые из исследований ученого, содержащиеся в них положения и выводы и в современную эпоху не только не утратили своего научного значения, но и сохраняют, в известной мере, идейную актуальность и, следовательно, могут быть использованы советскими учеными в идеологической борьбе против фальсификаторов исторического процесса.

К тому же одним из важных направлений исследования буржуазной историографии является выявление историографического наследства. Богатейший материал для исторической науки дает изучение воззрений отдельных ее представителей. Их представление о науке, постановка и методология решения тех или иных вопросов, историческая проблематика использования конкретного материала и методика исследования и, наконец, научные выводы дают возможность определить закономерности развития самой исторической науки, раскрыть процесс формирования и утверждения различных ее школ и направлений.

Выявление и обобщение опыта крупных историков имеет большое практическое значение, ибо, как указывал Ф. Энгельс, «...наука движется вперед пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения...»¹ «Опыт показывает,— отмечает также А. М. Румянцев,— что ускорение темпов развития наук в огромной мере зависит от степени преемственности тех идей, которые добыты прошлым. Чем выше уровень преемственности, тем полнее используется опыт предшествующих поколений, тем быстрее происходит развитие науки»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 568.

² Румянцев А. Вступающему в мир науки.— В кн.: Наука убеждать. М., 1967, с. 212.

Теоретической и методологической основой настоящей работы послужили сочинения классиков марксизма-ленинизма, программные документы Коммунистической партии Советского Союза, труды товарища Л. И. Брежнева.

В проекте резолюции «О пролетарской культуре» В. И. Ленин, говоря о вредности отрицательного отношения пролеткультовцев к культурным достижениям прошлого, указывал, что марксизм завоевал себе всемирно-историческое значение как идеология революционного пролетариата тем, что «...усвоил и переработал все, что было ценного в более чем в двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»¹.

В знаменитой речи на III съезде Коммунистического Союза Молодежи В. И. Ленин подчеркивал, что коммунизм появился из суммы человеческих знаний², «...только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества...— учил великий вождь,— можно строить пролетарскую культуру...»³.

При оценке Шигабутдина Марджани как историка мы исходили из указания В. И. Ленина о заслугах исторических личностей. «Исторические заслуги,— писал он,— судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками»⁴.

Как известно, познание явлений общественной жизни требует особо тщательного использования принципов партийности и историзма, так как «ленинский историзм при анализе общественных явлений и процессов служит методологическим оружием в борьбе с враждебной идеологией, с современной буржуазной реакционной историографией»⁵. Причем следовать требованиям подлинного историзма особенно необходимо тогда, когда речь идет об изучении и оценке творчества такой сложной и противоречивой личности, каким является Ш. Марджани.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 337.

² Там же, с. 303.

³ Там же, с. 304.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 178.

⁵ Иванов В. В. Ленинский историзм: методология и методика исследования. Казань, 1976, с. 23.

На наш взгляд, лучшим источником для изучения не только творческого наследия Ш. Марджани, но и его жизненного пути являются собственные произведения ученого, при помощи которых можно проверить то, что о нем сообщают другие источники, в частности, материалы, содержащиеся в дореволюционном сборнике, выпущенном в связи со столетием со дня его рождения.

Поэтому источниками исследования служили прежде всего опубликованные труды Ш. Марджани, а также его рукописный фонд, хранящийся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки КГУ, отдельные его рукописи, находящиеся в архивах и библиотеках Москвы, Ленинграда, Казани, Уфы и др.¹

Рукописные труды Ш. Марджани и архивные материалы позволили разработать тему в хронологической последовательности, что дало возможность раскрыть творческую лабораторию историка в развитии, начиная от первого труда, написанного еще в Средней Азии, и кончая «Мустафад ал-ахбар...», над которым он работал до последних дней своей жизни.

Таким образом, имелась возможность исследовать методы работы историка над самыми разнообразными источниками, которыми интересовался на протяжении своей научной жизни Ш. Марджани, чьи труды составили эпоху в исторической науке у татар.

В процессе работы выяснилась перспективность изучения материалов личного фонда такого ученого, как Ризаутдин Фахрутдинов, переписку Ш. Марджани и Х. Фаизханова². Так, например, письма Х. Фаизханова к Ш. Марджани выясняют, когда последний начал интересоваться научным наследием Ибн Халдуна. Они также

¹ В приложении дается сводная таблица произведений Ш. Марджани.

² Р. Фахрутдинов собрал и сокращенно издал более 20 писем Х. Фаизханова к Ш. Марджани в редактируемом им журнале «Шура». См.: Фәхрәтдинов Р. Хөсәен әфәнде Фәезхан (Хусаин Фаизханов).—«Шура», 1916, № 14, с. 353—354; № 16, с. 373—378; № 17, с. 401—402; № 18, с. 425—428; № 19, с. 549—551. Что касается писем Ш. Марджани к Х. Фаизханову, то большинство из них утеряно. Найденные собраны и фиксированы Р. Фахрутдиновым же и в настоящее время хранятся в его личном фонде. См.: Архив УИИЯЛ БФАН СССР, ф. 7, оп. 1, д. 12, д. 14. Рукописные материалы д. 14 имеют постраничную авторскую пагинацию страниц, а д. 12 — лишь архивную пагинацию листов.

дают яркое представление о широте интересов Ш. Марджани, о его мировоззрении. Эти материалы позволяют детально изучить творческую биографию историка, процесс формирования его научных взглядов.

При постановке темы автор исходил из необходимости дать полное представление о Марджани как историке. В силу этого в качестве приложения приводится сводная таблица его трудов. Причем автор руководствовался ленинскими положениями о том, что в научной биографии необходимо исследовать факторы, формировавшие мировоззрение, изучать не биографию вообще, а научную биографию деятеля¹.

Рамки настоящей работы не позволили рассмотреть в ней подробно некоторые аспекты изучаемой темы. Поэтому, например, взгляды Ш. Марджани на этногенез татарского народа получили отражение в работе лишь в сжатом виде.

Глава I

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ШИГАБУТДИНА МАРДЖАНИ И РАЗРАБОТКА ИМ ИСТОРИИ ТАТАРСКОГО НАРОДА

1. Годы учебы, формирование исторических взглядов и истоки мировоззрения Ш. Марджани

Шигабутдин ибн Багаутдин ибн Субхан ибн Абд-ал-Карим ал-Казани ал-Марджани родился по новому стилю 16 января 1818 г. в селе Ябынчи нынешнего Арского района Татарской АССР.

Приведем некоторые сведения из родословной Ш. Марджани, так как в те времена судьбы людей в большинстве случаев если не решались, то во многом определялись их происхождением, принадлежностью к тем или иным социальным кругам.

Корни его родословной берут свое начало от деревни Марджан, чем и объясняется его прозвище — тахаллус ал-Марджани¹. Дед Ш. Марджани — Субхан ибн Абд-ал-Карим, уроженец деревни Чаки ал-Кубра (ныне Арский район ТАССР), был довольно просвещенным человеком своей эпохи. Он длительное время являлся имамом (настоятелем мечети) и мударрисом (учителем медресе) села Хусна, находящегося недалеко от Арска. Выдержав соответствующие экзамены у оренбургского муфтия ал-Бурундуки, он по указу получил должность муллы и мударриса. Ш. Марджани отмечает, что это был первый официальный указ, оформленный на русском языке и датированный 1811 г.²

Отец Ш. Марджани — Багаутдин ибн Субхан родился в январе 1787 г. в деревне Чаки ал-Кубра. Он юношей

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 244.

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 2, с. 140.

² Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф..., т. 6, с. 361.

уезжает в Бухару и устраивается в медресе «Турсуния», общается с просвещенными людьми, много читает классиков Востока — Хафиза, Саади, Навои, Физули и других¹. Несмотря на уговоры эмира Бухары Хайдара ибн Магсума, который, желая оставить его в Бухаре, сулил ему то должность преподавателя, то прельщал карьерой судьи, Багаутдин, проучившись в Бухаре 12 лет, в 1814 г. возвращается на родину и начинает преподавать в деревне Ябынчи. В 1821 г. получив официальный указ на право продолжить свою прежнюю деятельность, он переезжает в деревню Ташкичу, где и остается до своей смерти².

Дед и отец Ш. Марджани обладали большими познаниями в области истории, любили рассказывать о различных событиях минувшего. Ш. Марджани с детства с большой охотой слушал эти рассказы и, вполне вероятно, что интерес к истории сложился у мальчика уже тогда, так как биографы отмечают его увлечение историей с ранних лет.

Большая сосредоточенность, необычайная в ребенке сила воли выделяли его среди остальных детей в семье³.

Рано лишившись матери, будущий ученый воспитывался в довольно суровой обстановке. По всей вероятности, между властным отцом и сыном происходило немало стычек. Положение усугублялось тем, что мальчик рос под надзором мачехи. От нее Ш. Марджани немало доставалось. Во всяком случае, своих учеников он впоследствии не раз предупреждал: «Детей своих никогда не бейте! Особенно остерегайтесь бить по голове! Я в детстве натерпелся немало»⁴.

Начальное образование Ш. Марджани получил в медресе своего отца, в деревне Ташкичу. Это медресе в свое время было довольно известным в Казанском крае. Не случайно Абдуссалам ибн Урай, учитель Батырши, стоявшего во главе освободительного движения татаро-башкирских крестьян в XVIII в., был мударрисом этого медресе. Историк А. П. Чулошников, сообщает этот факт, ссылаясь на «Мустафад ал-ахбар...», и указывает, что

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 184; его же. Вафийат ал-аслаф..., т. 6, с. 450—451.

² Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф..., т. 6, с. 450—451.

³ Сб. «Марджани», с. 21, с. 15—16.

⁴ Сб. «Марджани», с. 17—18.

в этой школе происходило «уже усовершенствование и углубление» знаний Батырши¹. Как отмечает Марджани, в этой школе учениками Абдуссалама были написаны и переписаны немало оригинальных книг, в том числе и по истории².

Ш. Марджани не ограничивался изучением предметов, преподаваемых в медресе, он часто засиживался в домашней библиотеке, прилагая немалые усилия для понимания арабских и персидских книг³.

Склонность серьезно размышлять о прочитанном, стремление выяснить истинное положение вещей замечается у Ш. Марджани с юношеских лет. Так, биографы отмечают, что уже в 15 лет он задавал учителям такие вопросы, ответить на которые было далеко не просто⁴.

В поисках удовлетворительного ответа он читает произведения различных авторов и, обнаруживая расхождения в толковании одних и тех же положений, стремится доискаться истины. Исследователи отмечают у него критическое отношение к первоисточникам уже с ранних лет⁵.

С 17 лет Ш. Марджани принимает участие в преподавании в медресе своего отца и, будучи неудовлетворенным учебником по морфологии персидского языка, сам берется за его составление⁶.

В эти же годы он проявляет интерес к исследованию древностей, читает надписи на надмогильных камнях, находящихся невдалеке от родной деревни⁷.

Бухара. По сложившейся традиции медресе г. Бухары в первой половине XIX века в силу отсутствия у татар светских учебных заведений являлись своеобразными «лицеями» и «благородными пансионами» для детей более или менее зажиточных татар. И, естественно, родители Ш. Марджани, желая продолжить образование

¹ Чулошников А. П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.—Л., 1940, с. 38. Абдуссалам, ставший позже ахуном, хотя и не принимал прямого участия в восстании 1755 г., которое возглавлял Батырша, сочувствовал восставшим. Там же, с. 78—79.

² Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 2, с. 147.

³ Сб. «Марджани», с. 19.

⁴ Там же, с. 21.

⁵ Сэгъди Г. Татар эдэбияты тарихы, с. 67.

⁶ Сб. «Марджани», с. 23.

⁷ Там же, с. 25.

сына, в 1838 году отправили его с попутным торговым караваном на учебу в Бухару.

Это путешествие, длившееся около семи месяцев, помогло ему познакомиться с жизнью различных народов, расширило в какой-то мере кругозор будущего ученого. Впоследствии он говорил своим ученикам, что географию начал изучать по пути в Бухару¹.

Чтобы четко понять условия, в которых формировалось мировоззрение историка, нелишне будет привести некоторые сведения из истории социально-политической и культурной жизни эпохи региона — Средней Азии.

После распада империи Тимура в Средней Азии не существовало единого централизованного государства. Здесь были три ханства: Бухарское — в бассейне реки Зеравшан, Хивинское — в нижнем течении реки Амударьи, а в конце XVIII века в Ферганской долине образовалось третье ханство — Кокандское, под властью которого оказался Ташкент, бывший до того самостоятельным городом-государством.

Все три среднеазиатских ханства были экономически отсталыми феодальными государствами. Во главе их стояли эмиры, которые пользовались неограниченными правами по отношению к управляемому ими населению.

«Феодалы присваивали не только прибавочный, но и необходимый продукт труда дехкан, что в сочетании с эксплуатацией последних ростовщическим капиталом пагубно отражалось на сельском хозяйстве и ремесленном производстве ханства.

...Характерной особенностью местной обстановки были острейшие межфеодальные раздоры, постоянные войны между Хивой и Бухарой, Бухарой и Кокандом, между ханами и эмирами, с одной стороны, правителями крупных владений, стремившихся к разделению, — с другой»².

Но вместе с тем на территории Средней Азии искони существовали крупные книгохранилища, основанные еще до арабского завоевания. «В Бухаре, например, — отмечает известный знаток рукописей А. А. Семенов, — с на-

чала XV в. существовала большая библиотека общественного пользования, основанная известным шейхом Мухаммедом Парса (умер в 1419 г.). Она заключала множество рукописей разнообразного содержания, среди них было немало драгоценных по своей древности и редкости»¹. «Рукописи продавались, — продолжает А. А. Семенов, — во всех городах Средней Азии, но самые обширные книготорговли были в Бухаре и Карши, где на базарах существовали специальные ряды продавцов рукописей и печатных изданий. Здесь у книготорговцев можно было найти немало рукописей, высокохудожественно оформленных, украшенных чудесными миниатюрами, рукописи разнообразного сочинения и различных эпох»².

Значение этих рукописей было огромно, так как «помимо памятников письменности местного происхождения существовало огромное количество рукописей иноземного происхождения: из Аравии и Египта, из Турции и Ирана, из Афганистана и Индии, из Кашгара и Поволжья. Оживленные торговые, политические и религиозные связи со всеми этими странами весьма способствовали притоку в Среднюю Азию самой разнообразной литературы. При этом нередко случалось, что именно в Средней Азии оказывались списки совершенно уникальные, нигде больше не встречающиеся или собственноручно переписанные разными знаменитостями не только в области литературы и истории, но и в области восточной каллиграфии»³.

С приездом в Бухару в декабре 1838 г. Ш. Марджани начинает получать уроки у одного из самых уважаемых мударрисов города — мирзы Салиха ал-Ходжанди, впоследствии о котором он вспоминал с большой благодарностью.

На наш взгляд, было бы ошибочно идеализировать общую атмосферу Бухары той поры, в которой было немало косного и затхлого, где даже во второй половине XIX века эмиры вершили суд и расправу по собственному произволу и всегда в пользу ханской казны. Вен-

¹ Шәһри Шәраф. Шиһабетдин Мәржани. Тәржемәи хәл (Шигабутдин Марджани. Биография) — «Аң», 1915, № 1, с. 5.

² Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974, с. 11—12.

¹ Семенов А. А. Среднеазиатские рукописные фонды и важность их изучения. — В кн.: МПВНКВ, Ташкент, 1958, с. 912—913.

² Там же, с. 912—914.

³ Там же.

герский путешественник А. Вамбери свидетельствует: «Шпионы эмира проникают даже в святилища семейств и горе тому, кто провинился в несоблюдении религиозных форм или против власти эмира»¹.

Точно так же невозможно не видеть, что в среде ученых кругов было немало людей, по-настоящему преданных своему делу, собирателей редких книг, влюбленных в историческую науку. В Бухаре Ш. Марджани близко познакомился с крупным ученым — Хусайном ибн Мухаммед ал-Кирмани ал-Каргали, который имел библиотеку, богатую историческими сочинениями².

Были также такие ученые как, например, Абд ал-Мунин Узбак ал-Афшанчи, который разделял взгляды предшественника Ш. Марджани — Габдулнасыра Курсави³ и находился в оппозиции к порядкам, царившим в учебных заведениях Бухары.

Но чем глубже Ш. Марджани погружался в традиционные схоластические «науки», преподаваемые в бухарских медресе, тем острее в нем росло недовольство учебной программой, в которой вообще не отводилось места светским наукам. Хотя Ш. Марджани и ставил перед своими учениками вопрос о необходимости некоторой реформы преподавания, успеха он не добился⁴. Поэтому в последующем все свое внимание он уделял самообразованию.

В Бухаре Ш. Марджани обосновался при медресе «Кукельташ» и «Мирараб», но занятия посещал редко, в основном самостоятельно занимался в библиотеках⁵.

В библиотеках Бухары он знакомился с трудами таких авторов, как Джалал ад-дин ал-Дувани (1426—1501), Абу Хамид Мухаммед ал-Газали (1059—1111), Мухи ад-дин ибн Араби (1165—1240), которые почитались в то время как непререкаемые авторитеты в области мусульманской философии и права, логики и теоретического богословия. Интерес к этим средневековым авторитетам богословия был у Ш. Марджани не случайным,

¹ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 1874, с. 163.

² Сб. «Марджани», с. 43.

³ Абд ал-Насир Абу ан-Наср ибн Ибрахим ибн Иштирак ал-Курсави (1776—1812) — ученый, философ, впервые из татар высказавший рационалистические идеи и провозгласивший свободу разума.

⁴ Сб. «Марджани», с. 39.

⁵ Там же, с. 40, 61.

так как «богословие представляло собой «наивысшее обобщение» социальной практики человека средневековья, оно давало общезначимую знаковую систему, в терминах которой члены феодального общества осознавали себя и свой мир и находили его обоснование и объяснение»¹. К тому же он в эти годы был искренне убежден, что многие беды, отсталость его нации объясняются тем, что мировоззрение народа путаное, а экономический, социальный и политический упадок — следствие несоблюдения требований шариата. Поэтому в начале своей деятельности он много внимания уделял рассмотрению теологических и общемировоззренческих проблем. Причем в конкретной исторической обстановке жизни татарского народа в середине XIX в. рассмотрение этих проблем в том аспекте, в каком оно было осуществлено Ш. Марджани, имело определенную объективную значимость. Позже, уже в Казани, подвергая аргументированной критике позицию своих противников, Ш. Марджани высказал ряд ценных идей². Впоследствии, когда эти идеи нашли отражение в его книгах, он так же, как и Ибн Халдун и европейские мыслители, для обоснования независимости светских наук проводил разграничение между религией и той частью содержания священных книг, которая не имела отношения к религиозно-нравственным вопросам. Например, в его труде «Назурат ал-хак...» имеется отдельный раздел «Религия не опровергает философию», где доказывается, что такие науки, как философия, логика, заслуживают того, чтобы им уделяли большое внимание, и они прежде всего имеют право на существование³.

Первые два-три года жизни на чужбине не были особо плодотворными. Будущий историк был далеко не в восторге ни от системы образования в Бухаре, ни от общей атмосферы в ханстве, он отдавал предпочтение Самарканду как центру науки и культуры. Это подчеркивают лица, с которыми Ш. Марджани вместе жил и

¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 12.

² Марджани Ш. Ал-хикмат ал-балигат ал-джунийат фи шархи-л-акайиди-и-ханафийати (Зрелая философия, помогающая объяснить веру ханифитов). Казань, 1888, с. 6—12.

³ Марджани Ш. Назурат ал-хак..., с. 119.

учился¹. Ш. Марджани говорил, что если бы он не встретил в Бухаре такого человека, как Низам ад-Дин ал-Илхами, влюбленного в математику, то его бухарский период жизни можно было бы считать бесполезным².

Косность, рутинность, консерватизм, подчас элементарное невежество и фанатизм духовных лиц были слишком очевидны. С одной стороны, он восхищался прошлым величием культуры народов Средней Азии времен Саманидов, высоко ценил духовное богатство библиотек, с другой стороны, близкое соприкосновение с жизнью феодального общества, с его кричащими противоречиями, с угнетением и бесправным положением большинства населения не могло не разочаровать такого тонкого наблюдателя, каким был Ш. Марджани.

Как бы усиленно ни занимался Ш. Марджани в библиотеках³, он не мог уединиться настолько, чтобы не заметить окружающей его гнетущей и мертвящей все живое обстановки и не задуматься над смыслом происходящего. Уже после возвращения в Казань в своем письме Фаизханову, давая оценку учебной системе Бухары, он отмечает бесполезность штудирования в течение полугода различных комментариев и комментариев к комментариям. Он писал: «Спрашивается, как можно охватить все это? Допустим охватили, а как запомнить? Допустим, и запомнили. Но в конечном счете какая польза от всего этого?»⁴. Следует отметить, что характеристика, данная Ш. Марджани системе обучения в Бухаре, полностью совпадает с определением другого ученого — Чокана Валиханова, который охарактеризовал Бухару, как «притон, вертеп ханжей-улемов, ишанов-серебряников, спорящих в продолжение нескольких лет только о внешних атрибутах веры»⁵.

Необходимо отметить, что в первой половине XIX века в России, где получил первоначальное образование Ш. Марджани, процесс разложения феодального обще-

¹ Сб. «Марджани», с. 42, 60.

² Там же, с. 64.

³ Ш. Марджани настолько ценил время и до такой степени самозабвенно предавался науке, что избегал на улице встреч со знакомыми. См.: сб. «Марджани», с. 66.

⁴ Архив УИИЯЛ БФАН СССР, ф. 7, оп. 1, д. 12, л. 181.

⁵ Валиханов Ч. Ч. Материалы и исследования о Кульджинском крае. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 2. Алма-Ата, 1962, с. 33.

ства шел быстрым темпом, в жизнь всех народов Казанского края все сильнее проникали товарно-денежные, капиталистические отношения. Крепли буржуазные экономические связи, на заводах и фабриках значительно расширялось применение машин, страна вступала в эпоху промышленного переворота, рос рынок, развивалось сельское хозяйство.

А в Средней Азии, где продолжал свое образование будущий ученый, феодальные отношения оставались нетронутыми. К тому же кровопролитные войны, уносившие десятки тысяч человеческих жизней, феодальная раздробленность, оторванность от мирового рынка — эти и многие аналогичные факторы препятствовали экономическому развитию региона.

Ш. Марджани как продукт определенной социальной эпохи не мог не заметить многих проявлений патриархальщины в феодальной жизни Бухары той поры. И это, естественно, нашло отражение в его трудах, написанных уже в Средней Азии.

Так, в своем первом произведении «Ал'ам абна ад-дахр би ахвал ахл ма вара ан-нахр» «Извещение сынов эпохи о положении жителей Мавераннахра» будущий историк наряду с описанием положения жителей осуждает фанатизм мусульман Средней Азии, в особенности Бухары, показывает низкий уровень преподавания, когда вместо занятий историей, философией, математикой и естественными науками ученики годами изучают богословские предметы, штудируют никчемные комментарии и субкомментарии¹. Опасаясь тех гонений, которые испытал на себе его предшественник Курсави², Ш. Марджани просил распространить это произведение лишь после своего отъезда из Бухары³. И в других произведениях он критиковал нераспорядительность чиновников и произвол эмира, по чьей вине, по его мнению, некоторые библиотеки пришли в негодность⁴.

¹ Сб. «Марджани», с. 38.

² Известно, что Курсави был приговорен к смертной казни эмиром Бухары и избежал смерти, лишь формально отрешившись от своих убеждений и уехав на родину. См.: Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 2, с. 169.

³ Сб. «Марджани», с. 39.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 192.

В этой связи следует отметить, что Ф. Энгельс, как известно, подчеркивал: «...восточное господство несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности»¹.

Самарканд. Плодотворным во всех отношениях был самаркандский период жизни Ш. Марджани, где он учился в считавшемся лучшим в то время медресе «Ширдар»². Как и в Бухаре, он занимался в библиотеках, чередуя свои занятия переписыванием книг и преподаванием, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Как свидетельствует отрывок из письма Багаутдина к своему сыну, Ш. Марджани от родителей получал небольшую помощь³.

В библиотеках Самарканда будущий историк знакомился с трудами Ал-Фараби (ок. 870—950), Ибн Сины (ок. 980—1037), Ал-Бируни (973—1048), Ибн Рошда (1126—1198) и делал из них выписки, а также увлекался изучением наследия таких выдающихся поэтов Востока, как Абу ал-Касим Фирдоуси (984—1020), Омар Хайям (ок. 1040—1123), Муслихиддин Саади (1184—1291), Алишер Навои (1441—1501), от произведений которых веяло духом рационализма и гуманизма.

В своих исторических трудах Ш. Марджани очень высоко отзывался об этих ученых и поэтах Средней Азии. Например, в его «Мукаддима...» имеются интересные сведения об Ибн Сине, Ал-Фараби, Ал-Бируни, Насреддине ат-Туси и др.⁴, а в «Вафийат ал-аслаф...», где материал расположен по системе некролога, автор дал довольно подробные биографии и творческие портреты этих ученых и поэтов⁵.

Из «Вафийат ал-аслаф...» явствует, что научно-философская мысль среднеазиатских народов опиралась не только на древнегреческую мудрость, ставшую доступной благодаря интенсивным переводам, но и на доисламскую

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 33.

² Сб. «Марджани», с. 44.

³ Там же, с. 44.

⁴ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 300—320.

⁵ Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф..., т. 2, с. 523—533; т. 6, с. 425—426.

теолого-философскую традицию, восходящую к дуалистической космологии Авесты.

Известно, что произведения вышеперечисленных авторов оказали существенное влияние на формирование мировоззрения предшественника Ш. Марджани — Курсави. К этому же наследию приобщился и Ш. Марджани, читая древние книги и общаясь с наиболее одаренными и трезво мыслящими учеными своего времени.

Рассматривая формирование идейных истоков мировоззрения Ш. Марджани в среднеазиатский период его жизни, необходимо учитывать, что мусульмане ознакомились с греческими науками не прямым, как Европа в эпоху Возрождения, а косвенным путем, через сирийские переводы. Начиная с четвертого века труды греческих философов и их неоплатонических комментаторов, астрономов, врачей и натуралистов переводились на сирийский язык. В результате сложных и противоречивых воздействий возникла особая восточная ветвь эллинистической мысли в философии.

Один из величайших мыслителей Средней Азии ал-Фараби, по происхождению тюрк из Фараба (в нынешнем Казахстане), специально приехал в Дамаск (где и умер в 950 г.), чтобы ближе познакомиться с сирийскими переводчиками и комментаторами трудов Аристотеля.

Всякое новое достижение быстро доходило до всех уголков мусульманского мира. Оживленные торговые, политические и религиозные связи с Сирией и другими странами способствовали притоку переводческой литературы в Среднюю Азию, а оттуда — позднее — на берега Волги. «Некоторые караваны из Бухары везли не только алмазы и жемчуга, восточные шелка, сладости и благовония; в тюках, навьюченных на верблюдов, преодолевали расстояния рукописи и книги, то есть духовная пища»¹.

Об этом красноречиво свидетельствует также наличие многочисленных, переписанных татарскими переписчиками, списков известного трактата по логике «Йсагоги» («Введение в категорию Аристотеля») Порфирия, ученика александрийской школы неоплатонизма Плотина из Ликополя в Египте (III в.), которые автор настоящих строк неоднократно находил и описал во время

¹ Мухарямов М. К. Каюм Насыри и ..., с. 15.

археографических экспедиций на территории Татарии¹. Эти рукописные сочинения встречаются как под названием «Китаб ал-исагуджи», так и под названием «Китаб ал-катагүрийас, однако они оба берут свои истоки от более позднего источника, а именно — от «Китаб аби наср ал-фарāби фи-л-мантиқ». Популярность этого трактата и факт его переписки татарскими переписчиками отмечали также исследователи поступивших в центральные рукописные хранилища страны татарских рукописей².

Чтение этой литературы оказывало существенное влияние на формирование Ш. Марджани, во многом определило его подход к мировоззренческим проблемам. Например, в своем труде «Мукаддима...», материал для которого был собран им в Средней Азии, Ш. Марджани обстоятельно разбирал взгляды Аристотеля, Платона, Пифагора, Эвклида, Фалеса, Сократа и других античных философов и дал им свою оценку³. Он также подробно описывал, как в аббасидскую эпоху греческая наука стала достоянием арабов и явилась базой становления их философии, медицины и астрономии.

Ш. Марджани показывал вклад других народов в арабскую культуру. Он приводил имена переводчиков с греческого, персидского, индийского и набатейского языков на арабский, посредством которых арабы приобщались к достижениям культуры завоеванных народов⁴.

Разумеется, в настоящее время советский читатель может ознакомиться с этими сведениями через сочинения И. Ю. Крачковского, В. В. Бартольда, Х. А. Р. Гибба и других. Они как бы стали уже прописными истинами. Но не следует забывать, что ученый писал об этом более чем 100 лет тому назад, значительно предвосхитив этих востоковедов. Причем будущий ученый уже в эти годы являлся не беспристрастным регистратором событий и фактов, а как строгий критик выражал свои симпатии и антипатии той или иной философской системе и их представителям.

Например, подробно изложив, как заимствованные

¹ Материалы архива ИЯЛИ КФАН СССР, ф. 39, ед. хр. 9, оп. 1, инв. № 196.

² Лебедев В. В. Арабские рукописи, поступившие из Казани в 1964 г. — В кн.: Книги, архивы, автографы. М., 1973, с. 181.

³ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 300.

⁴ Там же, с. 312.

от греков и других народов науки были расширены и углублены учеными из Средней Азии, в частности «вторым учителем» Абу-Наср ал-Фараби¹ и Абу Али Ибн Сина, Ш. Марджани устами такого беспристрастного автора, как Мухаммед ибн Абд ал-Карим аш-Шахрастани (1086—1153)², говорит: «Поскольку самый признанный народом ученый Абу Али Хусейн ибн Абдулла ибн Сина и его путь принят народом и взгляд его близок к истине, я решил изложить сливки его мыслей из его книг его собственными, словами, а путями и взглядами остальных (ученых — М. Ю.) решил пренебречь»³.

«Среди мусульманских ученых, тот, кто полностью освоил труды Аристотеля, — это, несомненно, Ибн Сина, — продолжает Ш. Марджани, — это он показал в своих сочинениях «аш-Шифа» («Книга исцеления»), «ан-Наджат» («Книга спасения»), «ал-Ишарат» («Книга указаний»). Причем во многих вопросах он пошел против Аристотеля, написал на него комментарии. Мусульманские ученые совершенствовали науки, оставшиеся им от греков»⁴.

Содержание «Мукаддима...» Ш. Марджани, где древнегреческой культуре и иранской культуре периода Сасанидов отводится примерно одинаковая роль, показывает, что научно-философская мысль средневекового Востока не только освоила, но и критически переработала духовное наследие прошлого, дополнила его собственной интерпретацией, оригинальными идеями и создала на

¹ Ш. Марджани называет ал-Фараби согласно тогдашней традиции «вторым учителем» («первым учителем» считался Аристотель). Ш. Марджани справедливо подчеркивает влияние ал-Фараби на формирование таких крупных мыслителей Востока, как Ибн Сина, Ибн Рошд и других. См.: Мукаддима..., с. 301.

² Ш. Марджани пользовался сочинением аш-Шахрастани «Китаб ал-милал ва ан-нихал» (Книга религиозных сект и философских систем). Следует заметить, что это очень древний и авторитетный источник, что подчеркивают как советские ученые (См.: Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат..., с. 27), так и зарубежные. Например, крупнейший английский арабист Х. А. Р. Гибб писал: «В арабской литературе мало сочинений, которые внушали бы большее уважение к средневековой науке, чем это произведение... Он излагает доводы и воззрения даже самых еретических школ с замечательной беспристрастностью». См.: Гибб Х. А. Р. Арабская литература. М., 1960, с. 88.

³ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 301.

⁴ Там же, с. 324.

этой базе новую, исторически самобытную и внутренне цельную теоретическую систему.

Таким образом, все передовое по тому времени наследие, которым овладел Ш. Марджани, помогло ему правильно оценить своего предшественника Курсави.

В Бухаре близкое к эмиру ортодоксальное духовенство города старалось предать забвению имя его предшественника, чтение трудов которого считалось преступлением¹. С трудом раздобыв в Бухаре сочинения Курсави² и внимательно ознакомившись с ними, Ш. Марджани понял, что истина на стороне Курсави. Отношение Ш. Марджани к последнему хорошо видно из его примечаний, сделанных в 1846 г. в конце переписанной им же самим книги Курсави, где он называет своего предшественника «поклонником истины»³.

В «Мустафад ал-ахбар...» и «Вафийат ал-аслаф...» историк дал творческий портрет своего смелого соотечественника, отмечая, что Курсави отказался слепо следовать традициям и наставлениям предков. Марджани также подчеркивал его заслуги и завидное гражданское мужество.

Например, опираясь на свидетельства своих соотечественников, современников Курсави, получивших образование в Бухаре, а также на основании сведений таких своих наставников, как Абу Саид ибн Абдулхай ас-Самарканди и другие, Ш. Марджани с присущей ему образностью и прямоотой отмечал, что «мелла Абу-Наср (Курсави.— М. Ю.) покинул Бухару, посадив всех так называемых ученых в «лужу»⁴.

С целью популяризации диалектических взглядов своего предшественника Ш. Марджани еще в Бухаре написал труд «Танбих абна ал-аср аля танзих анба Абу ан-Наср» («Предупреждение сыновей эпохи беспристрастными известиями Абу Насра») ⁵.

¹ Сб. «Марджани», с. 39.

² Там же, с. 58. Речь идет о рукописном произведении Курсави «Аль-иршад лил гыйбад». («Наставление на правильный путь»), изданном в 1903 году в Казани.

³ Там же.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 2, с. 169; его же. Вафийат ал-аслаф..., т. 6, с. 292.

⁵ Этот труд представляет собой рукописную статью небольшого объема. Один из списков его, переписанный в 1880 г., хранится в ФАР ВС ОРРК НБ КГУ, под инв. № 1468.

Примечателен такой факт, характеризующий эволюцию взглядов ученого. В начале своего пребывания в Бухаре в декабре 1841 г. об авторе многочисленных книг, популярных среди казанского духовенства, Сауде ад-Дине Масуде ибн Умаре ат-Тафтазани (1322—1389) Ш. Марджани отзывался как о непререкаемом авторитете¹. А в конце своего пребывания в Средней Азии он начинает смотреть на него как на обыкновенного сочинителя-компилятора. Более того, когда уже в Казани некоторые осуждали Курсави за то, что тот осмелился подвергнуть критике ат-Тафтазани, Ш. Марджани с гневом заявил: «Странно, что наше общество не верит в свои силы, не верит, что кто-то из нынешних ученых по силе своего ума может сравниться с прежними учеными... Что же касается Абу Насра ал-Курсави, он и в богословии, и в умопостигаемых науках, и в красноречии не только достиг уровня ат-Тафтазани, но и во многом был выше его»².

Подвергнув критике многие положения ат-Тафтазани, Ш. Марджани написал свой труд «Ал-хикмат ал-балига...», который являлся комментарием к основному сочинению ат-Тафтазани, срывал с последнего ореол святости, показывал ограниченность его автора. А труд Ш. Марджани «Ал-азб ал-фурат...» («Освежающая вода»), являясь субкомментарием к сочинению ад-Дувани, преследовал аналогичную цель по отношению к последнему.

Эти две работы, наряду с «Назурат ал-хак...», привели к брожению умов, явились толчком к развитию свободомыслия среди ученых кругов татарского общества, послужили в значительной степени поводом для обвинения Ш. Марджани в неверии и ереси³.

Как видно из вышеизложенного, Ш. Марджани, подобно западноевропейским просветителям, подверг насилие прежних авторитетов строгому суду разума. Если авторитетность трудов предшественников не вызывала сомнений, он их принимал, в противном случае — неумолимо отвергал.

¹ Сб. «Марджани», с. 42.

² Фәхретдинов Р. Мәржани — Россия меселманнарының мәшһур галимнәреннән (Марджани — выдающийся ученый из мусульман России) — «Шура», 1914, № 10, с. 291.

³ Сб. «Марджани», с. 227.

В то время многие не проводили четкого различия между верой (игтикад) и теоретическим богословием (калам). Если кто-нибудь сомневался в истинности чего-либо в теоретическом богословии, его считали отступником от веры, кафиром. Изучая произведения Курсави, Ш. Марджани убедился в полной несостоятельности подобных обвинений. Он понял, что вероисповедание истинное (то есть которого придерживались при Мухаммеде и непосредственно после него) — это одно, а вероисповедание, которое со временем трансформировалось, искажалось и наконец стало определенным шаблоном, — это — другое!

И поэтому, как Курсави, он призывает к творческому изучению первоисточников, считая, что каждый должен сознательно находить доказательства всему, в чем сомневается. Для нас, конечно, важно другое — то, что свой принцип философского сомнения ученый перенес в историческую науку, где его девизом стал, выражаясь по-современному, лозунг «Назад к первоисточникам!»

Такой переоценке ценностей, на наш взгляд, немало способствовало сочинение ал-Газали «Ихйа улум ад-дин» («Воскрешение богословских наук»), в котором автор отбросил всякую зависимость от более ранних авторов и обратился прямо к первоисточникам. Ш. Марджани привлекало в ал-Газали также его диалектика, заключенная в этом произведении¹. Действительно, популярность книги, а также сокращенной и облегченной ее редакции на персидском языке, широко распространенной в Казани под названием «Кимийа-йи саадат» («Философский камень счастья»), была всегда исключительно велика. Не случайно, что Ш. Марджани также отмечает влияние этого произведения на формирование мировоззрения своего предшественника Курсави².

Однако Ш. Марджани и здесь остается верным себе. Перенимая рациональное у Газали — его диалектику, он отмежевывается от него по многим вопросам. Более того, он осуждает его за то, что тот называл еретиками таких мыслителей, как Ибн Сина и ал-Фараби³.

¹ Сб. «Марджани», с. 56. См. также: Фәхретдинов Р. Марджани — Руссия мөселманнарының..., с. 258.

² Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 2, с. 168.

³ Сб. «Марджани», с. 266.

Известно, что Газали — враг греческой науки. А Марджани же, наоборот, пытался четко разграничить область веры и науки, поднимал на пьедестал Ибн Сину за то, что тот одним из первых среди мусульманских ученых полностью освоил труды Аристотеля¹.

В Самарканде Ш. Марджани близко познакомился с одним из крупных ученых города — историком Абу Саид ас-Самарканди. В «Вафийат ал-аслаф...» Ш. Марджани очень тепло отзывался о нем. Он писал: «Этот ученый был первопричиной тому, что я стал интересоваться исторической наукой и приступил к исследованию исторических сочинений. В Средней Азии я не встретил более эрудированного и благородного человека, чем он. У него имелись книги по различным наукам, которых нигде нельзя было встретить. Редкие книги он стремился приобрести хотя бы и втридорога»².

Увлечение историческими сочинениями в библиотеке этого ученого³, знакомство с произведениями Ибн Халликана, Ал-Масуди, Якута ал-Хамави (ок. 1179—1229), Ибн ал-Асира (1160—1233), Хаджи Халифы (1609—1657), Шамс ал-Дина ад-Димашки (1256—1327) и других авторов, повествующих о булгарах и их путешествиях в Багдад и Мекку, привели к тому, что в основе интересов Марджани наряду с мусульманской догматикой становится история. Как мы видим, этому способствовали и субъективные факторы.

Если в Самарканде наставником его на этом поприще был Абу Саид ас-Самарканди, то в Бухаре, начиная с первого же года пребывания и кончая отъездом на родину, он находился под влиянием другого не менее одаренного историка Хусейна ибн Мухаммеда ал-Кирмани ал-Каргали, который хотя и не был официальным преподавателем, но отличался как мыслитель, великолепно знающий арабский, персидский и тюркский языки, сочиняющий на этих языках свои произведения, а также имеющий богатую библиотеку. Свой крупнейший труд

¹ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 324.

² Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф..., т. 6, с. 422—428.

³ Часть этой самой богатой историческими сочинениями библиотеки в Самарканде после смерти Абу Саида ас-Самарканди в 1849 г. перешла в руки местного ориенталиста В. Л. Вяткина. См.: К столетию со дня рождения татарского ученого Шигабутдина Марджани. ИОАИЭ. 1915, т. 29, вып. 1—3, с. 126.

«Вафийат ал-аслаф...» Ш. Марджани задумал написать по совету этого ученого¹.

Возможно, именно биографический словарь Иакута ал-Хамави или Ибн Халликана или же библиографическо-энциклопедический справочник Хаджи Халифы усилили его желание создать подобное же обширное сочинение для своих соотечественников. Характерно, что пока не изданный шеститомный труд Ш. Марджани «Вафийат ал-аслаф...» как по названию, так и по содержанию и стилю напоминает труды вышеназванных восточных авторов, особенно «Даты смерти выдающихся людей» Ибн Халликана. Ш. Марджани мог ознакомиться с этим трудом как на арабском, так и на персидском языке, поскольку последний был переведен на персидский язык еще при жизни автора. Как и Ибн Халликан, Ш. Марджани стремился охватить в своем труде выдающихся лиц, проявивших себя во всех областях жизни. Он также, как и Ибн Халликан, оживляет сведения о выдающихся людях разнообразными анекдотами и лирическими отступлениями, вплетенными в канву повествования как бы между прочим.

После возвращения из Самарканда в Бухару Ш. Марджани большое внимание уделяет сбору всевозможных сведений по истории. Он также увлекается математикой. В библиотеке Ш. Марджани имелись книги по геометрии, переписанные собственноручно. В этой области знаний ему оказал помощь его единомышленник и друг Низам ад-Дин ал-Илхами².

По замечанию биографов, для переписывания ценных исторических сочинений, приобрести которые ему было не под силу, он прибегал к помощи своих друзей и учеников, иногда просто нанимал переписчиков на экономленные от повседневных расходов деньги. Многочисленные материалы, обнаруженные в библиотеке Ш. Марджани, написанные различными почерками, число которых доходит до пятнадцати, красноречиво доказывают это³.

Как отмечают историки, помимо приобретенных им

¹ Сб. «Марджани», с. 43.

² Там же, с. 64.

³ Сб. «Марджани», с. 61.

рукописей, Ш. Марджани вывез целый тюк выписок из рукописей библиотек Средней Азии¹.

На основе вышеизложенного можно прийти к заключению, что мировоззрение Ш. Марджани начало складываться под влиянием древнегреческой культуры. Причем одним из каналов, посредством которого Ш. Марджани ознакомился с древнегреческой наукой и источниками, была арабоязычная и ираноязычная литература.

Ознакомление с этой литературой, а также обстоятельное изучение восточных классиков расширили кругозор Ш. Марджани, способствовали формированию у него относительно передового для своего времени мировоззрения, в конечном счете подготовили предпосылки для восприятия им в последующем европейской и передовой русской культуры.

Под влиянием этого прогрессивного для своего времени наследия и общения с людьми, влюбленными в историческую науку, у Марджани заметно повысился интерес к проблемам национальной истории, что в итоге способствовало тому, что он стал ученым в этой области знаний.

Свое пребывание в Средней Азии, которое явилось подготовкой к его широко развернувшейся в Казани деятельности в области истории, Ш. Марджани посвятил в основном собиранию всевозможных редких книг и рукописей исторического содержания. Он снимал копии с монет, изучал в библиотеках арабские, персидские и турецкие хроники, посещал развалины старых дворцов. Приобретенные сведения он фиксировал в специальных тетрадах. Материалы, накопленные во время одиннадцатилетнего пребывания в Средней Азии, легли в основу многих его исторических произведений.

Ш. Марджани пристально следил и за внутренней жизнью Бухары. Экономический и политический хаос в Бухаре определил его критическое отношение к существующим в эмирате порядкам, особенно к системе схоластического образования, что нашло конкретное выражение в первых его работах, написанных в Средней Азии. В них уже отчетливо видны элементы рационализма и социальной критики, получившие дальнейшее раз-

¹ К столетию со дня рождения..., с. 127.

Ш. Марджани в 45 лет.
Источник: сб. «Марджани».
Казань, 1915.

витие в других его основных работах, написанных в Казани.

В Казани. Отмечая своеобразие конкретно-исторической обстановки, в которой пришлось работать Ш. Марджани после возвращения из Средней Азии, известный теоретик литературы Дж. Валиди писал: «Как показывает история, в каждой нации в самом начале ее зарождения религия, наука и культура тесно переплетены, выступают вместе, даже в одном понятии. Вся наука как бы вытекает, выкристаллизовывается, формируется из религии. Религиозный характер носит и самопробуждение. Так сложилось и у нас. Ш. Мар-

джани, как и другие представители татарского духовенства, был питомцем Бухары. Однако он своими знаниями, мышлением стоял особняком от них, более того, он разрушал их узкие традиционные рамки относительно науки, за что те восстали против него»¹.

Более обобщенно аналогичная мысль о той исторической обстановке была высказана и другими. «До середины XIX столетия,— писал Г. Ибрагимов,— во всем татарском мире господствовала старая идеология, созданная татарским феодализмом... Вся культура, все просвещение были в руках старого духовенства»².

И разумеется, предводители этого духовенства или, иначе говоря, тогдашние ученые круги как Казани, так и Уфы, будучи послушным орудием в руках местных влиятельных богачей, должны были определить дальнейшую судьбу Ш. Марджани.

Как красочно описывает Ш. Марджани в своем «Мустафад ал-ахбар...», они устраивают ему по приезду из Бухары экзамены, выдержав которые, 6 марта 1850 г.

¹ Валиди Жамалетдин. Татар әдәбиятының..., с. 42.

² Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года. Казань, 1926, с. 26.

на основании указа № 2011 он назначается настоятелем 1-й Казанской мечети и главным преподавателем медресе при ней¹.

Путь, пройденный Ш. Марджани в Казани, был очень нелегок во всех отношениях, не исключая личной жизни, осложненной дрызгами провинциального города, где всеми делами, касающимися татарской общины, правил один из самых влиятельных богачей Ибрагим Юнусов, известный во всей губернии как Узун Ибрай (Длинный Ибрай). Он был в близких отношениях с представителями царской власти в Петербурге. Без его санкционирования ни одно начинание, ни одно мероприятие, связанное с жизнью татарской общины, не претворялось в жизнь. Являясь практически полновластным хозяином татарской общины в Казани, Ибрагим Юнусов любил играть роль мецената и стремился окружить себя талантливими людьми. Назначение Ш. Марджани настоятелем 1-й Казанской мечети и главным преподавателем медресе при ней было осуществлено с его одобрения. Однако гордый и независимый Ш. Марджани, считающий образованность и ум выше богатства, не подчиняется причудам этого самодура², решительно пресекает его вмешательство в учебные дела. Ш. Марджани очень скоро убеждается в беспочвенности своих надежд на реализацию при существующем строе принципов справедливой организации учебного процесса, которые он вынашивал еще в Бухаре и которые ему были дороги. Не желая поступиться ими, ученый встал в резкую оппозицию к правящей элите, во главе которой был вышеуказанный Ибрагим Юнусов, представлявший интересы феодально-клерикальной верхушки Казани. В результате он под различными предлогами был два раза (в 1854 и 1874 гг.) лишен должности³.

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 2, с. 44—45.

² О его самодурстве в Казани ходили различные легенды. Однажды пригласив к себе в гости уважаемых людей, он распорядился прибить их обувь в прихожей гвоздями к полу. См.: сб. «Марджани», с. 88.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 2, с. 48—51. Из архивных документов явствует, однако, что общественность протестовала против этого самоуправства муфтия. См.: Материалы ЦГА БАССР. Фонд Оренбургского духовного собрания, оп. 3, д. 3499, л. 84.

Медресе Ш. Марджани. Источник: сб. «Марджани». Казань, 1915.

Характеризуя личность Ш. Марджани, следует отметить присущие ему высокие гражданские качества. Как гуманист он постоянно стремился помочь человеку труда. В этом он видел и основную цель науки. Ш. Марджани отличался беззаветной преданностью науке, безоговорочно принося в жертву ей личное. Ученому были свойственны также непоколебимая стойкость идеалов, верность избранному пути и высокая принципиальность. Последние качества он высоко ценил у других, например, у Курсави¹. Для него превыше всего были истина и справедливость и чуждо угодничество в любых его проявлениях. На замечания отца о необходимости придерживаться мнения большинства, чтобы не нажить себе врагов и неприятностей, Ш. Марджани отвечал: «Большинство» имеется и на «суконном» (так называлось местечко в Казани, где располагался суконный рынок.— М. Ю.), но превыше всего истина, честность и благородство².

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 2, с. 168—169; Марджани Ш. Мукаддима..., с. 357.

² Сб. «Марджани», с. 176.

Многочисленные воспоминания современников позволяют представить Ш. Марджани со стороны, так сказать, чисто человеческой. Эта была натура прямая, с избытком наделенная самыми притягательными качествами.

И, естественно, человеку с такой принципиальностью и честностью, выступившему против вековых предрассудков, очень трудно было работать в условиях дореволюционной России.

Немалую роль в травле Ш. Марджани и в лишении его должности сыграли мусульманское духовное собрание и его глава муфтий Салимгирей Тевкелев. Расследование доносов и жалоб на Ш. Марджани было поручено муфтием ярому врагу Ш. Марджани имаму села Кышкар Исмагилу Утямышеву. Тот в свою очередь завербовал к себе в помощники муллу Абдуллу, автора «Джаруды» — пасквиля на «Назурат ал-хак...»¹

Подписывая 10 сентября 1874 г. свое решение об отстранении Ш. Марджани от должности сроком на шесть месяцев, муфтий считал, что «...оно ослабит гордость и упрямство Марджани»².

Труды Ш. Марджани и Р. Фахрутдинова показывают подлинное лицо Мусульманского духовного собрания и его главы — муфтия, опровергая фальсификации современных буржуазных авторов, приписывающих этому органу роль национального лидера российских мусульман³.

Например, давая характеристику Салимгирею Тевкелеву, занимавшему этот пост в течение 20 лет (с 1865 по 1885), Ш. Марджани писал: «Хотя он был человеком миролюбивым, но из-за своей невежественности и нерешительности обыкновенно прислушивался к чужому мнению и, будучи человеком беспринципным, не мог совершить ничего, достойного внимания. То немногое, что он иногда предпринимал, не доводил до конца, зачастую аннулируя свои же решения. Несмотря на свое богатство, важность и знание языка (имеется в виду русского.— М. Ю.), он не оправдал возложенных на него надежд»⁴.

¹ Сб. «Марджани», с. 163.

² Архив УИИЯЛ БФАН СССР, ф. 7, оп. 1, д. 12, л. 169.

³ Там же. Подробно об истинной роли Мусульманского духовного собрания см.: Мухарьямов М. К. Каюм Насыри и ..., с. 15—16.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 2, с. 311.

По мнению Ш. Марджани, не только большой ошибкой, но и преступлением было то, что люди, не сведущие ни в мусульманской культуре, ни в его юриспруденции, имеют возможность занимать и удерживать за собой подобные посты¹.

Необходимо отметить, что Р. Фахрутдинов, изучивший на основании архивных документов подоплеку травли Ш. Марджани и убедившийся в ее безосновательности, приходит к выводу, что пост муфтия в то время являлся своего рода синекурой, а сам муфтий Тевкелев был марионеткой царского правительства, что всеми делами правил тайный секретарь (саркатиб), связанный определенными обязательствами с Н. И. Ильминским, и что невежественные члены Мусульманского духовного собрания, превратив этот орган в орудие мести и занимаясь травлей смелых и независимых людей наподобие Ш. Марджани, тем самым как бы тешили свою зависть по отношению к великим и гордым натурам².

Несмотря на все препятствия, чинимые реакционным духовенством и невежественными богатеями, Ш. Марджани не отступает от намеченного пути, работает над своими произведениями, в которых бичует схоластическую нечисть.

Быстро и верно определил он задачи, стоящие перед татарской нацией. Будущее своего народа историк видел в подрастающем поколении и поэтому всеми доступными средствами добивался изменения характера его воспитания, освобождения просветительских учреждений от влияния невежественных толстосумов. Немало усилий потратил он на реформу школьного дела и внедрение преподавания светских наук, упорядочение работы в медресе.

Следует сказать, что авторы некоторых статей в сборнике «Марджани», основываясь на официальных учебных программах тех лет, неверно и односторонне трактовали педагогическую деятельность Ш. Марджани. Абд ал-Хамид Муслими, один из рецензентов этого сборника, критикуя их, писал: «Ш. Марджани применял в своем преподавании считавшийся лучшим в то время в Европе

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 2, с. 312.

² Архив УИИЯЛ БФАН СССР, ф. 7, оп. 1, д. 12, лл. 168—169.

и Америке метод, по которому ученикам давали самостоятельно мыслить. После окончания занятий Ш. Марджани любил проводить беседы, в которых касался в основном научных проблем — исторических, философских»¹. Известно также, что Ш. Марджани вне программы преподавал своим ученикам математику. Это отмечал также и Х. Фаизханов в своих письмах². Его увлечение математикой, астрономией и географией, основательное знание этих предметов подчеркивают и советские исследователи³. Впервые в истории местной педагогики Ш. Марджани вводит правила внутреннего распорядка для учеников своего медресе.

Его энергию не сломило ни отсутствие общего языка с шакирдами, которые, чтобы не отстать от своих коллег в других медресе, отдавали предпочтение традиционным схоластическим дисциплинам, ни недостаток пособий, который он восполнял из собственной библиотеки.

Следует отметить, что такие последующие просветители, как З. Бигиев, Ф. Халиди и Г. Ильяси, лишь отбражжали художественно многие прогрессивные идеи, которые впервые получили освещение в исторических трудах Ш. Марджани или же были претворены в жизнь им самим.

З. Бигиев, например, в своем «Мавераннахрга саяхат» («Путешествие в Междуречье»), написанном в 1893 г., критикует отсталую систему образования феодального Востока. В этом Ш. Марджани опередил его чуть ли не на полвека. Еще в своих исторических трудах, написанных в Средней Азии, а в последующем также в «Мукаддима» и «Мустафад ал-ахбар...» он аргументированно критикует систему схоластического образования в Бухаре, с позиций ученого-гуманиста дает объективную оценку деяниям таких правителей, как Чингисхан и Тимур.

¹ Муслими Габделхэмид. Маржани. Тәржемәи хәл кыйсме (Марджани. Раздел биографии).—«Шура», 1916, № 15, с. 124—125.

² Фәхрәтдинов Р. Хәсән әфәнде Фәезхан.—«Шура», 1916, № 18, с. 428.

³ Горохов В. М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. Казань, 1941, с. 166; Чернышев Е. И. Татария в период разложения крепостного строя.—В кн.: МИТ. Казань, 1948, вып. 1, с. 358.

Если последующие писатели Ф. Халиди, Г. Ильясчи считали образованность выше богатства¹, то Ш. Марджани не ограничился декларированием этого положения, а стремился практически провести его в жизнь, освободив свою школу от зависимости таких богачей, как Ибрагим Юнусов, и добившись назначения и официального утверждения коллектива опекунов над ней².

Особо следует отметить отношение Марджани к русскому языку и к русской культуре. Не секрет, что тяжелый гнет и насильственная христианизация породили у татар национальную замкнутость и предвзятое отношение ко многому, что исходило от русских, в том числе и к их культуре.

«Вековое угнетение колониальных и слабых народностей империалистскими державами,— писал В. И. Ленин,— оставило в трудящихся массах угнетенных стран не только озлобление, но и недоверие к угнетающим нациям вообще, в том числе и к пролетариату этих наций»³. По этой причине отношение прогрессивной татарской интеллигенции к политике христианизации, с одной стороны, и к русскому народу, его культуре и языку — с другой, было неодинаковое.

Деятельность Ш. Марджани, как и других татарских просветителей, «объективно была направлена против русификаторской, колониальной политики царского самодержавия, против национального угнетения, ибо эта политика наряду с религиозным фанатизмом сдерживала культурное развитие нации и просвещение масс»⁴. Поэтому не случайно, Н. И. Ильминский в своем письме к Победоносцеву, перечисляя вероятные кандидатуры на пост муфтия, указал на недопустимость занятия его Ш. Марджани⁵. Совершенно прав был В. В. Бартольд, когда писал, что «представители русской власти нередко видели главную опасность для русского господства именно в прогрессивных элементах мусульманского общества, оказывали поддержку мусульманам-староверам,

¹ Гайнуллин М. Каюм Насыров и ..., с. 77.

² Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 2, с. 353.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 167.

⁴ Абдуллин Я. Г. Татарская просветительская мысль, с. 46.

⁵ Ильминский Н. И. Письма Николая Ивановича Ильминского к обер-прокурору Св. Синода Константину Петровичу Победоносцеву. Казань, 1898, с. 174.

считая только их верными подданными России, и принимали от них доносы против их прогрессивных единоверцев»¹.

Ш. Марджани осуждал подавление национальных свобод со стороны царского самодержавия. Он сочувственно относился к освободительной борьбе дагестанского народа во главе с Шамилем. Однако утверждение Х. Хисматуллина о том, что Ш. Марджани переписывался с вождем дагестанского освободительного движения Шамилем², не соответствует действительности. Ш. Марджани подчеркивает, что встречаться или же переписываться с Шамилем ему не приходилось³. В автографе второго тома «Мустафад ал-ахбар...» имеется биография Шамиля, а также описывается выступление татарского населения во главе с Ишбулатом против «подвигов» Луки Канашевича по насильственной христианизации нерусского населения, приводятся различные факты национального и колониального гнета царизма по отношению к народам Среднего Поволжья, изъятие царской цензурой при опубликовании книги⁴.

Но в то же время в отличие от феодально-клерикальной прослойки татарского общества и фанатичного духовенства Ш. Марджани видел закономерность сближения и взаимодействия культур, разных по своим национальным истокам и традициям⁵. И поэтому он был далек от противопоставления татар русским, а наоборот, выступая за преодоление национальных барьеров, пропагандировал необходимость изучения татарам русского языка и русских законов, поскольку татары живут бок о бок с русскими. И самое главное, в своих произведениях он

¹ Бартольд В. В. Восток и русская наука. Соч., т. 9. М., 1977, с. 544.

² Шиһабетдин Мәржани, с. 5.

³ Материалы рукописного отдела ЛО ИВАН СССР, В. 2646. Автограф 2 тома «Мустафад ал-ахбар...», с. 367.

⁴ Там же, с. 391—393. Эти страницы рукописи пестрят вычеркиваниями В. Д. Смирнова, на что было обращено внимание также при ее описании. См.: Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей ИНА, т. 1. М., 1965, с. 71—73.

⁵ Осуждение Ш. Марджани практики самоизоляции, его призывы к освоению достижений других народов подчеркнута также в работе Я. Г. Абдуллина. См.: Абдуллин Я. Г. Татарская просветительская мысль, с. 233.

доказал эту необходимость, приведя ряд веских аргументов.

Например, в «Мукаддима...», он, подобно своему предшественнику Г. Утыз-Имяни, считавшему знание русского языка 41-й заповедью (истинный верующий должен соблюдать 40 заповедей, зафиксированных в мусульманской богословской литературе), писал, что «необходимо знать три вещи — язык, письмо и законы государства, где живешь»¹. В «Вафийат ал-аслаф...» Марджани неоднократно возвращался к этому вопросу², бичевал противников изучения русского языка, выступавших также против нововведений, которые пытался претворить в жизнь его ученик и единомышленник Хусаин Фаизханов³. Своим ученикам Марджани постоянно говорил, что «чем глубже копаешь золотоносную гору, тем больше добываешь руды. Русский язык подобен этой горе»⁴.

Наряду с пропагандой русского языка он выступал за чистоту татарского языка, считал недопустимым смешивать при разговоре различные языки, что привело бы в какой-то мере, по его мнению, к порче языка и потере национальной самобытности народа⁵.

Обладая широким кругозором, Ш. Марджани хорошо понимал, что если в прошлом, во времена знаменитого караванного пути, культура приносилась к берегам Волги из Хорезма, то теперь — в XIX веке — дело обстоит наоборот. Для него была ясна прогрессивная роль России и русского языка в судьбах нерусских народов. Общеизвестно, что к такому выводу пришли позднее как русские востоковеды старшего поколения, так и современные исследователи⁶.

Ш. Марджани считал, что татары добьются прогресса

¹ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 390.

² По всей вероятности, этот вопрос оставался актуальным и после смерти Марджани. Переписчиками седьмого тома «Вафийат ал-аслаф...» этот материал на полях страницы выделен особо: Положение об изучении русского языка. См.: Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф..., т. 7, с. 491.

³ Там же, т. 6, с. 496.

⁴ Шиһабетдин Мәржани, с. 13.

⁵ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 390.

⁶ Бартольд В. В. Культура мусульманства. Соч., т. 6, М., 1966, с. 203; Прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России. Научные труды ТашГУ. Ташкент, 1970, вып. 346, ч. 2.

не в Турции, как считали тогда некоторые, а у себя на родине — в России. Прогресс своего народа историк связывал с общим прогрессом России¹.

По предложению крупного тюрколога В. В. Радлова (1837—1918) с сентября 1876 г. по май 1884 г. Ш. Марджани преподавал вероучение в Казанской татарской учительской школе, открытой для подготовки учителей русского языка, и на торжественном акте открытия этой школы выступил с приветственной речью². В течение восьми лет он был также членом педагогического совета этой школы. За эту деятельность реакционные круги мусульманского духовенства называли Ш. Марджани миссионером, еретиком, предателем и всячески преследовали.

В ответ на многочисленные упреки и нападки по этому поводу, подчеркивая закономерный, а не конъюнктурный характер преподавания русского языка, он говорил: «Наш народ не совсем понимает сути вопроса: он считает, что обучение русскому языку дело вредное и что это дело продолжается только потому, что там преподаю я, и что если я перестану работать, то и обучению русскому языку придет конец. А дело обстоит совершенно иначе»³.

Он ориентирует путь развития татарского общества на европейскую и общечеловеческую культуру, высмеивая схоластику и фанатизм мусульманских медресе, питомцы которых лишь углубляют мрак и усиливают бедственное положение масс. По его мнению, знанию и ремеслу не зазорно обучаться всюду и везде, так как знание и просвещение не имеют ни своей родины, ни

¹ Борһан Шәрәф. Мәржани һаҡында жаваплар (Ответы относительно Марджани).—«Шура», 1911, № 24, с. 758.

² Советский ученый А. Н. Григорьев отмечал, что «в эту школу отдавали своих детей передовые, прогрессивные представители татарского общества, понявшие важность получения русского образования, хотя бы и через эту школу». Примечательно, что первый татарский большевик Х. Ямашев первоначальное образование получил в медресе Ш. Марджани, а в последующем — в упомянутой русско-татарской учительской школе. См.: Григорьев А. Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии (с половины XVI в. до февраля 1917 г.).—МИТ. Казань, 1948, вып. 1, с. 268. См. также: Хәкимов Х., Шәрәфетдинов З. Мәғрифәт учагы (Очаг просвещения).—«Казан утлары», 1976, № 9, с. 181—184.

³ Сб. «Марджани», с. 133.

своего особого языка¹. Как здесь не вспомнить слова К. Маркса, который, подчеркивая закономерность процесса тесного общения народов, писал, что «всякая нация может и должна учиться и других»².

Еще дореволюционные исследователи отмечали, что «заслуга Ш. Марджани состоит в том, что он заставил татар повернуться от Востока к европейской и русской культуре. В этом отношении его заслуги перед татарским народом напоминают заслуги Петра Великого у русских»³.

Будучи страстным поборником подъема национальной истории, он посвятил все свои творческие силы освобождению своего народа из плена басен и мифов относительно своего прошлого и сделал немало, чтобы пробудить его национальное самосознание.

Поэтому наряду с педагогической деятельностью Ш. Марджани, снискавшей ему славу, выделяется его деятельность по изучению истории местного края и составлению основополагающих исторических трудов.

Научной работой Ш. Марджани, как известно, начал заниматься еще в Средней Азии. По прибытии в Казань он предпринял серию путешествий с целью исторических, этнографических и археологических исследований⁴.

Из «Мустафад ал-ахбар...» явствует, что Ш. Марджани съездил не только в татарские, но и русские, чувашские и марийские села⁵. Во время этих поездок он увлеченно занимался научными изысканиями, предавался им самозабвенно. Ш. Марджани сожалеет, что из-за летних уборочных работ в начале августа, а также из-за других объективных причин ему не удалось ознакомиться с грамотой Ивана IV, которая имелась в руках чувашей

¹ Сб. «Марджани», с. 528.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10.

³ Биккулов Г. Шимал төркләренә бөек каһарманы (Великий богатырь северных тюрков).—«Кояш», Казань, 1915, 9 января.

⁴ Р. Фахрутдинов перечислял ряд мест на территории Татарии, куда Ш. Марджани съездил с научной целью. См.: Архив УИИЯЛ БФАН СССР, ф. 7, оп. 1, д. 12, л. 185. Советский историк и археограф С. А. Вахидов также писал, что Ш. Марджани с целью описания исторических памятников посетил села Лаишевского, Заинского и Тетюшского уездов. См.: Вахиди С. А. Марджани китабханәсе һәм аның соңғы язмышы (Библиотека Марджани и ее судьба).—«Безнең юл». Казань, 1929, № 6—7, с. 15.

⁵ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 25—30.

деревни Байтирак, о чем стало известно ему через Х. Фаизханова. Эта грамота была якобы дана татарским мирзам, предкам этих чуваш.

Во время выездов в различные местности он внимательно изучал различные памятники древности, исследовал надписи на надгробных камнях и древние монеты, собирал и записывал предания и памятники устного народного творчества¹.

На развалинах города Булгара и в его окрестностях Ш. Марджани побывал несколько раз. Историк описал некоторые памятники Волжско-Камской Булгарии. Известны также его глубоко прочувствованные философские стихи об эстафете поколений, которые он написал в 1860 г. на стене малого минарета².

Деятельность Ш. Марджани по изучению истории местного края привлекла внимание В. В. Вельяминова-Зернова, который в своем труде приводил тексты двух писем Ш. Марджани, адресованные Хусайну Фаизханову, где ученый дает расшифровку надписей на надмогильных камнях³. Причем из замечаний Вельяминова-Зернова явствует, что интерпретация Ш. Марджани, наиболее правильная по сравнению с толкованием как его предшественников, так и современников⁴.

И следующие ученые подчеркивали высокую эрудицию исследователя в чтении эпиграфических памятников XIII—XVIII вв.⁵

Подобно таким знаменитым путешественникам, как ал-Йакуби и ал-Масуди, добывшим свои обширные познания не только в тиши своих келий, но и в результате длительных путешествий, Ш. Марджани тоже предпринимает в 1880 г. путешествие в Турцию и в страны арабского Востока. Официально поездка являлась паломничеством в Мекку. Но как явствует из записей Ш. Марджани, она была далеко неординарным путешествием рядового хаджи.

Обладая разносторонними познаниями, тонкий наблюдатель, он во время этого путешествия представлял

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 29.

² Там же, с. 9, 14—15.

³ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., ч. 1, 1863, с. 548—557.

⁴ Там же, с. 553.

⁵ Юсупов Г. В. Введение..., с. 55.

собой настоящего ученого, стремящегося к знаниям, к эксперименту. Так, например, он записывал названия даже мельчайших населенных пунктов, расстояния между ними, интересовался нравами и обычаями населения. В Стамбуле Ш. Марджани снял копии с надписей на куполе мечети султана Селима, встретился с автором сборника «Чагатайский и османский языки» ученым Кудратулла ал-Кандузи, а в Каире скопировал надписи на стенах мечети Мухаммеда Али, навесил египетского ученого Махмудбека ал-Фаллаки¹.

Представляет интерес описание им египетских пирамид, которые он шутливо сравнивает со скирдой ржи. Красочны и вместе с тем злободневны для тех времен его зарисовки, касающиеся затворничества египетских женщин².

При посещении исторических мест в Каире он своей осведомленностью приводил в изумление гидов-египтян, которые откровенно признавались, что они впервые от Ш. Марджани узнают о Египте много нового³.

Он не только побывал в таких городах Передней Азии, ближнего Востока и Африки, как Стамбул, Измир, Бейрут, Дамаск, Каир, Суэц и другие, но и занимался в Александрийской библиотеке, посетил книгохранилище Хамидия в Турции, где сделал выписки из редких изданий, а также оставил ему в дар свои книги⁴. Небольшая деталь для характеристики Ш. Марджани: во время этой поездки он встречался с крупными учеными и довольно прогрессивными государственными деятелями Турции — Муниф-пашой, Джаудат-пашой, Асим-пашой и другими⁵. Его хотели представить также турецкому султану Абдул-Хамиду II (правил в 1876—1909 гг., заслужил политикой угнетения народов Османской империи прозвище «кровавый»). Однако Ш. Марджани «не нашел времени» для встречи с ним. Сам он объясняет это тем, что не хотел отстать от своих попутчиков⁶.

¹ Рихлат ал-Марджани (Путешествие Марджани). Издал Ризаутдин Фахрутдинов. Казань, 1898, с. 4—127.

² Там же, с. 12—15.

³ Сб. «Марджани», с. 146.

⁴ Там же, с. 138—149.

⁵ Там же, с. 138—149. См. также: Рихлат ал-Марджани, с. 6—8.

⁶ Сб. «Марджани», с. 156.

А ведь его современники, вельможи, как, например, Салимгирей Тевкелев, будучи в Турции прежде всего домогались аудиенции у султана¹.

Наконец, это путешествие дало ему возможность посетить крупные города России — Москву, Киев, Нижний Новгород, Одессу, Курск.

Благоприятное влияние на формирование взглядов историка оказывают знакомство и постоянное общение с русскими учеными и общественными деятелями.

Известно, что появление прогрессивных мыслителей у татар, как Курсави и Марджани, это в конечном счете результат взаимосвязей русских и татар на основе складывающихся капиталистических отношений. Они из-за исторически сложившихся условий, особенно в силу близости татарского населения к экономическим центрам России, были настолько ощутимы, что «российская ориентация взяла верх над восточной и «в первой половине XIX века впервые оформляется татарская общественная мысль в произведениях Курсави, Утыз-Имяни и Марджани, направленная против восточной схоластики, против исключительно религиозного образования, против чиновничества, т. е. против того же крепостничества»².

Ш. Марджани считал необходимым знакомить с жизнью своего народа и русских. Он находился в постоянном общении с русскими учеными, оказывал им содействие в сборе памятников истории и культуры татарского народа и в подготовке трудов о его прошлом.

Связи и постоянное общение с учеными Казанского университета расширили кругозор историка, способствовали его ознакомлению с русской и западноевропейской культурой и литературой.

Ш. Марджани был в весьма хороших, даже приятельских отношениях с членом-корреспондентом Академии наук профессором И. Ф. Готвальдом (1813—1897) и академиком В. В. Радловым. Иностранцев ориенталистов или туристов, приезжающих в Казань, И. Ф. Готвальд, как правило, знакомил с Марджани как представителем местных ученых³.

¹ Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф..., т. 6, с. 560.

² Чернышев Е. И. Татария в период..., с. 365.

³ Сб. «Марджани», с. 483.

В библиотеке Готвальда и поныне встречаются «любовно переплетенные в один томик брошюры и статьи Шигабутдина Марджани»¹. Ш. Марджани поддерживал также творческие связи с первым востоковедом среди русских женщин, переводчицей произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова на турецкий язык О. С. Лебедевой². Все это способствовало в определенной мере приобщению татарского ученого к русской и европейской культуре. Например, под влиянием В. В. Радлова он прививает своим дочерям любовь к музыке, а через И. Ф. Готвальда обучает их языку иврит³, так как и сам был большим охотником до изучения различных языков и письменностей.

Русский язык Ш. Марджани знал, хотя и не в достаточной степени. Примечательно, за три дня до смерти он вручил своему ученику книгу на русском языке, чтобы тот, используя ее как источник, завершил начатую им самим работу⁴.

Исследователи отмечают, что в библиотеке Марджани было много произведений русских историков и что для освоения их он часто прибегал к помощи М. Махмудова и М. Аитова, которые значительно лучше знали русский язык и сами увлекались историей местного края. Доказательство этому — содержание письма Мухамедзяна Аитова к Ш. Марджани, датированное 12 марта 1864 г., которое было обнаружено Г. Губайдуллинским среди черновиков I тома «Мустафад ал-ахбар...»⁵. Творческое содружество Ш. Марджани с М. Аитовым и М. Махмудовым отмечено и другими исследователями⁶.

¹ Аристов В., Ермолаева Н. Все началось с путеводителя... Казань, 1975, с. 147—148.

² Каримуллин А. Г. Татарская книга начала XX века. Казань, 1974, с. 138; его же, Лебедева О. С. — «Гюльнар-ханум». — НАА, 1977, № 3, с. 150—151.

³ Сб. «Марджани», с. 188.

⁴ Там же, с. 457.

⁵ Там же, с. 344.

⁶ Михайлова С. М. Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья (1800—1861). Казань, 1972, с. 197; Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. Казань, 1972, с. 143; Алишев С. Х. Каюм Насыри и Мухаметзян Аитов. — В кн.: Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. Казань, 1976, с. 197; Дульский П. Казанский каллиграф Али Махмудов. — ВНОТ, Казань, 1930, № 9—10, с. 172—177.

Как видно, Ш. Марджани не была присуща замкнутость, характерная для большинства представителей татарского духовенства. Экзотическая фигура ученого в белой чалме и в зеленом чапане довольно часто привлекала внимание русских ученых на заседаниях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете¹. Ш. Марджани активно участвовал в работе IV Всероссийского съезда археологов, состоявшегося в 1877 г. в Казани, где выступил со специальным докладом по истории Булгара и Казани. Это первый случай выступления татарских ученых на Всероссийском научном форуме.

Р. И. Нафигов, изучивший поволжскую печать этого периода, сообщает интересный факт, что Ш. Марджани принял в марте 1876 г. у себя дома в Татарской слободе всемирно известного ученого, автора труда «Жизнь животных» А. Брема, который посетил Казань в составе германской северо-полярной научной экспедиции, направлявшейся в Западную Сибирь. А. Брема и его коллегу Ф. Финша сопровождал В. Радлов. А. Брем говорил с Марджани по-арабски, удивив и своего собеседника и еще более шакирдов медресе².

Необходимо отметить, что Ш. Марджани постоянно стремился быть на уровне той науки, для которой он неустанно трудился. Уже в зрелом возрасте, завершая в Казани свои исторические труды, он явно ощущал отсутствие первоисточников, так как материалы, собранные им во время 11-летнего пребывания в Средней Азии, нуждались в уточнении. Поэтому он всячески стремился связаться с учеными Петербурга. В этом отношении большую услугу ему оказал Хусаин Фаизханов. Поскольку роль этого человека в формировании исторических взглядов Ш. Марджани значительна, следует остановиться на нем несколько подробнее.

Х. Фаизханов до приглашения его в Петербургский университет преподавателем татарского и турецкого языков учился у Марджани. При этом исследователи подчеркивают, что «уроки Ш. Марджани... помогли Х. Фаизха-

¹ Сб. «Марджани», с. 433.

² Общественно-политическая мысль в Поволжье в XIX — начале XX вв. Казань, 1977, с. 77—78; «Казанский биржевой листок», 1880, 26 марта, № 23.

нову в дальнейшем развитии, становлении его научного мировоззрения. Письма Х. Фаизханова из Петербурга своему учителю показывают, что всю свою жизнь он питал чувство признательности к Ш. Марджани¹.

Придавая существенное значение Х. Фаизханову в привитии Ш. Марджани европеизированного мировоззрения и научных навыков русских ученых, Р. Фахрутдинов писал, что преподаватель университета Гали Махмудов и ученик Марджани Хусаин Фаизханов были как бы связующим звеном между учеными Казем-беком, Радловым и Марджани. «Хусаин Фаизханов был настолько предан Ш. Марджани,— отмечал Р. Фахрутдинов,— что если узнавал что-либо или слышал новое или видел новую книгу, сразу же сообщал об этом своему учителю Ш. Марджани»².

Сам Марджани, вспоминая о своем ученике, с благодарностью говорил: «Вначале я был против переезда Хусаина в Петербург и старался отговорить его от этого намерения, но своего не добился, он уехал. Но потом его работа в Петербурге мне очень помогла»³.

Ни разлука, ни время, ни расстояние не поколебали взаимной привязанности этих людей. Дружба между этими учеными является образцом чистых и высокочеловеческих отношений. Их объединяли общая идейная позиция, общая цель — освободить свой народ от невежества, способствовать его просвещению. Немаловажным фактором, обеспечившим прочные взаимоотношения этих людей, является их твердое убеждение в правоте своих взглядов и устремлений.

В Петербурге Х. Фаизханов был в дружеских отношениях с востоковедами В. В. Вельяминовым-Зерновым, Б. А. Дорном, П. И. Лерхом, Шейхом ат-Тантави. Как свидетельствуют источники, найденные в последнее время, Х. Фаизханов тесно общался также с такими демократически настроенными общественными деятелями и выдающимися просветителями, как В. В. Стасов,

¹ Сафиуллина Ф. С. Хусейн Фаизханов.— В кн.: Вопросы татарского языкознания. Казань, 1965, с. 409.

² Фэхретдинов Р. Габделкаюм Насыйри.— «Шура», 1912, № 21, с. 622.

³ Сб. «Марджани», с. 349.

Ч. Ч. Валиханов и Ибрагим Алтынсарин¹. Вращаясь в петербургских научных кругах, Х. Фаизханов постоянно держит в курсе дел своего учителя. Через Х. Фаизханова устанавливается сотрудничество между Ш. Марджани, В. В. Вельяминовым-Зерновым и Шейхом ат-Тантави. Доказательство этому — содержание писем Фаизханова к Марджани².

Разумеется, что Фаизханов также испытывал на себе благотворное влияние Марджани. Мы не ставили себе цель выявить характер и степень этого влияния, так как это не входит в нашу задачу. Однако при изучении их переписки бросается в глаза характерная особенность. В своих письмах к Фаизханову Ш. Марджани затрагивает, как правило, общемусульманские проблемы: вопросы философии, юриспруденции и т. д., а также дает консультации своему ученику по тем или иным сложным вопросам мусульманской догматики.

Чтобы не быть голословным, приведем выдержки из письма Марджани к Фаизханову, в котором, не отвергая религию в целом, Ш. Марджани уже тогда с немалым полемическим задором высмеивал враждебные позиции реакционного духовенства по отношению к научно-философским знаниям и их представителям. Например, высмеивая такфир³ как универсальное средство, к которому прибегают мусульманские фанатики, чтобы очернить передовых представителей науки, Ш. Марджани иронически замечает: «Некто Абу Марра говорил, что, если кто-нибудь заявит, что в Бухаре столько-то стен кривы и косы, того непременно постигнет божья кара. Поскольку сейчас нет недостатка в охотниках переборщить и перегнуть палку, то, следовательно, немудрено,

¹ Госманов М. Мәржани турында..., с. 118; его же. Хөсәен Фәезхан улының бер хыялы (Мечта Хусаина Фаизханова) — «Казан утлары», 1971, № 3, с. 170—177. См. также: Общественно-политическая мысль..., с. 32.

² Фэхретдинов Р. Хөсәен әфәнде Фәезхан.— «Шура», 1916, № 16, с. 378; № 14, с. 329.

³ Такфир — по арабски означает «обвинение в неверии». Своеобразная форма мусульманской анафемы, практикуемая представителями реакционного духовенства по отношению к тем лицам, которые не соглашались с обветшалыми догмами ислама или допускали вольнодумство.

что для обвинения в неверии в книгах фетвы отыщется какая-нибудь да легенда»¹.

Из переписки двух ученых явствует, что Фаизханов был в курсе всех творческих планов Марджани, своевременно знакомился с произведениями последнего, помогал ему советами, а также непосредственно оказывал помощь своему учителю при создании им исторических трудов. Совершенно правы, на наш взгляд, составители библиографического словаря отечественных тюркологов, считающие Х. Фаизханова «...сотрудником Марджани в составлении трудов по истории татар»².

Нет ни одного письма Х. Фаизханова к Ш. Марджани, в котором не шла бы речь о тех или иных книгах справочного характера, которыми снабжал он своего учителя. Или же по просьбе Ш. Марджани он сам делал выборки из книг для его исторических сочинений. Например, в одном из писем Фаизханов сообщает, что в библиотеке университета имеется три тома Джабарти, которые он намеревается достать через Шейха ат-Тантави, будучи с ним знаком³. Фаизханов высказывает опасение, что библиотекарь барон П. И. Демезон не даст Тантави рукопись, если узнает, что это для него⁴.

В другом письме Х. Фаизханов сообщает: «Из Кашф аз-зунун»⁵ пока выборку не сделал. Если поеду в Ваши края весной, захвачу с собой»⁶.

Благодаря Фаизханову Марджани своевременно ознакомился с новинками арабской литературы, с деятель-

¹ Архив УИИЯЛ БФАН СССР, ф. 7, оп. 1, д. 14, с. 60.

² Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974, с. 277.

³ Фәхретдинов Р. Хәсәен әфәнде Фәезхан — «Шура», 1916, № 14, с. 329. Имеется в виду четырехтомная рукопись египетского историка Абд ар-Рахмана Ибн Хасана ал-Джабарти (1756—1826) «Тарих ал-Джабарти», три тома которой были пожертвованы библиотеке университета учеником Шейха ат-Тантави Тимофеевым. См.: Крачковский И. Ю. Шейх Тантави, профессор С.-Петербургского университета (1810—1861). Т. 5, М.—Л., 1958, с. 274.

⁴ Это опасение Х. Фаизханова оправдалось, и Шейху ат-Тантави пришлось самому делать выборку для Марджани. См.: Каталог арабских рукописей Института народов Азии. (Сост. Михайлова А. И.) История. М., 1965, вып. 3, с. 141.

⁵ Библиографический справочник турецкого ученого Мустафы ибн Абдаллаха (1609—1659), преимущественно он известен по прозвищам Катиб Челеби и Хаджи Халифа.

⁶ Фәхретдинов Р. Хәсәен әфәнде Фәезхан.—«Шура», 1916, № 14, с. 354.

ностью главных представителей ее возрождения, таких, как Насиф ал-Иазиджи (1800—1871), Бутрус ал-Бустани (1819—1883), Ахмед Фарис аш-Шидйак (1805—1887) и др.

Например, в своем письме к Фаизханову Марджани пишет, что некоторые произведения Фариса аш-Шидйака прочитаны, и напоминает ему его обещание выслать остальные¹.

Плодотворное сотрудничество двух ученых характеризует также письмо, написанное Фаизхановым в ноябре 1864 г., т. е. за два года до своей смерти, в котором, затрагивая вопросы этногенеза народов Поволжья, он излагает Марджани свою гипотезу относительно происхождения болгар. Из письма явствует, что в вопросах этногенеза, которые являются в «Мустафад ал-ахбар...» как бы ключевыми, ученые постоянно советовались и придерживались одной версии. Например, Х. Фаизханов сообщает, что относительно истории Булгар имеется сборник Френа.

Касаясь значения слова «саклаб», «сакалиба», Х. Фаизханов продолжает, что, поскольку это слово означает по-арабски «белокурый» и «русый», вполне вероятно, что под ним подразумеваются финны или другой народ, состоящий из финских и тюркских компонентов. В одной из книг Френ пишет «На вопрос: «Что вы за народ? Кто такие болгары?»— они ответили: народ, рожденный от турок и сакалиба».

Это непосредственно подтверждает нашу (разрядка наша.— М. Ю.) гипотезу. Вывод: слово болгар означает смешение, смесь, т. е. является названием нации, состоящей из тюркских и финских компонентов².

Следовательно, даже краткий анализ переписки двух ученых показывает, что в формировании исторических концепций Ш. Марджани наряду с другими факторами определенную роль сыграл его ученик Хусаин Фаизханов³.

¹ Архив УИИЯЛ БФАН СССР, ф. 7, оп. 1, д. 14, л. 61.

² Фәхретдинов Р. Хәсәен әфәнде Фәезхан.—«Шура», 1916, № 18, с. 426—427.

³ Подробно см.: Юсупов М. Х. Содружество Марджани и Фаизханова при разработке проблем истории и общественной мысли.— В кн.: Из истории татарской общественной мысли. Казань, 1979, с. 79—91.

На становление исторических концепций Ш. Марджани вообще и на формирование его взглядов на отдельные вопросы истории, в частности, большое влияние оказал также Абд ар-Рахман Ибн Халдун (1332—1402) из Туниса, крупнейший историк своей эпохи и создатель новой науки об истории, который «впервые в мировой литературе достиг философского понимания истории»¹. и «впервые в истории человеческой мысли создал науку о человеческом обществе, о внутренних закономерностях жизни и развития общества»².

О влиянии Ибн Халдуна на Ш. Марджани более конкретно речь пойдет в других главах монографии. Здесь отметим лишь, что Ш. Марджани наряду с русским востоковедом В. Г. Тизенгаузеном является первым в России ученым, который начал пользоваться трудами магрибского мыслителя. Неопубликованные работы студентов Лазаревского института Романова (1879) и Беляева (1885), содержавшие переводы некоторых глав труда Ибн Халдуна, появились уже позже³. Причем Ш. Марджани, как и большинство последующих востоковедов, пользовался в основном первым томом, теоретической частью сочинения Ибн Халдуна «Мукаддима» (Введение). Подражая Ибн Халдуну, татарский историк изложил содержание своего труда «Вафийат ал-аслаф...» в шести томах. Первый том — теоретическую часть — он, как и магрибский историк, назвал «Мукаддима...»⁴.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что Ш. Марджани окончательно сложился как ученый-историк в казанский период своей жизни под влиянием петербургских и местных ориенталистов и историков. Хотя в Средней Азии, а также после возвращения на родину его и занимали мировоззренческие вопросы и проблемы общемусульманской культуры, в последний период его жизни интересы исторической науки, особенно проблемы национальной истории взяли верх над всеми остальными. Подготовке исторических сочинений и

¹ Гибб Х. А. Р. Арабская литература, М., 1960, с. 108—109.

² Бациева С. М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима...». М., 1965, с. 3.

³ Гульбин Г. Г. Библиографический словарь русских и советских арабистов. Под ред. акад. И. Ю. Крачковского (машинист), — АВЛЮ ИВАН СССР, ф. 78, оп. 1.

⁴ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 5.

изданию их он отдает все свои силы, пытаясь продолжать работу даже тогда, когда болезнь почти лишает его возможности писать.

Разумеется, не все факторы, изложенные здесь, равнозначны. Социально-экономическое развитие России и острота политической борьбы в стране во второй половине XIX в., воздействие которых несомненно испытал на себе Ш. Марджани, а также тесная связь с Х. Фаизхановым, под влиянием которого он стал интересоваться насущными проблемами национальной истории и стал проявлять неослабный интерес к наследию Ибн Халдуна, были серьезными факторами, способствовавшими окончательному формированию его исторических интересов, определившими в какой-то мере содержание и проблематику его произведений. Однако нельзя забывать, что один и тот же фактор может играть как положительную, так и отрицательную роль. Например, 11-летний среднеазиатский период жизни дал Марджани возможность усовершенствовать свои знания восточных языков, пользоваться в богатейших библиотеках Бухары и Самарканда древнейшими рукописями, даже автографами, которые, будучи авторитетными источниками, легли в основу его исторических произведений и в конечном счете определили его сильные стороны как историка-источниковеда.

Но, с другой стороны, длительное пребывание в Средней Азии привело к тому, что мировоззрение Ш. Марджани начало складываться вдали от европейских культурных центров. Этим отчасти объясняется определенная ограниченность Ш. Марджани в подходе к проблемам познания и в решении им коренных мировоззренческих проблем.

Этот фактор в некоторой степени определил, на наш взгляд, и то обстоятельство, что, отдавая дань восточной традиции, значительную часть своих исторических трудов светского содержания Ш. Марджани облакает в формы восточных сочинений и пишет на арабском языке, часто прибегая к трудной для понимания, но принятой в то время в ученых кругах Востока изысканной рифмованной прозе.

Итак, истоки формирования исторических взглядов Марджани можно найти как в восточной, так и в западной культуре. Если влияние первой было сильным и

непосредственным, что видно из содержания сочинений Ш. Марджани, то влияние второй было опосредствованным, оно менее ярко выражено и в основном вытекает лишь из контекстов его трудов.

Жизнь Ш. Марджани была многогранной, он много путешествовал как по России, так и за границей, посещал библиотеки, встречался с интересными людьми. Благотворной для его творчества оказалась также его переписка со своими учениками.

Такова совокупность социально-экономических, политических и культурных факторов, под влиянием которых сформировалось мировоззрение Ш. Марджани-историка.

2. Труды по истории и их проблематика

Общим социально-экономическим фоном начала второй половины XIX в., на котором развертывалась деятельность Ш. Марджани, являлся кризис феодально-крепостнической системы в России.

Царизм стремился задержать развитие экономики национальных окраин, сохранить в крестьянском хозяйстве патриархальные отношения, держать народ в темноте, тормозить свободное развитие национального языка, пресекать возможность зарождения национальной культуры. «Реакционность и ретроградство царской администрации сливались тогда в единый и монолитный сплав с местной татарской реакцией, представленной многочисленными «кадимче» и консервативным мусульманским духовенством»¹.

Тяжелая эксплуатация, политический гнет, национальное унижение, беспощадные репрессии за малейшие попытки протеста против насилий, совершаемых царской администрацией по отношению к татарскому крестьянству и трудящимся города, создавали в сознании масс ощущение безнадежности, неверия в будущее и в свои силы.

Наука не мыслилась вне религии. Догмы религии принимались как бесспорные истины. Мусульманские богословы-схоласты утверждали, что философы, законоведы и комментаторы сделали все возможное в отноше-

¹ Кононов А. Н. Предисловие — В кн.: Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. Казань, 1976, с. 6.

нии открытия и объяснения истины. По их мнению, задача современников заключается не в открывании и объяснении истины, а в умении понять, усвоить готовые положения и термины.

Но жизнь неодолимо шла вперед. Во второй половине XIX в. новые капиталистические отношения начали вытеснять в Казанском крае старые, феодальные. Быстро развивающаяся русская промышленность и неудачи в русско-крымской войне привели к реформе 60-х годов. Проведение реформы, в свою очередь, ускорило развитие капитализма в России и способствовало укреплению позиций буржуазии в экономике страны. Капиталистические отношения втянули в общий ход развития и экономику края. Татарская буржуазия в своих торговых сделках вынуждена была вступать в контакт с русской буржуазией, что требовало знания русского языка, географии, математики и других светских наук, необходимых для ведения торговых и других операций. «На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству»¹. Отмечая своеобразие этой эпохи, М. К. Мухарямов справедливо писал, что «...и татарское общество уже вырвалось из тисков феодальной замкнутости» и что «базисные изменения с непоколебимой закономерностью вели к соответствующим переменам и в области надстроечных институтов. Изменения количественные, исподволь накапливаясь, набирая силу, неизбежно перерастали в изменения качественные»².

Таким образом, к началу второй половины XIX в. в культурной жизни татар намечается перелом, характеризующийся умственным пробуждением, толкающим на сближение с русской культурой и на переустройство жизни сообразно с потребностями нового времени.

Как видим, проблемы, за которые взялся Ш. Марджани в начале второй половины XIX в. выдвигались всем ходом социально-экономического и общественно-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 428.

² Мухарямов М. К. Каюм Насыри..., с. 13.

политического развития края. Постановка и решение этих насущных проблем соответствовали общему мировоззрению ученого, который сознавал необходимость коренного обновления прежних устоев жизни и настойчиво искал новые идейные ориентиры.

Необходимо отметить, что начиная со второй половины XIX в. в Казани, помимо отдельных лиц и небольших групп, интересующихся изучением истории края и его населения, возникает такая научная организация, как Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Появляются ученые из татар, которые посвящают свою деятельность изучению родного края. Из них необходимо упомянуть М. Махмудова, Х. Фаизханова, Ф. Халиди, Ш. Рахматуллина, Г. Ахмарова. На этот же период приходится также деятельность просветителя Каюма Насыри. Причем в это время в связи с ростом капиталистических отношений началось превращение исторических знаний в науку. «Место выродившейся феодальной историографии заняла быстро формирующаяся, наступающая буржуазная историческая наука. И вместо самоуверенного, безапелляционного в суждениях и отупляющего своими «точностями», безответственного и реакционнейшего Муслими пришел критичный, даже скептический и отрезвляющий своими громкими сомнениями, осторожный в выводах, но весьма противоречивый по мировоззрению Ш. Марджани»¹. Однако, воспитанный в среде, где безраздельно господствовало религиозно-идеалистическое мировоззрение, Ш. Марджани свои произведения облекает в форму средневековых богословских трактатов, а критические взгляды, довольно передовые для своего времени, выражает порой в теологической оболочке, ссылаясь иногда на Коран и хадисы, так как традиция требовала, чтобы всякая наука (по крайней мере формально) согласовывалась с основными положениями священного писания. Например, чтобы заинтересовать своих современников географической и исторической наукой, стремясь пробудить у них эмпирический дух, он приводит стих из Корана: «Путешествуй по земле, ко всему присматривайтесь!» В примечании на полях книги автор поясняет: «Этот стих следует понимать шире, а именно: ко всему

¹ Усманов М. А. Татарские исторические источники..., с. 157.

присматриваясь, на основании произведений предшественников, необходимо изучать прошлое»¹.

Таких примеров можно привести множество. Стихом Корана «Выведи свой народ из мрака к свету, покажи ему прежние дни...» начинается первый том (с. 2—3) и кончается второй том (с. 359) «Мустафад ал-ахбар...» Подобный способ аргументации, характерный для Ш. Марджани, создает впечатление, что автор как бы стремится примирить религию и науку. Но это не так. Это также не дань религиозному реформаторству, как склонны полагать некоторые².

Реформизм и модернизм, как известно, возникли вместе с национально-освободительным движением в арабских странах. И они — явления более поздние. Следовательно, жизнь и деятельность главных представителей этого движения, таких как Джамал ад Дин ал-Афгани и Мухаммед Абдо, приходится на более поздний период — конец XIX и начало XX вв. Подобный способ аргументации, который был характерен в свое время также для ал-Газали, имеет, на наш взгляд, довольно древние корни, исходящие от учения мутазилитов и их последователей.

Вполне возможно, что это было исторической необходимостью, вызванной приспособлением старых форм изложения к новому содержанию, чтобы передать новые идеи, в какой-то мере отражающие «...выступление политического протеста под религиозной оболочкой... свойственное всем народам на известной стадии их развития...»³.

«На примере всех больших восточных литератур было доказано, — писал И. С. Брагинский, — что они в условиях средневековья, иногда под религиозной оболочкой, а иногда и в прямой форме (например, сатира) вторгались в жизнь более действенно и решительно, чем иные синхронные западные литературы»⁴.

¹ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 326.

² Например, западногерманский историк Г. Бракер считает Ш. Марджани только теологом и реформатором. См.: Bräker H. Nationalitätenfrage und muslimische Reformbewegung in Russland. In Berichte des Bundesinstitut für ostwissenschaftliche internationale studien», 9, Köln, 1970.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 228.

⁴ Брагинский И. С. Проблемы востоковедения. М., 1974, с. 93.

Пользуясь этим приемом, Ш. Марджани выбивает почву из-под ног приверженцев всего старого, фанатиков, ярых врагов науки и просвещения, верных слуг умирающего феодального класса, таких как имам Исмагил Утямышев из села Кышкар и других. Говоря словами Г. Тукая, Ш. Марджани, «превращая стихи Корана в палку, бьет ею невежд мулл, которые только и думают о своих желудках, а не о подлинном просвещении и науке»¹.

Г. Ибрагимов, отмечая эту своеобразную манеру творчества Ш. Марджани, писал, что «он был переодетым воином, проникшим во вражескую крепость. Внешне он выглядит таким же, как и обитатели крепости, поэтому его принимают за своего, читают его произведения, но получаемое впечатление от этого оказывается совершенно неожиданным». Г. Ибрагимов далее подчеркивал, что такая манера была, пожалуй, единственным и самым действенным способом искоренения фанатизма, крепко засеявшего в умах людей того поколения².

Следует также отметить, что история никогда не была для Ш. Марджани чем-то самодовлеющим, а являлась действенным оружием в борьбе с клерикальной феодальной идеологией, служила ему средством влияния на общество. Как и другие науки, история нужна была ему для решения практических задач. С одной стороны, она помогала понять сущность назревших проблем и находить более верные пути их решения. С другой — давала важные аргументы для обоснования и защиты его позиций. Поэтому история была для него не только «матерью знаний», как он ее сам определяет, но и сильным оружием в идейно-политической борьбе, борьбе за преобразование всех сторон общественной жизни. Исследователи совершенно справедливо отметили, что «даже в своих богословских сочинениях он обнаруживает себя как историк»³. Например, в произведении Ш. Марджани «Назурат ал-хак...», прославившем имя автора за пределами России, хотя и рассматриваются философско-мировоззренческие проблемы, но вместе с тем в нем содер-

¹ Тукай Г. Шинап хазрэт.— Эсэрлэр. Казан, 1955, т. 2, с. 234.

² Ибрагимов Г. Беек остазымызнын..., с. 15—16.

³ Валидов Дж. Очерк истории образования и литературы волжских татар. М.—Пг., 1923, вып. 1, с. 39.

жатся сведения по истории булгар и об ученых, о путешествии Ахмеда ибн Фадлана на Волгу¹.

Проблематика исследований Ш. Марджани по истории татарского народа непосредственно вытекает из основных направлений его общественно-политической деятельности, из его программы преобразований, необходимость которых диктовалась той эпохой. Например, потребность защиты интересов своего народа, желание добиться для него равных прав и равных возможностей и в экономической и в духовной областях привели Ш. Марджани к изучению его истории. Ему необходимо было доказать, что этот народ вполне «исторический», имеющий за плечами большой путь культурного развития.

Таким образом, произведения Ш. Марджани являются в значительной степени ответом на те вопросы, которые ставила тогдашняя жизнь.

Отмечая это, Г. Ибрагимов писал: «В эту эпоху каждый, кто, пробудившись, начал борьбу за новую жизнь, взялся за определенный вопрос». Называя среди таких людей Г. Курсави, М. Акджигита, Загира Бигиева, он продолжает: «Такие как Ш. Марджани, Хусанн Фаизханов в деле пробуждения народа сделали орудию истории, оживляя историю, они написали исторические книги. Все они — революционеры той эпохи, которые вели борьбу против восточной схоластики»².

Действительно, проблемы, поставленные в произведениях Ш. Марджани, тесно переплетаются с его политическими идеями — освободить свой народ из-под оков феодальных пережитков и способствовать его просвещению.

Примечательно, что, отмечая злободневность и polemический характер трудов Ш. Марджани, Ризаутдин Фахрутдинов писал: «Как-то отрывок из «Назура» объемом в полстранички был прочитан одному ученому, который, быть может, когда-нибудь и слышал об этой книге, но никогда не видел ее. Этот ученый, несколько поразмыслив, сказал: «Писавший это не считал нужным ут-

¹ Марджани Ш. Назурат ал-хак..., с. 139—144.

² Ибрагимов Г. Каюм Насыринын вафатына 20 ел тула (Исполняется 20 лет со дня смерти Каюма Насыри).—«Татарстан хәбәрләре», 1922, 19 мая.

руждать себя разговорами с теми, кто шел против него. Он каждого одним ударом сразил наповал, говоря — сейчас идите, вы мне больше не нужны»¹.

Ко многим вопросам, которые поднимаются в этой работе, автор подходит как ученый-рационалист. Он выдвигает на первый план эксперимент и исследование, смещает с пьедестала господствующие в то время привычки и традиции, показывает ограниченность таких авторов, как ат-Тафтазани, ад-Дувани и других.

Чего стоит только один вопрос, поставленный Ш. Марджани в этом труде весьма остро, а именно, вопрос о том, что время активного мышления не прошло.

Крупнейший английский арабист Х. А. Р. Гибб, давая общую характеристику мусульманскому миру этого периода, писал: «Быть может, ввиду разительного контраста с пробуждением мысли в Европе шестнадцатый — девятнадцатый века предстают перед нами в слишком мрачном свете; резкого упадка не было, но повсюду господствовало серое однообразие, почти не нарушаемое даже богословскими спорами»².

В этот период Ш. Марджани с большой гражданской мужественностью восстал против застоя и однообразия, против мертвящего влияния стереотипного мышления. И, пожалуй, прав один из авторов статьи в сборнике «Марджани» Бурган Шараф, который писал, что «многие мусульманские страны во главе с Турцией должны доброй завистью завидовать России, ибо она дала миру такого ученого»³.

Когда весь мусульманский мир утверждал, что эпоха активного мышления и рассуждения (гаср иджтихад) прошла и что мыслители и сподвижники (муджтахиды) типа ал-Фараби, Ибн Сина больше не появятся, Ш. Марджани, как и Курсави, смело заявил, что эта эпоха никогда не пройдет, человек всегда должен быть свободен в мыслях и делах. Развивая эту мысль дальше, он цитирует изречение Абу Ханифа: «Хум риджал ва нахну риджал» — «Они были люди и мы также люди» (то есть: все делается людьми, не боги горшки обжигают. — М. Ю.). В «Назурат ал-хак...» имеется раздел,

¹ Архив УИИЯЛ БФАН СССР, ф. 7, оп. 1, д. 12, л. 183.

² Гибб Х. А. Р. Арабская литература. М., 1960, с. 110.

³ Сб. «Марджани», с. 532.

где Ш. Марджани, ссылаясь на аш-Шахрастани и другие авторитеты, доказывает, что эпоха активного мышления не прошла¹.

Мы отнюдь не склонны преуменьшать роль предшественника Ш. Марджани — Курсави в деле распространения диалектических идей. Многие рационалистические мысли, несомненно, впервые исходили от него. Но они не смогли при жизни Курсави получить сколько-нибудь широкого распространения. Во-первых, в теоретическом плане в конце XVIII, в начале XIX вв. не было для этого соответствующей почвы, а во-вторых, в практическом плане труд Курсави «Ал-Иршад...» («Наставление...») увидел свет лишь в начале XX в. — в 1903 г., хотя и был известен в рукописном варианте. Поэтому наибольшая заслуга в распространении этих рационалистических мыслей, несомненно, принадлежит автору «Назурат ал-хак...».

«Назурат ал-хак...» является ярким доказательством большой эрудиции мыслителя-рационалиста, его тонкого понимания вопросов мусульманской догматики и вообще всей суммы богословских и юридических знаний той эпохи. И, естественно, произведение вызвало большую бурю. Дело не ограничивалось одной полемикой. Пока все эти мысли исходили от немусульман, на них можно было бы не обращать внимания, считая их только одним из ухищрений миссионерской пропаганды, но когда их высказал питомец традиционной бухарской школы Ш. Марджани, дело приняло другой оборот. Не удивительно, что группа татарских мулл (32 человека) 17 декабря 1887 г. написали рапорт тогдашнему муфтию М. Султанову, обвиняя Ш. Марджани в том, что в его произведениях содержится всяческая ересь, что сам он является мутазилистом и что метод критического исследования, выдвигаемый автором «Назурат ал-хак...», грозит задеть все то, что считается устоями религии или почти догмами. Они просили наложить запрет на «Назурат ал-хак...», на «Мукаддима...» и на «Хак ал-ма'рифат...» Этот рапорт поступил в Оренбургское духовное собрание и зарегистрирован за № 1054².

¹ Марджани Ш. Назурат ал-хак..., с. 30—31; его же. Мукаддима..., с. 342.

² Архив УИИЯЛ БФАН СССР, ф. 7, оп. 1, д. 12, л. 173—175.

Ненависть к Ш. Марджани и его труду «Назурат ал-хак...» носила ярко выраженный классовый характер. Субъективно Ш. Марджани не был противником класса, выходцем из которого был он сам. Но автор «Назурат ал-хак...» был врагом тех слоев феодального класса, политика которых вела к общему упадку экономики, к застою в общественной жизни, к деспотическому подавлению всякой общественной инициативы, к яростным гонениям любого проявления научной мысли. Не следует забывать, что выступление против средневекового господства на Востоке всегда рассматривалось как выступление против мусульманской религии, и, наоборот, всякое выступление против ислама и его догм трактовалось как выступление против существующего государственного и общественного строя.

К характеристике деятельности Ш. Марджани вполне применимы слова Ф. Энгельса, сказанные им по поводу антифеодальных выступлений в эпоху европейского средневековья: «Ясно, что при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости»¹.

Незаурядный ум и талант, высокая личная безупречность, огромная эрудиция — только эти качества, да, пожалуй, то, что глубина и значимость некоторых идей Ш. Марджани остались не понятыми его врагами, спасли его от еще более суровых гонений. Говоря словами Габдуллы Тукая, «Шигаб хазрет возвысился уже настолько, что злым собакам его не достать»².

Нельзя забывать, что борьба с феодальной идеологией и мусульманской схоластической школой требовала в тот период немало гражданского мужества. В биографии Ш. Марджани эта черта характера должна занять подобающее место. Выдвижение на первый план просвещения и разума, критика фанатичного духовенства и порядков, обрекающих народ на отсталость и невеже-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 361.

² Тукай Г. Шигап хазрет. Эсэрлэр, т. 2, с. 235.

ство — все эти прогрессивные идеи, которыми проникнут его труд «Назурат ал-хак...», хотя и не могли в то время привести к значительной поляризации общественных сил и к прогрессу масс, но, несомненно, послужили толчком к пробуждению общественной мысли и оказали сильное влияние на последующие поколения. Например, смелая критика Ш. Марджани системы школьного образования в 80-х годах прошлого столетия получила развитие в творчестве многих татарских поэтов и писателей.

Во всяком случае есть все основания полагать, что «поэзия Габдуллы Тукая, по мастерству своему поднимаясь до общеевропейского уровня, насыщенная революционным содержанием, стала могучим фактором воздействия на литературу восточных народов России»¹ не без влияния бунтарских идей Ш. Марджани. Исследователи справедливо подчеркивают большое влияние Ш. Марджани и на выдающегося татарского писателя-революционера, крупного ученого и общественного деятеля Галимджана Ибрагимова², а также на поэта Мифтахутдина Акмуллу³, на казахского поэта-просветителя Абая Кунанбаева⁴ на кумыкского поэта и педагога Абусуфьяна Акаева и многих других⁵. Следовательно, есть основания утверждать, что деятельность Ш. Марджани послужила предпосылкой к появлению критической струи в зарождавшихся исторической науке и литературе не только у татар, но и у других братских народов.

После выхода в свет «Назурат ал-хак...» имя Ш. Марджани приобретает популярность и за рубежом. В странах Ближнего Востока его произведения ценятся наравне с произведениями ал-Фараби, А. Навои, Ибн Араби, Ибн Сина, Ибн Теймия⁶. Мироззрение

¹ Брагинский И. С. Литература народов советского Востока в 20 веке — ВИМЛ, 1960, № 5, с. 4.

² Хасанов М. Х. Галимджан Ибрагимов. Казань, 1977, с. 75.

³ Харисов А. И. Литературное наследие..., с. 287.

⁴ Ауэзов М. Предисловие.— В кн.: Абай Кунанбаев. Лирика и поэмы. М., 1940, с. 26. См. также: Зиманов С. З. От освободительных идей к советской государственности в Бухаре и Хиве. Алма-Ата, 1976, с. 49; Богоутдинов А. М. Очерки по истории таджикской философии. Сталинабад, 1962, с. 261—262.

⁵ Акбиев С.-М. Каюм Насыри и Абусуфьян Акаев.— В кн.: Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. Казань, 1976, с. 199. См. также: Ахмедов С. Рухи туганлык (Духовное родство).—«Социалистик Татарстан», 1978, 3 декабря.

⁶ Сб. «Марджани», с. 359.

Ш. Марджани изучается наряду с мировоззрением вышеназванных ученых¹. На труды Ш. Марджани ссылаются крупные ученые. Например, видные ученые Индии Абдульхай ал-Хинди ал-Лакнави и Абулатиб ал-Хинди ал-Кулуджи в своих произведениях приводили отрывки из «Назурат ал-хак...» как непревзойденные образцы научного труда².

20 марта 1874 г. профессор Юджин Адамс при составлении энциклопедии от имени одной из книжных фирм Лондона обращается с письмом к Ш. Марджани с просьбой выслать свой портрет и биографические данные. Текст этого письма и ответ Ш. Марджани приводятся в сборнике «Марджани»³.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что проблемы, поднятые в этом труде историка, были злободневными для своего времени, причем к его произведениям обращались не только в самой России, но и за ее пределами.

Рассмотрим остальные сочинения Ш. Марджани по истории и отзывы на них русских и татарских ученых.

В 1864 г. в Казани был издан труд Ш. Марджани «Гурфат ал-хавакин...»⁴. Вышедшая небольшим тиражом, книга в продажу не поступила, что явилось причиной того, что она ускользнула от взора таких знатоков Средней Азии, как В. В. Бартольд и другие.

О значении этого труда местный журнал писал, что если «Мустафад ал-ахбар...» является важным источником для изучения истории народов Поволжья, то «Гурфат

¹ Фараджулла Заки ал-Кудри. Маджму' ат ар-расаил, (Сборник посланий) Египет, 1910, с. 544—552. Этот сборник имеется в ОР ИВАН УЗ СССР. Инв. № 10739.

² Сб. «Марджани», с. 618—619; Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф..., т. 6, с. 284.

³ Сб. «Марджани», с. 616—617. Примечательно, что оригинал этого письма из Лондона имелся у наследников Ш. Марджани еще в 1911 году. См.: Шәрәф Борһан. Мәржани һақында жаваплар.— «Шура», 1911, № 24, с. 758.

⁴ Марджани Ш. Гурфат ал-хавакин ли' арфати-хавакин (Жилница хаканов для познания их жизни) Казань, 1864. В архиве ИЯЛИ КФАН СССР хранится небольшой отрывок текста, принадлежащий, по всей вероятности, к черновому варианту «Гурфат ал-хавакин...» Описатели фонда ошибочно относят его к заметке о происхождении тюркской группы «гуз». Речь идет, разумеется, о токуз-огузах. См.: Архив ИЯЛИ КФАН СССР. Ф. 22, оп. 1, д. 12.

ал-хавакин...» имеет такое же значение для периода X—XII веков истории Средней Азии»¹.

Справедливость данной оценки очевидна, так как этот труд Ш. Марджани был посвящен совершенно не исследованной проблеме — изучению истории Средней Азии домонгольского периода. В работе выяснялся также довольно сложный и запутанный вопрос о том, какая династия из тюркских племен занимала доминирующее положение в Междуречье и управляла страной в течение более двух столетий вплоть до появления на политической арене Чингисхана.

Следует отметить, что этот вопрос до последнего времени оставался открытым. «До сих пор в научной литературе нет даже полного списка правителей этой династии с датами правления и жизни, хотя попытки составления такого списка делались неоднократно», — писала в 1957 г. Е. А. Давидович². «Огромная территория евразийской степи еще ждет своего исследователя», — отмечал 10 лет спустя после нее Л. Н. Гумилев. — Особенно это касается периода до появления на исторической арене Чингисхана, — продолжал он, — когда в центральноазиатской степи сложились и погибли два замечательных народа — хунны и древние тюрки, а также много других, не успевших прославить свои имена»³.

До издания труда Ш. Марджани об этом периоде в истории Средней Азии имелись лишь отрывочные сведения в сочинении турецкого ученого Мунеджим-баши «Сахаиф ал-ахбар», которыми пользовались европейские ученые.

Вплоть до конца XIX и начала XX вв. ученые расходились во мнениях относительно происхождения династии Караханидов. Работы К. Риттера⁴, Н. А. Аристов⁵,

¹ Шиаб хэзрэтнен Урта Азия тарихына караган бөек хезмәте. (Выдающийся труд почтенного Шигабутдина об истории Средней Азии.) — «Ан», Казань 1914, № 4, с. 74.

² Давидович Е. А. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов. — Нумизматический сборник. М., 1957, ч. 2, вып. 26, с. 91.

³ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967, с. 4.

⁴ Риттер К. Землеведение. География стран..., СПб, 1869—1873, с. 189—258.

⁵ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — ЖС. СПб, 1896, вып. 3—4 год 6, с. 277—456.

Г. Е. Грумм-Гржимайло¹ связывали начало этой династии с карлуками, а В. В. Радлов и В. В. Бартольд, как и Ш. Марджани,— с уйгурами².

Отмечая значение и вместе с тем сложность этого вопроса, В. В. Бартольд писал: «В истории Мавераннахра эпоха Караханидов, первой тюркской династии, непосредственно управляющей всей страной, несомненно имеет важное значение; к сожалению, краткость дошедших до нас сведений об этой эпохе лишает нас возможности проследить, какие изменения были внесены в порядок, установленный Саманидами, и как образовалось то положение, в каком застали страну монголы»³.

До появления трудов В. В. Бартольда работа Ш. Марджани «Гурфат ал-хавакин...» являлась одной из лучших и давала довольно полные сведения о династии западных уйгуров или, по терминологии В. В. Григорьева и В. В. Бартольда, о Караханидах»⁴.

Вводя читателя в курс дела, Ш. Марджани в самом начале своего труда пишет, что тюркские племена, известные как уйгуры, занимали территорию к востоку от Китая в районе Кашгара и Баласагуна. Эти племена подчинили себе Фергану и сделали своей столицей город Узгенд, позже она была перенесена в Самарканд. Постепенно они присоединили себе все Междуречье. Между ними и Саманидами постоянно происходили войны. После того, как династия Саманидов ослабла и сошла с политической арены, они соперничали с государством Сельджукидов и Газневидов. Периоды войн между ними сменялись периодами добрососедства⁵.

Далее Марджани продолжает, что правителей этой династии было девятнадцать, а период их правления составляет 228 лет и что первым из правителей был Сатук Карахан, а последним Осман Бограхан. Возникно-

¹ Грумм-Гржимайло Г. Е. Историческое прошлое Бэйшаня в связи с историей Средней Азии. СПб., 1898.

² Радлов В. В. К вопросу об уйгурах (Из предисловия к изданию Кудатку-Билика). СПб., 1893 (прилож. к ЗИАН. Т. XXII); Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Соч. т. 1, М., 1963, с. 45—585.

³ Бартольд В. В. Туркестан..., с. 367.

⁴ Термин «Караханиды» впервые употреблен В. В. Григорьевым и принят В. В. Бартольдом. См.: Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья.— Соч., т. 2, ч. 1, М., 1963, с. 41.

⁵ Марджани Ш. Гурфат ал-хавакин..., с. 2.

вание этой династии относится к 380 г. хиджры. А окончательный упадок и гибель этого государства приходится к 608 г. хиджры¹.

Ш. Марджани дает военно-политическую историю династии с изложением краткой биографии отдельных ее правителей².

Кроме сочинений Ибн ал-Асира, Ибн Халликана, Мирхонда, ас-Самаани, аш-Шахрагани, Якута ал-Хамави, ал-Бенакети, ал-Утби³ и других, явившихся основными источниками также и для В. В. Бартольда, Ш. Марджани использовал такие редкие источники, как сочинения Абдуль Кадыра ал-Карши «Ал-джавахир ал-маддия», «Тазкират ал-Бограхан», «Тадж ал-тараджим», данные фетвы (заклучения должностного лица, выносящего решения по религиозно-юридическим вопросам), а также большое количество монетных легенд.

Эта работа Ш. Марджани, несомненно, представляла интерес для среднеазиатских ученых вплоть до последнего времени. Например, в Институте востоковедения им. А. Бируни АН Узбекской ССР имеется рукописный вариант этого сочинения, переписанный в 1941 г. с казанского издания, ташкентским каллиграфом Мурадом Хаббаз аш-Шаши⁴.

Всеобщее признание русских ученых получил труд Ш. Марджани «Гилалат аз-заман фи тарихи Булгар ва Казан» («Завеса времени, прикрывающая историю Булгара и Казани») ⁵.

Первоначальный вариант книги, которая была написана автором еще в 1864 г., назывался довольно скромно Аджалат таварих ва гилалат ал-ахбар мута алака би ахвали Казан ва Булгар («Наброски историй и известий относительно Казани и Булгара») ⁶. К IV

¹ Марджани Ш. Гурфат ал-хавакин..., с. 5.

² Там же, с. 8—33.

³ Ш. Марджани пользовался несколькими списками сочинения «Та'рих ал-Иамини» Абу Насра Мухаммеда ибн Абд ал-Джаббара Утби. См.: Марджани Ш. Гурфат ал-хавакин..., с. 7. В сочинении Утби имеется наиболее полный обзор событий рассматриваемого периода. В 1883 г. сочинение Утби было издано в Каире вместе с комментариями Ибн ал-Асира.

⁴ Материалы ИВАН УзССР. ОР. Инв. № 5741.

⁵ Марджани Ш. Гилалат аз-заман..., Казань, 1978.

⁶ Отдельный оттиск этого труда, который, судя по пометкам и печати, еще в 1905 г. принадлежал известному археографу С. А. Вахидову, ныне хранится в архиве ИЯЛИ КФАН СССР. См.: Ф. 22, оп. 1, д. 7.

Всероссийскому археологическому съезду Ш. Марджани подготовил более совершенный вариант, который и был переведен на русский язык В. В. Радловым и им же прочитан на одном из пленарных заседаний съезда, где Ш. Марджани также принимал участие¹. Радлов в своем выступлении подчеркнул важность сведений, которые удалось собрать автору из тронных речей правителей и из предисловий богословских книг, выпущенных в честь того или иного золотоордынского хана.

Оригинал и перевод этого сочинения напечатаны в трудах съезда. Это произведение Ш. Марджани использовали ученые И. Ф. Готвальд², Н. П. Загоскин³, Н. И. Ашмарин⁴, М. Худяков⁵ и другие. Впоследствии многие сведения из «Гилалат аз-заман...» в дополненном и уточненном виде вошли в «Мустафад ал-ахбар...»

С. М. Шпилевский в своей речи, произнесенной на первом годовом публичном собрании Общества археологии, истории и этнографии, состоявшемся 19 марта 1879 г., тепло отметил деятельность Ш. Марджани по изучению истории местного края⁶.

Самым крупным из изданных исторических сочинений Ш. Марджани является «Мустафад ал-ахбар...», состоящее из двух томов. Написанный на основе изучения большого количества источников, этот труд представляет собой серьезное достижение исторической науки у татар, так как свой долг историка автор видел в том, чтобы собирать из произведений иноземных ученых-историков, писателей и путешественников все данные,

¹ Труды IV археологического съезда в России. Казань, 1884, т. 1, отд. 2-е, с. 40—50.

² Готвальд И. Ф. Разбор сочинения Д. Хвольсона: «Известия о Хазарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах, арабского писателя X века Ибн Дасти. СПб., 1869.—ЗИАН. 1872.

³ Загоскин Н. П. Спутник по Казани. Казань, 1895, с. 17—18, 33—34.

⁴ Ашмарин Н. Об одном мусульманском могильном камне в загородном архиерейском доме в Казани.—ИОАИЭ. 1905, т. 21, вып. 1, с. 94—96, 108—111.

⁵ Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923, с. 4, 265.

⁶ Шпилевский С. М. О задачах деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии и о возможном содействии Обществу со стороны жителей местного края.—ИОАИЭ. Казань, 1884, т. 3, с. 30—31.

свидетельствующие о событиях прошлого своей страны, и подвергать их тщательному анализу и осмыслению. «Мустафад ал-ахбар...» — яркое тому подтверждение.

Автор поднимает в этом сочинении ряд теоретических вопросов, высказывает отношение к истории как науке, определяет ее задачи, выдвигает свои принципы исследования истории. Труд знакомит с историческими концепциями мыслителя и его мировоззрением вообще, дает наиболее полное представление о Марджани как историке. «Мустафад ал-ахбар...», несомненно, имеет большую ценность как наиболее достоверный источник о прошлом Казанского края и ни один современный исследователь истории дореволюционной Татарии не может пройти мимо него.

Использование Ш. Марджани рукописных сведений и даже автографов, имеющихся в богатейших библиотеках Средней Азии, привлечение большого количества исторических подлинников и этнографических источников, которые он скрупулезно собрал у себя на родине, делают это сочинение весьма полезным для последующих историков. Совершенно прав, на наш взгляд, А. Фатхи, считающий, что этот труд представляет собой «никогда не стареющий и не теряющий своего значения золотой фонд нашего наследия»¹.

В 1948 г., когда была сделана первая попытка научного освещения отдельных периодов истории Татарии, академик Б. Д. Греков и Н. Ф. Калинин сочли наиболее ценными и достоверными работы пяти авторов в следующем порядке²: Хисамутдин ибн Шерефетдин, Шигабутдин Марджани, Каюм Насыри, Мухаммед Зариф Хусейнов, Мурад Рамзи ал-Мекки.

Если учесть явную лживость сведений первого³, недостаточную компетентность в вопросах источниковеде-

¹ Фатхи Альберт. Мәғрифәт төбәкләре һәм әдәби бағланшлар (Регионы просвещения и литературные связи).—«Казан утары», 1968, № 2, с. 104.

² Греков Б. Д., Калинин Н. Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания.—В кн.: МИТ, вып. 1, Казань, 1948, с. 100.

³ Это аргументированно доказано в монографии М. А. Усманова. См.: Усманов М. А. Татарские исторические источники..., с. 134.

ния третьего¹, фрагментарность сведений четвертого² и наконец компилятивный характер труда последнего автора³, то единственным более или менее надежным источником остается труд Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар...».

Вероятно, поэтому Р. Фахрутдинов — ученый широкого диапазона, освещая исторические события и исторические личности в основанной им рубрике «Великие ученые и важные события» редактируемого им журнала «Шура», ссылается в основном на этот труд Марджани и на труды русских историков Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева. Не случайно также, что историк М. Худяков, автор книг о Казанском ханстве и о мусульманской культуре в Среднем Поволжье, перечисляя сочинения татарских историков, первыми приводит труды Марджани⁴.

Примечательно также, что член ОАИЭ, автор «Истории Булгара» и «Истории Казани» Гайнутдин Ахмаров

¹ Это аргументированно доказано в монографии М. А. Усманова. См.: Усманов М. А. Татарские исторические источники..., с. 136. В оценке заслуг К. Насырова относительно его деятельности в области истории и особенно источниковедения прав Х. Г. Гимади, который писал: «Насыров прежде всего был фольклористом, потом историком, а в области истории он больше собиратель, чем исследователь». См.: Каюм Насыри. 1825—1945. Материалы..., с. 94—103.

² Произведение «Таварих-и Булгария» Хусейна Амирхана ввиду архаичности своей формы и по своим исследовательским приемам значительно уступает «Мустафад ал-ахбар...» К кому же автор пользовался исключительно местными татарскими источниками. Это подчеркивали и русские ученые Н. Ф. Катанов и И. М. Покровский. Они, как известно из трех авторов (Ш. Марджани, К. Насыри, М. З. Хусейнов) предпочтение отдавали первым двум. См.: Катанов Н. Ф., Покровский И. М. Отрывок из одной татарской летописи.— ИОАИЭ, 1905, вып. 4, с. 339.

³ Рамзи М. М. Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вака'ин Казан ва Булгар ва мулук ат-татар. (Компилятивные сведения об истории Казани и Булгара и татарских правителях). В двух томах. Оренбург, 1908. Относительно ранних периодов истории народов Поволжья автор следует за Ш. Марджани, которого считает самым крупным ученым своего народа и своей эпохи (т. 2, с. 478). Несмотря на некоторую тенденциозность, труд М. М. Рамзи может быть весьма полезным при изучении истории Татарии последней четверти XIX и начала XX вв. Подробно о сочинении М. М. Рамзи см.: Юсупов М. Х. «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар...» М. М. Рамзи как источник по истории тюркоязычных народов Поволжья.— В кн.: Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников. Т. 3, ч. 2, М., 1978, с. 145—146.

⁴ Худяков М. Очерки..., с. 7.

наряду с русскими источниками в своих трудах опирается в основном на это сочинение Марджани. Он писал, что «до появления» Мустафад ал-ахбар...» не было научных книг о Булгаре¹. А что касается значения произведения Марджани для истории Казанского ханства, он же отметил, что «покойный Шигабутдин в своей книге «Мустафад ал-ахбар...», написанной 30 лет тому назад, собрал много сведений об истории Казани. Хотя она и не является совершенством, но другой заслуживающей внимания книги не имеется»².

При написании этого произведения Ш. Марджани использовал огромное для того времени количество источников — арабско-персидских и тюркских, привлек обширный историко-археологический материал. Например, Марджани пользуется рукописной книгой Азама ибн Абд ар-Рахмана Тануки, известного как мулла Амка, уроженца села Тануки Мамадышского кантона, написанной в 1734 г.³ А для второго тома «Мустафад ал-ахбар...» ученый привлекает материалы из рукописных сборников муллы Зейн ал-Абдин ибн Абдел-Карима, уроженца села Тануки Мамадышского кантона, написанного Салимджана ибн Дусмухаммад, уроженца села Большие Ковали⁴.

Марджани стремился обосновать то или иное положение возможно большим числом исторических фактов. При этом он старался сочетать, где возможно, письменные данные с этнографическими, нумизматическими и другими. Одновременно это служило и средством взаимопроверки источников.

Хотя этот труд Марджани является ценным источником для изучения военно-политической истории народов Поволжья, в нем содержатся интересные сведения об обычаях татарского народа и религиозных верованиях, о занятиях людей, предметах торговли.

Марджани специально не касается вопросов внутренней жизни Волжской Булгарии и Казанского ханства,

¹ Ахмаров Г. Болгар тарихы (История Булгара). Казань, 1909, с. 1.

² Ахмаров Г. Казан тарихы (История Казани). Казань, 1909, с. 6.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 70.

⁴ Там же, т. 2, с. 8—9.

но его работа значительно расширяет наши представления и в этой области.

Интересны, в частности, сведения об экономической жизни, относящиеся к периоду Волжской Булгарии. Например, историк пишет, что основными предметами торговли болгар являлись наряду с соболиными, беличьими, куньими, лисьими мехами также военное снаряжение и обмундирование, янтарь, различные головные уборы, мед, рыба, орехи и т. д.¹

Ш. Марджани описывает историю возникновения нижегородской ярмарки. По его мнению, она ведет свое происхождение преемственно от Булгарской. После разрушения города Булгара традиционный торговый центр переместился в Казань, куда стекались купцы из Астрахани, Крыма, Дагестана, Хорезма и Кашгара, из Руси и Китая. Затем, после присоединения Казанского ханства к России, местом торгового центра стал город Васильсурск. Позднее ярмарка в честь архиепископа Макария была названа Макарьевской и перенесена в Нижний Новгород. Народные массы, пишет Марджани, применительно к татарскому языку стали называть ее «макарджинской»².

Примечательно, что позднее историк М. Худяков на основе доступных ему русских и местных татарских источников дает аналогичную же картину возникновения этого «всероссийского торжища»³.

Ш. Марджани приводит интересные сведения о возникновении и усилении торгового капитала у татар, о той прослойке людей, которые были заняты в торговле, о тех, кто впервые за деньги добился звания купца.

Для историков, изучающих социальные отношения в Золотоордынском ханстве, немалый интерес представляют красочно описанные Ш. Марджани картины взаимоотношений хана и князей из подвластных территорий, а также недостаточно изученные социальные термины, например, «баскак» и «даруга»⁴.

Придавая большое значение болгарскому компоненту в этногенезе поволжских татар, ученый уделяет много внимания истории древнего Булгара и прилегающих к

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 2, с. 335—339.

² Там же, с. 5—6.

³ Худяков М. Мусульманская культура в Среднем Поволжье. Казань, 1922, с. 6.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 95—96.

нему регионов¹. Однако, рассматривая историю своего народа как часть всемирной истории, Ш. Марджани не обходит стороной и историю сопредельных народов и стран. Сказанное относится прежде всего к политической истории Средней Азии, где автор жил продолжительное время. Например, в «Мустафад ал-ахбар...» подробно представлены истории династий Шейбанидов (1500—1598)², Аштарханидов (1599—1753)³, Мангытов (1753—1920)⁴. Однако несомненно, что в центре его внимания находится история Булгарского государства и его преемника — Казанского ханства. История Крыма, Средней Азии и других регионов рассматривается им вследствие их тесных взаимоотношений в связи с историей первых двух⁵.

«Мустафад ал-ахбар...» и труд «Гурфат ал-Хавакин...» позволяют рассмотреть вопрос этногенеза поволжских татар в аспекте связей с народами западных районов Средней Азии. Как показывают археологические и этнографические материалы, история населения Среднего Поволжья и Приуралья с древнейших времен развивалась в непосредственной связи с историей Средней Азии, особенно ее северных районов⁶.

В «Мустафад ал-ахбар...» ученый раскрывает давние экономические и культурные связи Руси с древними Булгарами, а позднее с жителями Казанского ханства, что благотворно влияло на развитие их хозяйства. По всей вероятности, военные стычки, представлявшие обычное явление в феодальные времена, не могут считаться характерными во взаимоотношениях Волжской Булгарии и Руси⁷. Например, ссылаясь на сочинения Ибн Хаукаля и Ибн ал-Асира, а также на сведения русских летописей, Марджани приводит интересные сведения о взаимоотно-

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 8—93.

² Там же, с. 159.

³ Там же, с. 166.

⁴ Там же, с. 173.

⁵ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 118—206.

⁶ Халиков А. Х., Мухамедова Р. Г. Исторические истоки этнокультурных параллелей между туркменами и татарами Поволжья и Приуралья.— В кн.: Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад, 1977, с. 151.

⁷ Это положение Марджани подтверждается и советскими учеными, которые подчеркивали тесные экономические связи Булгар с Русью. См.: История Татарской АССР. Казань, 1955, т. 1, с. 68—90.

ношениях древних болгар со славянами, указывая, что между ними были не только войны, но и долгие годы царили мир и сотрудничество, и что «они обязались не нарушать между собой мирный договор до тех пор, пока камни приобретут способность плавать, а хмель — погружаться в воду»¹.

Автор не ограничивается только констатацией экономического и политического упадка Волжской Булгарии после нашествия татаро-монголов, не только сообщает факты, но и объясняет причины этого упадка.

Труд Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар...» важен для изучения его общественно-политических воззрений, которые характеризуют автора как гуманиста, противника войн и насилия. Здесь он разоблачает агрессивную политику феодального государства Тимура, бухарских эмиров и других правителей².

Второй том «Мустафад ал-ахбар...» посвящен истории татарского народа после включения Казанского края в состав России. В нем рассматривается история образовательных и просветительских учреждений края. Автор также приводит краткие биографии ученых и крупных преподавателей.

Том содержит сведения, относящиеся к истории различных деревень и сел, и обширные этнографические данные, в нем уделено немало внимания описанию как материальной, так и духовной культуры татарского народа. Эти сведения и поныне используются представителями других наук (археологами, языковедами, географами и т. п.). Например, ими часто пользуется исследователь антропонимов Татарской АССР Г. Ф. Саттаров³. К ним прибегают также М. З. Закиев⁴, А. Х. Халиков⁵, Р. Г. Ахметьянов⁶ и Р. Г. Мухамедова⁷.

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 75.

² Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 98—199.

³ Саттаров Г. Ф. Татарстан АССРның антропотопонимнары (Антропотопонимы Татарской АССР). Казань, 1973, с. 52, 130, 143, 150.

⁴ Закиев М. З. Татар халкы теленең барлыкка килүе (Происхождение языка татарского народа). Казань, 1977, с. 101—102.

⁵ Халиков А. Х. Культура народов Среднего Поволжья в X—XIII веках.— «Вопросы истории», 1976, № 4, с. 113.

⁶ Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). Казань, 1978, с. 7, 137, 158, 244.

⁷ Мухаммедова Р. Г. Татары-мишари. М., 1972, с. 92.

В этом труде Ш. Марджани касается также вопроса о взаимовлиянии и взаимопроникновении языков. В частности, он пытается выяснить степень финно-угорского влияния на язык, обычаи и на материальную культуру как казанских татар, так и татар-мишарей¹. Отметим, что изучение этой проблемы остается актуальным до настоящего времени.

Ш. Марджани первым из местных историков затрагивает также вопросы ономастики², что было отмечено и советскими исследователями³.

Для характеристики быта эпохи, ее колорита и культуры, воссоздания общественно-исторических типов, автором собран обширный материал. Достаточно сказать, что к трудам Ш. Марджани прибегали авторы книги «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» Н. И. Воробьев, Х. Х. Ярмухаметов, Г. М. Хисамутдинов, Г. В. Юсупов и другие⁴. Один из основных авторов и редакторов этого крупного исследования Н. И. Воробьев, например, часто пользуется трудом Ш. Марджани, «...данные которого о татарах», по его мнению, «весьма ценны»⁵.

Во втором томе «Мустафад ал-ахбар...» дается также яркая художественно-психологическая зарисовка быта и нравов имущих слоев Казанского края, особенно духовенства во второй половине XIX в. Например, интересным с точки зрения характеристики запросов, нравов и истинного лица тогдашнего мусульманского духовенства в целом является эпизод, приведенный в этом труде,— процедура экзамена, который устраивает ему под видом ученого диспута после его возвращения из Бухары мусульманское духовенство Казани во главе с известным богачом-самодуром Ибрагимом Юнусовым⁶.

В произведении имеются исторические экскурсы, личные воспоминания, лирические отступления.

¹ В тексте подразумеваются татары Симбирска (соврем. Ульяновск.) См.: Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар... Т. 1, с. 31.

² Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., Т. 1, с. 132.

³ Саттаров Г. Ф. Татарстан АССРның..., с. 275.

⁴ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967, с. 123, 327, 361, 374, 382, 422, 456.

⁵ Там же, с. 25.

⁶ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 2, с. 43—44.

Автор касается также социально-экономического положения Казанского края в конце XVII и начале XVIII вв., т. е. в эпоху петровских преобразований, описывает положение государственных крестьян, в частности «лесничих работников» или «лашманов». Марджани отмечает появление служилых татар, образование купечества и разделение его на категории, разграничение прав в торговле по гильдиям, указывает на развитие внутреннего рынка и концентрацию торгового капитала, например, в Макарьевской ярмарке достигшего, по его мнению, более ста миллионов рублей¹.

Ш. Марджани также уделяет внимание деревенскому сословию, дает сведения о взимании с него налогов, подробно останавливается на введении воинской повинности².

Довольно интересные сведения приводит автор о социально-политических отношениях тех времен, в частности, о злоупотреблениях и произволе при наборе рекрутов, о порочной практике судебных властей, приводящей к глумлению над личностью³. Так, осуждая гласные и негласные законы, практикуемые при наборе в армию и в судопроизводстве, Ш. Марджани пишет: «Чтобы предотвратить побег очередного призывника, власти прибегали к такой мучительной профилактике: за полтора месяца или больше до набора в армию его держали под стражей, закованного в кандалы. Более того, мы были свидетелями такой практики,— продолжает историк,— когда очередного призывника заковывали вместе с заложником — невинным, посторонним человеком так, что они всегда, даже при удовлетворении физиологических потребностей, были вместе. Свидетелей, подвергая всяческим лишениям, несмотря на большие расстояния, заставляли являться в суд. Не сумевшего явиться по той или иной причине подвергали пытке. К явившемуся тоже относились как к подсудимому, держали его под стражей»⁴.

Однако Марджани из-за целого ряда причин не смог выйти на поприще политических обвинений, ведущих к

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 2, с. 10, 6.

² Там же, с. 7.

³ Там же, с. 11.

⁴ Там же, т. 2, с. 6.

мысли о необходимости коренного изменения действительности. Его критика существующего строя была довольно умеренной. Разумеется, в произведениях, вышедших под строгим оком царской цензуры, она и не могла получить прямого отражения. Ученый, значительная часть жизни которого приходится на период царствования Николая I, приучил себя к осторожности в высказываниях на острые темы. Труды историка, как уже отмечалось увидели свет лишь потому, что цензура считала, будто ей удалось выхолостить из них идеи, оппозиционные самодержавной власти. Письма Марджани к Фаизханову, которые избежали цензуры, в этом отношении довольно интересны. Из них явствует, например, что умный и тонкий критик Ш. Марджани в целом отказывается признать сколько-нибудь прогрессивным характер самодержавия как формы правления. Из переписки Х. Фаизханова с Ш. Марджани отчетливо видно, что последнему был гораздо ближе либерально-демократический лагерь современной ему России, чем консерваторы, реакционеры и ретрограды.

В отличие от местных казанских либералов, которые искали себе опору в феодально-помещичьей среде Тевкелевых и были верными слугами царизма в проведении им колонизаторской политики, Марджани не занимался пустыми мелкими общественными мероприятиями, которые не в силах были что-либо изменить. По всему видно, что он стоял за коренные реформы и хорошо понимал, что полумеры к существенным изменениям не приведут. Он, например, не присоединился к группе казанских богачей и мирз и не подписал коллективное письмо к губернатору, относительно выбора муфтия в Казани. По мнению Ш. Марджани, при порочных социальных отношениях, когда повсеместно процветают подкуп и взяточничество, привлечение к выборам более широкой общественности даже вне Казани мало что даст. Он пишет, что «...из одного пшена каши не сварить»¹.

Разумеется, к сочинению Ш. Марджани нельзя подходить с современными требованиями. При составлении истории татарского народа он не мог опираться на труды своих предшественников по той простой при-

¹ Архив УИИЯЛ БФАН СССР, ф. 7, оп. 1, д. 14, с. 62.

чине, что их не было. Сказалась также и ограниченность социально-политических взглядов автора, который был далек от классового понимания истории. И, естественно, это обстоятельство нашло отражение при изложении социально-экономического положения края, которое часто дается поверхностно, без внутреннего анализа.

То, что в «Мустафад ал-ахбар...» раскрыта преимущественно политическая история, объясняется методологией и связанной с ней методикой исследования автора. Как отметил М. А. Усманов, не следует искать у Марджани внутреннего анализа и стройной классификации источников в нашем понимании¹. Он не мог переигнуть через те надстроечные отношения, которые нашли освещение преимущественно в памятниках письменности, проникнуть в сферу породивших их явлений экономического базиса, не сумел (да и не ставил это своей целью) выяснить классовый характер источников как порождение социальной, политической, идейной борьбы.

Он также не ограничил свое исследование определенными хронологическими и территориальными рамками. Содержание этого труда, как уже говорилось выше, выходит далеко за рамки истории народов только Среднего Поволжья.

Однако эти недостатки не умаляют значения рассматриваемой работы Марджани. Передовые ученые-татары были единомышленны в оценке этого труда. Например, Г. Ибрагимов назвал его автора «отцом», а само произведение «основой нашей национальной истории». «Нам, татарам,— продолжал он далее,— забывшим собственную историю, не интересующимся прошлым своего народа, «Мустафад ал-ахбар...» был своевременным предупреждением. Будущие историки не обратят внимания на композиционные погрешности «Мустафад...», не заметят они также пестроты его языка. Они поистине удивятся тому, что из народа, чьи творческие силы были в то время до такой степени ограничены и подавлены, появился человек, который, не веря легендам, в поисках истины отправлялся в разные деревни и, выискивая материал, рылся в надмогильных камнях»².

¹ Усманов М. А. Источники книги Ш. Марджани..., с. 151.

² Ибрагимов Г. Бөек остазымызның кайбер..., с. 16.

По достоинству оценили труд «Мустафар ал-ахбар...» и русские ученые. Например, 2 января 1895 г. на заседании Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете относительно этого произведения Ш. Марджани Н. Ф. Катанов говорил следующее: «Автор составил свои сообщения о Болгарском и Казанском царствах вполне научно... Автор подробно говорит о жителях Болгарского и Казанского ханства, касаясь не только их истории, но и языка, нравов и обычаев, и приводит целый ряд исторических свидетельств, что часть жителей этих двух ханств, несомненно были тюркского происхождения и что болгары вошли в состав Казанского царства потому, что имели с жителями этого царства один язык, одну религию и одни понятия»¹.

К сожалению, обстоятельному анализу Н. Ф. Катанова подвергся лишь первый том «Мустафад ал-ахбар...»

Среди многочисленных положительных отзывов на этот труд Марджани только одна работа выделяется своей тенденциозностью, своим резким тоном. Эта статья попа-профессора кафедры противомусульманских предметов Казанской духовной академии Е. А. Малова². Как справедливо отметил И. Ю. Крачковский, «...значительное количество своих основных работ он посвятил полемике с исламом», чье «...исследование тонет в массе едва достигавших своей цели полемических рассуждений»³. И на этот раз статья была написана не с научной, а скорее с миссионерской целью — доказать мусульманам преимущества христианства. Это отчетливо видно из содержания статьи и тона полемики, в котором она ведется.

Е. А. Малов делает общий обзор сочинения, затем подвергает критике, как он называет, «Главу о Руси» с ее переводом на русский язык. Перевод сочинения, за исключением заглавия, сделан, на наш взгляд, со знанием дела, квалифицированно, но разбор односторонен и тенденциозен. Например, Е. А. Малов подробно останавливается на том, как излагает Марджани принятие русским правителем Владимиром христианства, и в

¹ Катанов Н. Ф. Выступление..., с. 470.

² Малов Е. А. Книга казанского муллы Шигаб ад-дина Марджани.— ИОАИЭ, 1910, т. 26, вып. 1—2, с. 23—51.

³ Крачковский И. Ю. Очерки по истории..., с. 129.

отличие от него доказывает, что будто бы Владимир, принимая эту религию, заранее знал об ее истинности.

Разумеется, Марджани, как и С. М. Соловьев, не мог оценить принятие христианства как закономерное явление в истории Руси, вызванное установлением классового общественного строя. Е. А. Малов так же далек от научной оценки этого явления. Его критика сводится к изложению преимуществ христианской религии над мусульманской. Религиозные мотивы заслонили от Малова главное, и он, по существу, не понял замысла автора «Мустафад ал-ахбар...».

Е. А. Малов считает, в частности, удивительным тот факт, что Ш. Марджани уделил истории России всего семь страниц. На наш взгляд, наоборот, удивляться следует тому, почему Ш. Марджани при написании истории болгар и татар включил в работу материалы из истории русского государства. При внимательном изучении выясняется и этот вопрос. Автором это оговорено в заглавии: «Раздел, откуда можно получить сведения о Руси»¹. Е. А. Малов ошибочно перевел его как «Глава о Руси».

Ш. Марджани по существу в этом разделе приводит сведения о Руси таких путешественников и историков, как Шамсетдин Димашки и другие. Затем, после сопоставления и анализа различных сведений, установления степени их достоверности, делает свои выводы. Поздние периоды истории России Марджани знает плохо и, следовательно, число неточностей, в основном хронологических, на которые справедливо указывает Е. А. Малов, значительно.

Следует отметить, однако, что указанные Е. А. Маловым хронологические неточности и незавершенность изложения событий и другие шероховатости проистекают нередко по вине корректоров и особенно из-за того, что многие вопросы, затронутые Ш. Марджани, особенно предмет отношения православных миссионеров к мусульманской культуре и религии, не соответствовали политике тогдашнего царского правительства, и поэтому цензура изъяла целые разделы². Например, в рукописном варианте второго тома «Мустафад ал-ахбар...» содержит-

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 41.

² Материалы ОР ЛО ИВАН СССР. В 2646 (автограф 2-го тома «Мустафад ал-ахбар...»), с. 159, 203, 222, 228, 311, 327 и др.

ся описание уразметовского пожара, а также факты сопротивления татарского населения во главе с Ишбулатом против «подвигов» Луки Канашевича по насильственной христианизации нерусского населения. В книге же эти разделы отсутствуют, что не осталось незамеченным и со стороны составителей сборника «Марджани»¹. Подобные факты расправы царской цензуры с передовой татарской общественной мыслью, отраженной в оригиналах произведений Ш. Марджани, не единичны².

Примечательно, что Р. Фахрутдинов еще в 1910 г. осмелился заявить через печать, что «несвязность изложения и незавершенность описанных событий имеются по вине цензуры». По этой причине он поднимал вопрос о настоятельной необходимости переиздания «Мустафад ал-ахбар...» в соответствии с оригиналом³.

Самое большое произведение Ш. Марджани по истории — «Вафийат ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф» («Некрологи предшественникам, заветы потомкам»). Оно написано на арабском языке и состоит из шести больших томов. Седьмой том (ед. хр. 615) представляет собой лишь дубликат шестого. Тома первый — пятый (ед. хр. 609, 610, 611, 612, 613) имеют пагинации листов, шестой том (ед. хр. 614) имеет постраничную пагинацию.

К этому труду Марджани написал «Мукаддима» («Введение»). Оно было издано при жизни автора в 1883 г. в Казани. Это произведение носит не только исторический, но и науковедческий характер. В нем изложены также философско-методологические воззрения автора. Оно напоминает по форме и содержанию «Мукаддиму» Ибн Халдуна и является хорошим теоретическим пособием для осмысления материала, имеющегося в остальных шести рукописных томах. Эти тома хранятся в фонде арабских рукописей Восточного сектора отдела редких и рукописных книг Научной библиотеки Казан-

¹ Сб. «Марджани», с. 335.

² См. об этом: Н. И. Лобачевский исемендэге фэнни китапхана кульязмаларының тасвирламасы (Описание рукописей, хранящихся в научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского). Составитель А. Фатхи. Вып. 5, Казань, 1960, с. 21, 40—41, 50, 52—54; Там же, вып. 10, Казань, 1962, с. 22, 43—44.

³ Фахрутдинов Р. Рец. на «Казан тарихы». — «Шура», 1910, № 5, с. 154.

ского государственного университета и представляют собой составленный по системе некролога биобиблиографический свод жизни и творчества деятелей науки и культуры мусульманского Востока. География некрологов весьма обширна. Здесь широко представлены политические деятели Средней Азии, в частности, имеются некрологи основателя династии Шейбанидов Мухаммеда Шейбани хана (1451—1510)¹, известных представителей династии Аштарханидов — Имам-кули (1611—1642)², Абу-л-Файза, некрологи наиболее колоритных правителей династии Мангытов — Хайдара (1800—1826) и Насруллы (1827—1860). Ш. Марджани уделит немало внимания политической истории южного соседа России — Афганистана. В частности, имеются некрологи основателя независимого афганского государства Ахмад-шаха Дуррани (1721—1773), который на развалинах державы Надир-шаха объединил афганцев, таких правителей, как Дост-Мухаммед хан и Шер Али хан³, возглавивших борьбу афганцев против англичан и в конечном счете способствовавших основанию централизованного афганского государства.

Политическая история Турции представлена некрологами Салима I, Сулеймана ал-Кануни, Селима III, Махмуда II и другими⁴. Наравне с политическими деятелями представлены ученые, писатели, поэты, общественные и государственные деятели с краткими биографиями и перечнем сочинений. Например, имеются весьма интересные сведения об аль-Фараби, Ибн Сине, Абу-л-Аля-ал-Маари, аль-Кинди, Алишере Навои, Надир-шахе и др.⁵ Приводя их, Марджани ссылается на авторитетные источники — на труды Ибн Халликана, Ибн ал-Асира, Ибн Халдуна, аш-Шахрастани и других. Причем, автор не ограничивался лишь деятелями стран Востока, хотя совершенно естественно, что их он знал лучше, чем деятелей Запада. Так, например, в произведении имеются сведения о Петре I, Карле XII, Наполеоне I.

¹ Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф..., т. 4, л. 221.

² Там же, т. 5, л. 127.

³ Там же, т. 6, с. 144, 332, 468, 203, 477, 540.

⁴ Там же, т. 4, с. 234—237, 303—306, т. 5, с. 284—285, с. 382.

⁵ Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф..., т. 2, лл. 406—415, 528—533; т. 4, лл. 212—215; т. 6, с. 136.

Материал, изложенный в рукописи, охватывает период с VI в. по современную автору эпоху. В ней имеется, например, некролог современнику Марджани, вождю национально-освободительной борьбы алжирского народа против французских завоевателей в 1832—1847 гг. — ученому и поэту Абд-аль-Кадиру (1808—1883)¹.

Изложение оживлено разнообразными сведениями в стиле аль-Джахиза, сообщаемым как бы между прочим, что делает его интересным, развлекательным и весьма ценным как источник знаний о мусульманской жизни в целом.

В работе представлены не только некрологи видных деятелей культуры прошлого, популярных среди татар, но и материалы по истории, культуре, этнологии, фольклору, литературе и религии.

Эта работа сохраняет значение живого человеческого документа, интересного как с узко исторической точки зрения, так и важного для характеристики всей историко-социальной обстановки своего времени, не говоря уже о затронутых в ней различных научных проблемах.

Как видим, автор в соответствии со своей концепцией исторического процесса, где исторические личности играют далеко не последнюю роль, дал название и своему сочинению. Сказалась также сила традиции.

Известно, что арабская историография, под влиянием которой находился Марджани, проявила себя скорее в биографии, чем в хронике. Соединение биографии с политическими анналами как общими, так и местными, было почти всеобщим явлением среди арабских историков. Так создавали свои труды, например, Якут ал-Хамави, Ибн Халликан, Хаджи Халифа и другие.

Основной принцип изложения — система некролога заключается в том, что после смерти исторического лица автор как бы подводит итог всей его жизни и деятельности. Кроме кратких биографических данных, он указывает, что это лицо создало, какой след оставило после себя.

Ш. Марджани приступает к этому труду еще в Средней Азии и работает над ним всю жизнь. Об этом красноречиво свидетельствует его переписка со своими учениками Х. Фаизхановым и другими, которые, живя в

¹ Марджани Ш. Вафийат-ал-аслаф..., т. 6, с. 278.

столичных городах или же за границей и имея доступ к крупным книгохранилищам, помогали Марджани уточнить биографические данные тех или иных исторических лиц. Стремясь к наибольшей точности, автор не завершил некоторые некрологи. Это касается тех лиц, о смерти которых автор не смог найти достоверных сведений. По этой причине в рукописи произведения имеются белые, то есть незаполненные, незавершенные места, оставленные как бы про запас.

Этот многотомный труд характеризует его автора и как крупного историка-востоковеда. Даже в изданных трудах Ш. Марджани, таких как «Ал-барк ал-вамиз...», «Мукаддима...», можно почерпнуть обильную информацию о культуре Востока, обогатившей уже в прошлых веках татарскую литературу поэзией ал-Фирдоуси, ал-Физули, Джалал ад-дин ар-Руми, ал-Мутанабби, Абу-л-аля ал-Маари и других¹. Автор также затрагивает теоретические вопросы арабской поэзии и музыки².

Им описывается научная деятельность выдающихся ученых средневекового Азербайджана, таких как Насир ад-дин ат-Туси, который в 1259 г. основал Мерагинскую астрономическую обсерваторию. Вместе с ним работали такие ученые, как Муэйетдин ал-Аразый, Наджмутдин ал-Кятиби, Фахрутдин ал-Мераги и другие³.

Историком уделено также значительное место делам среднеазиатских ученых. В частности, имеются интересные сведения о деятельности в Самарканде астрономической школы Улугбека. Примечательно, что среди представителей этой школы, перечисленных также В. В. Бартольдом⁴, таких, как Салах ад-дин Муса ибн Махмуд ар-Руми, известного как Кази-заде, Гияс ад-дин Джемшид ибн Мас'уд ал-Кяши и Али ибн Мухаммед ал-Кушчи Ш. Марджани называет также некоего Мухаммеда ибн Джемшида ал-Кяши. По мнению Марджани, обсерватория Улугбека была разрушена в 1502 г.,

¹ Марджани Ш. Ал-барк-ал-вамиз... Казань, 1888, с. 112—135; Его же. Мукаддима..., с. 313—329.

² Марджани Ш. Мукаддима..., с. 317—318.

³ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 315. См. подробно об этом: Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— Соч., т. 9, М., 1977, с. 258.

⁴ Бартольд В. В. Улугбек и его время.— Соч., т. 2, ч. 2, М., 1964, с. 135—136.

когда узбекский хан Мухаммед ибн шах Бидаг ибн Абдул-Хайр аш-Шейбани завоевал Самарканд. Он искал клад Улугбека, который был якобы захоронен под обсерваторией¹.

Востоковедческая деятельность Ш. Марджани в данной работе специально не затрагивается, так как это требует специального исследования.

Для истории тюркоязычных народов Поволжья вообще и для татарского народа, в частности, произведение «Вафийат ал-аслаф...» имеет большое значение, так как содержит сведения о выдающихся личностях, вышедших из этих народов, таких, как, например, Таджутдин Йалчигул, Габдуррахим Утыз-Имяни, Курсави². Они сосредоточены преимущественно в томах 5 и 6. Советские исследователи, изучающие творчество деятелей культуры прошлого, находят в этом произведении Марджани интересные материалы. Не случайно, что оно привлекло внимание также исследователя из соседней Чувашии³.

К историческим произведениям Ш. Марджани относится и его сочинение «Ихтисар китаб ан-Нуджум аз-захира фи ахвал Миср ва ал-Кахира («Краткий очерк о ярких звездах Египта и Каира»)»⁴. Как свидетельствует Г. Губайдуллин, оно состояло из двух томов⁵. В настоящее время имеется только один том.

Этот труд Ш. Марджани составлен на основе книги известного египетского историка XV в. Абу-л-Махасин Ибн Тагрибирди (1421—1469). Некролог этого историка приводится в «Вафийат ал-аслаф...»⁶.

Марджани остановился на этом авторе не случайно. По характеру сведений работа египетского историка представляла немалый интерес для ученых, изучающих прошлое тюркских народов. Например, автор книги «История монголов» Д. Оссон при написании своего

¹ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 315.

² Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф..., т. 6, с. 378, 363—364, 290.

³ Егоров В. Г. К истории культурных связей между народами Советского Союза и Арабского Востока.— В кн.: Вопросы чувашского языка, литературы и искусства. Чебоксары, 1960, с. 198.

⁴ Это произведение Ш. Марджани не издано. Имеется рукопись I тома в архиве ИЯЛИ КФАН СССР. См.: Ф. 39, оп. 1, д. 24.

⁵ Сб. «Марджани», с. 336.

⁶ Марджани Ш. Вафийат-ал-аслаф..., т. 4, л. 169.

труда пользовался преимущественно работой этого египетского автора¹.

Но Ш. Марджани не ограничился только этим источником, поскольку в нем рассматривается период лишь до середины XV в. При помощи Х. Фаизханова и Шейха Мухаммеда ат-Тантави он пользовался сведениями из «Хроники ал-Джабарти», которая охватывает историю Египта с древнейших времен до первой четверти XIX в.² Это подтверждается и более поздними источниками. Например, составитель каталога арабских рукописей Института народов Азии А. И. Михайлова приводит приписку Шейха Мухаммеда ат-Тантави о том, что выборки текста из первого тома «Хроники ал-Джабарти» были сделаны им для известного татарского просветителя Шигабутдина ал-Марджани³.

В это свое сочинение Ш. Марджани включил также сведения, касающиеся не только арабских стран, но и сопредельных стран и народов.

Несмотря на свою незаконченность, по характеру сведений произведение представляет интерес также и для истории народов Поволжья.

Подводя черту под разбор произведений Ш. Марджани по истории, необходимо отметить, что после выхода этих трудов в свет наблюдается заметный интерес татарских ученых к написанию региональных историй. Можно перечислить ряд авторов, которые взялись за составление не общемусульманских компилятивных сочинений, начинающих изложение истории от Адама и Евы, как бывало прежде, а отечественной истории, причем в манере Ш. Марджани, акцентируя внимание на развитии культуры.

Кроме «Истории Семипалатинска», которая была составлена Ахмед Вали Мунасыповым на материале, собранном непосредственно Ш. Марджани⁴, были написаны различные исторические и библиографические работы, число которых, по подсчету Р. Фахрутдинова, доходит до пятидесяти. К числу таких сочинений

¹ Сб. «Марджани», с. 336.

² Фәхрәтдинов Р. Хәсән әфәнде Фәезхан.— «Шура», 1916, № 14, с. 329—330.

³ Каталог арабских рукописей ИНА. Сост. Михайлова А. И. История. М., 1965, вып. 3, с. 141.

⁴ Сб.: «Марджани», с. 457.

можно отнести следующие: многотомный «Асар», принадлежащий перу Р. Фахрутдинова, «История Петропавловска» Ахмед Вали Абдрахмана, «История ученых» Ш. Хамиди (Казань, 1907), «Краткая история Кавказа» Р. Исмагилова (Тифлис, 1904) и ряд других¹. Правда, не все они были изданы и написаны на высоком научном уровне. Но тем не менее сам факт их появления свидетельствовал, что деятельность Ш. Марджани в этой области не прошла бесследно, она нашла своих продолжателей.

Таким образом, можно констатировать, что проблемы, над которыми работал Ш. Марджани во второй половине XIX в. были довольно актуальными для своего времени. Они выдвигались самим ходом социально-экономического и общественно-политического развития края, кризисом крепостнической системы, процессом формирования татарской нации.

Даже в своих мировоззренческих трудах автор проявлял себя как историк. В них он отстаивал свободу человеческого разума, право личности на творческую активность и возможность самоутверждения. Он смел с пьедестала закосневшие традиции феодального Востока, подвергал критике невежественных ишанов и схоластическую систему обучения.

Проблематика исследования Ш. Марджани по истории Татарии непосредственно вытекает из основных направлений его общественно-политической деятельности, из его программы преобразований. Желание видеть свой народ процветающим, потребность защиты его интересов во всех областях жизни привели Ш. Марджани к изучению его истории.

Ученый не ограничился лишь изучением истории своего народа. Он проявил немалый интерес к истории мусульманского Востока вообще и к истории Средней Азии, в частности, создал крупные труды и в этих областях знания.

Кроме источниковедческого интереса, труды Ш. Марджани по истории имеют большое общенаучное значение, так как их автор был первым ученым из татар, который поднял ряд теоретических вопросов исторической науки, в том числе о предмете и методе исследования истории.

¹ Фәхрәтдинов Р. Тәржемәи хәл вә табакат китаплары. (Библиографические книги).— «Шура», 1915, № 2, с. 44—45.

Глава II

ПРЕДМЕТ, МЕСТО ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ПО Ш. МАРДЖАНИ

1. Предмет и задачи истории как науки. Место и роль исторической науки в жизни общества

Основные теоретические суждения об истории Ш. Марджани изложил в «Мукаддима...»¹ и в «Мустафад ал-ахбар...»².

В средние века, даже еще позже в XVII и в начале XVIII веков, история рассматривалась как антипод математики. Поскольку в математике исключены элементы случайности, а также ввиду очевидности и достоверности ее выводов, она толковалась как идеал научного знания. Р. Декарт, например, считал, что «из всех наук остаются лишь арифметика и геометрия», которые, по его мнению, являются как бы дверью для всех остальных наук³. Вероятно, этим объясняется и тот факт, что еще в Средней Азии, когда Ш. Марджани начал увлекаться историей, он стал проявлять интерес к точным наукам, собственноручно переписывал пособия по математике и астрономии, внося свои поправки⁴.

Философы-рационалисты в средние века и позже трактовали историю также односторонне, смотрели на нее как на сбор старого хлама, который никому не

¹ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 265—266.

² Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 1—7.

³ Декарт Р. Правила для руководства ума.— Избр. произ., М., 1950, с. 82.

⁴ Сб. «Марджани», с. 64.

нужен, утверждали, что из нее ничего нельзя узнать достоверного, а историков считали невеждами¹.

На фоне этих негативных взглядов на историю высказывания Ш. Марджани в защиту исторической науки выглядят позитивными и значительными. Еще в своем первом историческом произведении, посвященном сложному периоду истории Средней Азии, он называет историческую науку «важной, славной и возвышенной» и призывает своих соотечественников с почтением относиться к ней². Примечательно в этом отношении и то обстоятельство, что, приводя классификацию наук, которые ученый, подражая Ибн Халдуна, делит на «науки традиционные» и «науки умопостигаемые», историю называет «всеобъемлющей школой», «матерью знаний», «посредником в познании истины»³.

Анализ творческого наследия Марджани и знакомство с сочинением Ибн Халдуна показывает, что татарский ученый взял на вооружение у магрибского историка-социолога как отдельные положения о предмете, сути, содержании и задачах исторической науки, так и манеру и стиль изложения, что не ускользнуло от взора и прежних исследователей. Р. Фахрудинов, например, утверждал, что в «Назурат ал-хак...» прослеживается стиль Ибн Халдуна. Он отмечал также, что ученый и политический деятель из Медины Мухаммед Араби Разух-паша послал экземпляр «Назурат ал-хак...» ученым Туниса со словами: «Видите, какой автор появился. Внимательно прочтите. Эта вещь достойна внимания»⁴.

Внешне в «Мукаддима» Ш. Марджани нет прямых соответствий с «Мукаддима» Ибн Халдуна. Впрочем, в противном случае он считался бы простым эпигоном. Но внутренняя идейная близость и общность принципов Ибн Халдуна и Ш. Марджани очевидна. Произошло творческое развитие тех принципов, которые были выработаны магрибским историком. Причем изучение «Мукаддимы» Ибн Халдуна привело Ш. Марджани к тому, что он стал отводить истории не только главенствующую

¹ Косминский Е. А. Историография средних веков, М., 1963, с. 165—166.

² Марджани Ш. Гурфат ал-хавакин..., с. 4.

³ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 210, 265.

⁴ Архив УИИЯЛ БФАН СССР, ф. 7, оп. 1, д. 14, л. 85.

роль¹, но и рассматривать ее как систему знаний, построенную на основе единого теоретического метода, вмещающего в себя обязанность историка изучение причин и следствий каждого события, так как только в этом случае, по его мнению, можно объяснить истинное положение вещей. Следовательно, Ш. Марджани подходил к историческому процессу с определенной точки зрения, что значило не только пересказывать события, но и объяснять их, вскрывать их суть, улавливать связь между ними. И это явилось в его время, несомненно, шагом вперед в определении понятия и основного содержания предмета исторической науки. Например, в своем труде «Мукаддима...» в разделе «Историческая наука» Ш. Марджани, давая определения предмету истории, пишет: «Наука история изучает прошлое народов, исчезнувшие поколения, их борьбу между собой, выявляет и восстанавливает имена, прозвища, титулы, генеалогии и портреты исторических личностей. Она также дает оценку их линии поведения и добрым делам, призывает следовать им, если они того заслуживают. История выявляет, каким уровнем знаний обладали эти личности и какие научные и художественные произведения они создали. Она показывает, какими ремеслами и навыками обладал тот или иной народ. Эта наука рассказывает о том, что пережили тот или иной народ или племя. Она (история.— М. Ю.) также является наукой о смене племен, народов и поколений, о соперничестве правителей (разрядка наша.— М. Ю.). Историю стремятся постичь как ученые, так и невежды. К ней чувствуют тяготение и конные и пешие»².

Из конца цитаты, похожей на отрывок из «Мукаддима» Ибн Халдуна, видно, что Ш. Марджани явно подражает магрибскому историку в определении пред-

¹ Известно, что в своей работе «Мукаддима» Ибн Халдун восхвалению истории уделяет целый раздел под названием «Введение о превосходстве науки истории». См.: *Китаб ал-ибар ва диван ал мубтада' ва-л-хабар фи аййам ал-'араб ва-д-' аджам ва-л-барбар ва мин' зави-с-султан ал-акбар* Ибн Халдуна. *Ал-Мукаддима фи фадл'илми-т-тарих*. Каир, 1867, т. 1, с. 7—29. Далее: Ибн Халдун. *Мукаддима*.

² Марджани Ш. *Мукаддима...*, с. 265.

мета истории как науки¹. Разумеется, под словом «рака'иб» (конные) Ибн Халдун в соответствии со своей концепцией подразумевал оседлых, а под «рахал» (пешие) — кочевников. А что касается Ш. Марджани, то он, по нашему мнению, имел в виду под этими словами правящую верхушку и народные массы.

Развивая далее свою точку зрения на предмет истории, он продолжает: «Внешне история не выходит за рамки сведений, рассказывающих о государствах, о промыслах и занятиях в них, и вместе с тем она не пересказывает лишь события прежних лет. В ней много поучительного из прошлого, много обстоятельств и примеров, достойных подражания. Она рассказывает нам о состоянии мира и переменах, в нем происходящих, о возникновении государств, их расцвете и закате»².

Это так на первый взгляд,— продолжает Ш. Марджани,— однако, если вдуматься и вникнуть в смысл истории, то ее суть — эксперимент и утонченное исследование, приводящие к глубоким и мудрым выводам. История анализирует, как происходили события, выявляет их глубокие мотивы и причины»³ (разрядка наша.— М. Ю.).

Из вышеприведенного определения явствует, что Ш. Марджани, как и Ибн Халдун, рассматривал историю в качестве результата человеческих деяний и вкладывал в ее содержание не только политические явления в виде смены династий, дворцовых событий и войн, характерных для восточных хроник, но и социально-идеологические явления.

Хотя Марджани и отводит значительную роль историческим личностям, однако он не ограничивает задачу истории лишь описанием их деяний, наоборот, в центре его внимания находится то, что эти личности оставили после себя, какие научные или художественные произведения они создали, что принесли людям — добро или зло?

В определении предмета и задачи истории как науки Ш. Марджани целиком полагается на «Введение» Ибн Халдуна. Это объясняется не только схожестью их

¹ Ибн Халдун. *Мукаддима*, с. 3.

² Марджани Ш. *Мукаддима...*, с. 265.

³ Там же.

мировоззрений, но и тем, что «Введение» последнего, которое ставило задачей создать новую науку о культуре, подводит итог и всей традиции предшествующих веков в различных областях; оно дает представление об уровне, достигнутом наукой в XV в. в арабских странах, в изложении виднейшего представителя ее»¹. «В этом выдающемся произведении арабской феодальной историографии,— пишет видный советский ученый Е. А. Беляев, давая оценку «Введению» Ибн Халдуна,— содержатся, наряду с интересными познавательными материалами, ценные сообщения и выводы»².

Однако в творчестве Ш. Марджани наблюдается не только подражание Ибн Халдуну и вообще средневековой культуре, но и ярко выраженное отрицательное отношение к средним векам. Многие он взял от Ибн Халдуна и от многого отказался.

При изучении историографии средних веков не следует, по нашему мнению, упускать из виду ее специфику, а именно то, что «...в историографии был очень силен баснословный и легендарный элемент»³. Сочинения Ибн Халдуна, разумеется, также страдают этим недостатком. По мнению В. В. Бартольда, большинство сведений, которые дает Ибн Халдун, восходит к Ибн ал-Асиру. «Те немногие из сообщаемых им (Ибн Халдуном.— М. Ю.) данных,— отмечает В. В. Бартольд,— которых мы не находим у Ибн ал-Асира, не всегда выдерживают критику»⁴. «Во введении,— пишет В. В. Бартольд,— он (Ибн Халдун.— М. Ю.) является самостоятельным мыслителем, в тексте самой истории — компилятором обычного типа»⁵. С В. В. Бартольдом полностью солидарен и И. Ю. Крачковский⁶.

Естественно, что Марджани, строго разграничивающий источники по степени их достоверности, относится с большой осторожностью к сведениям Ибн Халдуна,

¹ Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература.— Избр. соч., т. 4, М.—Л., 1957, с. 431.

² Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965, с. 27.

³ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 37.

⁴ Бартольд В. В. Туркестан..., с. 48.

⁵ Бартольд В. В. Мусульманский мир.— Соч. Т. 6, М., 1966, с. 268.

⁶ Крачковский И. Ю. Арабская географическая..., с. 438.

когда они исходят из вторых рук. При всем уважении к автору «Введения», даже заимствуя некоторые его высказывания в теоретическом плане, Ш. Марджани редко прибегает к данным Ибн Халдуна в историко-ведческом аспекте, давая предпочтение данным других историков, начиная от Ибн ал-Асира и кончая выдающимся египетским историком нового времени Абд ар-Рахманом ал-Джабарти¹.

Критическое отношение к источникам, привлечение не только письменных свидетельств, но и вещественных доказательств, первые попытки филологического анализа текста, даже пренебрежение к некоторым видам повествовательных источников отличает Ш. Марджани от Ибн Халдуна.

По мнению Марджани лучшие историки искони, еще на заре появления этой науки у арабов, тщательно собирали и фиксировали как известия повседневные, так и сведения относительно прошлых эпох.

К таким историкам он относит Мухаммеда Ибн Исхака (умер в 767 г.) — автора «Истории Халифов»; его преемника Мухаммеда Ибн ал-Вакиди (747—823) — автора «Большой истории», доведенной до правления Харуна ар-Рашида; ат-Табари (838—923) — автора знаменитой «Истории»; его преемника ал-Мас'уди (умер в 956 г.); ал-Хатиба ал-Багдади (умер в 1071 г.) — автора 14-томного словаря ученых и знаменитых лиц. Спирок этих ученых замыкает среднеазиатский традиционалист, генеолог и историк Абд-ал-Карим ас-Самаани (1113—1167) — автор «Книги генеалогии»². Одни из них, продолжает Марджани, собирали различные сведения о народах, государствах, городах, другие — о предводителях, о философских школах, религиозных и политических учениях, третьи писали или о науке и ремеслах, или о крупных деятелях науки и искусства, так что ни государство, ни народ, ни деятели науки и искусства, ни предводители политических учений — ничто не оставалось вне поля зрения историков и их сочинения превратились в настоящие всеобъемлющие истории, включающие в себя все вышеупомянутое.

¹ Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф..., т. 6, с. 52—53, 88, 134, 188—190, 202, 214, 226, 240—242, 340.

² Марджани Ш. Мукаддима..., с. 265.

Для примера Ш. Марджани перечисляет ряд региональных историй — историю Басры, Йемена, Мерва, Самарканды и других городов, приводит также истории юристов, филологов, литераторов, упоминает всевозможные исторические сочинения о халифатах, шафийитах, маликитах, хариджитах, мутазилитах¹, о судьях Басры, о порядках государственного правления в Египте и т. д.

Мы знаем, что «эпоха средних веков — эпоха энциклопедий, «сумм», «зерцал». Каждой из подобных «сумм» присущ всеобъемлющий характер, как присущ он и средневековому «всемирным историям», претендовавшим на охват истории человеческого рода от Адама и до момента ее написания или даже до грядущего конца света... Энциклопедизм средневековья — следствие уверенности в познаваемости и понятности мира для движимого верою разума»².

Разумеется, что для XIX века, когда отчетливо наметилась дифференциация наук, такой энциклопедизм представлял собой пройденный путь в историографии. И, к чести Ш. Марджани, он сумел преодолеть подобный энциклопедизм и остерегался подставлять свой микромир на место макрокосма.

Если его «Мукаддима...» и присущи некоторые черты энциклопедизма, то в «Мустафад ал-ахбар...» он сумел полностью освободиться от них. Более того, в последнем, подчеркивая несостоятельность подобного энциклопедизма, он писал: «Не только отдельным ученым, но и цивилизованным странам не легко создать всеобъемлющие цельные исторические труды»³. «В той стране, — продолжает он, — которая поощряет своих ученых на занятия историей, наука, ремесло и философия не будут отсталыми»⁴.

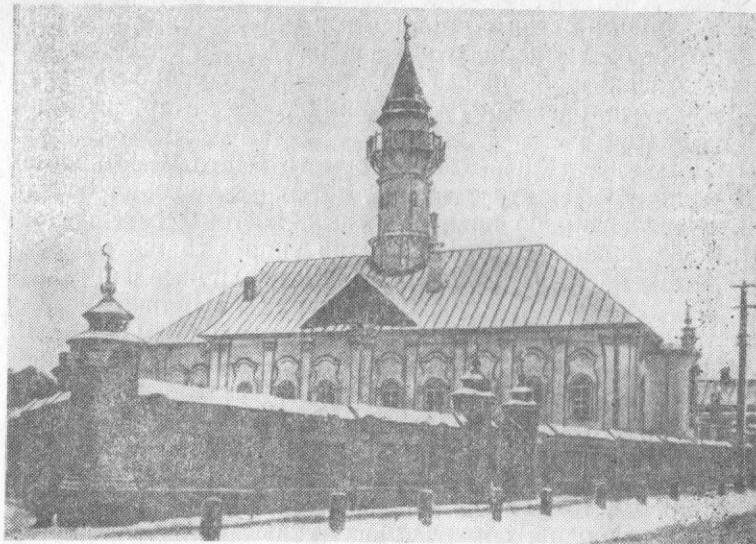
Однако, выдвигая требование подходить к истории как к процессу развития взаимосвязанных явлений, разделяя ее на внешнюю и внутреннюю, Марджани сам уделял основное внимание внешней истории, то есть анализу политических процессов. Такое несколько одностороннее

¹ Здесь Ш. Марджани перечисляет исламские и доисламские секты и направления. Подробно об этих сектах см.: Беляев Е. А. Мусульманское сектанство. М., 1957.

² Гуревич А. Я. Категории..., с. 263.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 5.

⁴ Там же, с. 5.

Мечеть Марджани в Казани. Источник: сб. «Марджани». Казань, 1915.

понимание содержания истории предопределило и композицию труда. Материал «Мустафад ал-ахбар...» группируется автором в соответствии с датами правления ханов и эмиров. Такой подход к композиции в свою очередь содействовал некоторому преувеличенному изображению «добродетелей» этих правителей¹. Вместе с тем Марджани сделал значительный шаг вперед по сравнению со своими предшественниками, выдвигая в качестве предмета изучения историей также вопросы социального развития, науки, культуры и литературы. Правда, они изложены автором бессистемно, вне связи с политической историей, как бы между прочим. Например, социально-экономическая характеристика Казанского края дается историком поверхностно, без внутреннего анализа². А вопросы материальной культуры татарского народа Ш. Марджани рассматривает вне социального

¹ См., например, характеристику Узбека, Джанибека и др.: Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 101—105, 122—125.

² Там же, т. 2, с. 6—7.

фона, лишь в связи с проблемами этногенеза, в них преобладает описание фактов¹. Он не смог, разумеется, показать взаимную связь и взаимообусловленность этих фактов, что оказалось под силу лишь марксистским историкам.

Тем не менее необходимо отметить, что Ш. Марджани взял под защиту историю, четко размежевал ее как науку, основанную на конкретных, достоверных фактах. Всякого рода вымыслы и сказки типа «Ходжа Насреддин», «Буз йегет», «Саид Баттал» и различные фантастические легенды наподобие «Таварих ал-Булгария» некоего Муслими ученый с пренебрежением называл баснословной ложью, пустыми воображениями и разоблачению этих вымыслов посвятил в своем труде целый раздел².

Как бы опровергая утверждения скептиков о том, что якобы в конкретной истории нельзя отличить правду от лжи, Ш. Марджани напоминает прошлое различных стран и народов, справедливо указывая, что в жизни каждого из них были славные даты, которыми можно гордиться. Например, он пишет о былом величии Волжской Булгарии, о временах, когда ее цивилизация мало в чем уступала, по его мнению, таким крупным цивилизациям, как византийская и андалузская³. Причем причину ускоренного развития Булгарского государства он справедливо связывал с Востоком, со Средней и Передней Азией, с персами и арабами, у которых в то время была более высокая степень общественного развития⁴.

Для доказательства этого положения Ш. Марджани опирается не только на повествовательные материалы, преимущественно арабо-персидские, но и приводит целый ряд источников, в том числе коллекцию древних монет, чеканенных в странах Востока и в Волжской Булгарии, кропотливо собранных им самим. Необходимо отметить, что это положение Ш. Марджани подтверждается и российскими нумизматами, утверждавшими, что «первыми

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 30—31.

² Там же, с. 206—224.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 8.

⁴ Там же, с. 8, 20.

посредниками в азиатской торговле с европейским Севером были Волжские Булгары вместе с хазарами»¹.

Тесные политические и культурные узы Волжской Булгарии со странами Средней Азии подтверждаются современными исследованиями по средневековой истории и археологии Поволжья².

Арабские писатели X в. также сообщают о вывозе из Булгарии и Руси мехов соболиных, бобровых, куньих, беличьих и выдровых. Более того, русский нумизмат П. С. Савельев, ссылаясь на ал-Масуди, пишет, что «...Зубейда, знаменитая супруга Харруна ар-Рашида, первая ввела в моду шубы, подбитые русскими горностаями или соболями»³.

С присущим ему историческим оптимизмом Ш. Марджани аргументированно доказывает, что с гибелью Булгарского государства высокая культура его населения не исчезла, а была унаследована и развита прямыми его наследниками — казанскими татарами. «Из-за многочисленных смут и бед, обрушившихся на Булгар, его прежнее благополучие пошло на убыль, постепенно все это перешло на Казань, которая, наконец, и стала наследницей всего этого былого величия», — писал историк⁴.

По вопросу о месте, роли и задачах истории в жизни общества Марджани выдвинул новые для своего времени идеи. История для него являлась средством пробуждения масс от вековой спячки, делом возрождения страны. Ярким примером этого служит его собственная деятельность. Свой труд «Мустафад ал-ахбар...», как известно, он писал до последних дней своей жизни. Преданность истории настолько характерна для Марджани, что он за два дня до смерти, уже не имея физической возможности писать, диктовал своему ученику историю города Семипалатинска и просил выпустить этот материал как приложение к «Мустафад ал-ахбар...»⁵.

¹ Френ Х. Д. О восточных монетах, находимых в России. — В кн.: Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1848, с. 5.

² Смирнов А. П. Среднеазиатские элементы в архитектуре и строительном деле волжских булгар. — В кн.: Средневековые памятники Поволжья. М., 1976, с. 3—6.

³ Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика..., с. 77.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 8, 118—124.

⁵ Сб. «Марджани», с. 456.

Ш. Марджани отчетливо сознавал, что история должна служить прежде всего социально-политическим целям — самоутверждению народа.

Не секрет, что официозная охранительная буржуазная историография представляла дело так, будто «инородцы» не имели самостоятельной истории, и что лишь после присоединения к России началась их цивилизация.

Такой подход объясняется не только слабой изученностью прошлого этих народов в середине XIX в. По свидетельству советских историков, «главная причина заключается в том, что историю нашей многонациональной страны историки самодержавия трактовали в великодержавном духе, как историю Российской империи»¹. Например, в представлении крупного буржуазного историка С. М. Соловьева, который жил и творил приблизительно в те же годы, что и Ш. Марджани, «окрестные народы это варвары, самой историей предназначенные быть объектом завоевательных действий русских князей»². «Поэтому об отдельных народах С. М. Соловьев говорит лишь тогда, когда идет речь о вооруженной борьбе против них»³. «История, Крыма и Казани интересовала С. М. Соловьева лишь постольку, поскольку они являлись объектом внешнеполитической деятельности правителей Московского царства. В соответствии с общей великодержавной концепцией своего труда С. М. Соловьев не интересуется историей народов Сибири, так же как и историей народов Поволжья...»⁴.

«В концепции С. М. Соловьева, — отмечает тот же автор, — ярко проявились характерный для буржуазной науки европоцентризм, отрицание какого бы то ни было исторического прогресса в странах Востока»⁵.

Следовательно, в противовес фальсификации и субъективным взглядам историков самодержавия Ш. Мард-

¹ Пашуто В. Г. Комментарии к «Истории России с древнейших времен». К 1-му и 2-му томам. — В кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1, М., 1959, с. 751.

² Там же.

³ Там же, с. 763.

⁴ Сахаров А. М. Комментарии к «Истории России с древнейших времен». К 5-му и 6-му томам. — В кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3, М., 1960, с. 754.

⁵ Сахаров А. М. Комментарии к «Истории России с древнейших времен». К 13-му и 14-му томам. — В кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 8, М., 1962, с. 668.

жани показал прошлое, а также самобытную национальную культуру татар и их предков — болгар. Выступив объективно против предвзятости и тенденциозности русской великодержавной буржуазной историографии по отношению к прошлому нерусских народов, он пытался доказать, что татары имеют право занять свое достойное место в истории народов. Следует отметить в этой связи также актуальность и злободневность этих поднятых Ш. Марджани проблем, так как «реакционный правительственный курс отчетливо сказался и в усилении национального гнета над нерусскими народами, проявляющегося в самых различных формах (притеснение родного языка, веры, национального достоинства, культуры и т. п.)»¹.

С другой стороны, деятельность Ш. Марджани по пробуждению и развитию национального самосознания татар шла вразрез с официальной идеологией ислама, пытающегося вытравить из сознания татар представление о своей национальной самостоятельности и ратующего за какую-то общую абстрактную мусульманскую нацию.

Примечательно также, что изучение Марджани этнической истории имело в то время большое значение, ибо одной из самых жгучих и острых проблем являлся национальный вопрос. Причем в это время борьба за радикальное решение этого вопроса имела антифеодальный и антиимпериалистический характер. Известно, что мусульмане-фанатики всех мастей утверждали, будто религия является основным решающим признаком национальной общности, а потому все мусульманское население Поволжья и Приуралья составляет единую нацию. Таким образом ставился знак равенства между национальной принадлежностью и религией. Более того, в условиях гнета и насилия царизма для некоторых татарских буржуазных идеологов религия служила духовным знаменем самозащиты нации.

К чести Ш. Марджани он не встал под это знамя, а противопоставлял реакционным теориям идеологическую концепцию, исходным принципом которой является отрицание религиозной общности как основного признака

¹ Смыков Ю. И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю (60—90-е годы XIX века). Казань, 1973, с. 187.

Дом, в котором жил Ш. Марджани. Источник: сб. «Марджани». Казань, 1915.

нации, как решающего условия, создающего национальную общность. Он по этому поводу писал следующее: «Некоторые избегают называть себя татариним, принимают это за порок, более того, поднимают шум и скандал, заявляя, что они не татары, а мусульмане, не понимая того, что разница между этими понятиями такова, каково расстояние между Нилом и Евфратом»¹. На наш взгляд, справедливы те исследователи, которые считают, что вопрос о национальной принадлежности татар впервые поставил и пытался разрешить Ш. Марджани².

На вопросах этногенеза татарского народа в трудах Ш. Марджани мы остановимся особо. Отметим лишь, что вторую главу «Мустафад ал-ахбар...» — «Татарские ханы и их прибытие в эти земли» — он начинает с объяснения происхождения этнонима «татар», справедливо отмечая, что этот этноним был навязан волжским булгарам так же, как был навязан тюркам Мавераннах-

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 4.

² Госманов М. А. Марджани турында..., Казан утлары, 1968, № 1, 117 бит.; Абдуллин Я. Г. Татарская просветительская мысль, с. 210.

ра этноним «магул»¹. Следовательно, Ш. Марджани хорошо сознавал, что между историей народа и историей его современного наименования нельзя ставить знака равенства. История народов, как правило, древнее истории их современных названий.

Деятельность Ш. Марджани в области этногенеза татарского народа, безусловно, была прогрессивной. Без роста самосознания быстро формирующейся нации не могли бы найти себе плодотворную почву идеи буржуазного просветительства, которые, как указывал В. И. Ленин, являются ярыми противниками косности, средневекового невежества и социальной тирании².

О значении роста национального самосознания в предисловии к итальянскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» Ф. Энгельс писал: «Без установления независимости и единства каждой отдельной нации невозможно ни интернациональное объединение пролетариата, ни мирное и сознательное сотрудничество этих наций для достижения общих целей»³.

К тому же советская наука рассматривает историю России в тесной, неразрывной связи с историей других народов страны. Она исходит из того, что каждый народ, большой или малый, имеет свои особенности, которые он вносит в сокровищницу общероссийской и мировой культуры, обогащая ее, так как «история человечества не какой-то безликий процесс; она очень конкретна и складывается из деятельности отдельных народов, имеющих каждый свое собственное лицо»⁴.

Ш. Марджани считал разработку и пропаганду исторического прошлого татарского народа необходимым условием обеспечения его будущности как нации. Для этого он стремился внушить своему народу, что не знающий свою историю народ и не признающий ее не может жить как полноправная нация. Это не только какое-то абстрактное положение, утверждал он, а истина, доказанная опытом. Из трудов Ш. Марджани явствует также, что при изучении происхождения поволжских татар не следует сбрасывать со счетов и прежние булгарские племена, мужественных воинов, принявших наряду со

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 93—94.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 519.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 382.

⁴ Конрад Н. И. Запад и Восток, с. 454.

славянскими племенами удары татаро-монголов и нанесших им поражение¹.

«К сожалению, наш народ не знает, сколько правителей и выдающихся деятелей выдвинул он из своей среды», — пишет Марджани². Булгарским ученым и их произведениям он отвел целый раздел, в котором упоминает Якуба ибн Нугмана ал-Булгари, Махмуда ибн Али ал-Булгари ас-Сараи, Сулеймана ибн Дауда ас-Саксини, Абу-л-Ала Хамида ал-Булгари, Бургана ад-Дина ал-Булгари, Минхаджа ад-Дина Сулеймана ас-Сараи, Абу Мухаммеда Ала ад-Дина ал Булгари, Ахмада ибн Махмуда ал-Джунди и других³. Кроме многочисленных комментариев на различные сочинения эти ученые, по мнению Ш. Марджани, написали такие произведения, как «Таварих», «Нахдж ал-Фарадис», «Кысса-и Юсуф», «Зухрат ар-Риаз ва нузхат ал-кулуб», «Насихат ас-салихин», «Навруз», «Хазинат ал-уллама ва зианат ал-фукаха», «Шахри болгар газилары» и т. п.⁴

По всей вероятности, Ш. Марджани считал этих ученых не только булгарскими. Он не ограничил их деятельность определенными территориальными рамками, так как понимал, что среди них имеются представители многих тюркоязычных народов, оказавшихся по воле судеб в составе Золотой Орды. Более того, давая сведения о таком ученом, как Хасан ибн Омар ал-Булгари, историк подчеркивал, что его жизнь и деятельность связаны и с городом Гянджа в Азербайджане и с Бухарой и с Волжской Булгарией⁵. Так же обстоит дело и с Саудом ад-Дином ибн Омаром ат-Тафтазани и Ибн Арабшахом. Первый родом из Хорасана, а второй из Дамаска, но деятельность обоих тесно связана с Волжской Булгарией⁶. Сказанное целиком относится к Хафизу ад-Дину Юсуфу ал-Хорезми ал-Кардари, известному как Ибн ал-Баззас и к Ассаму ибн Малику ал-Маргинани⁷.

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 76.

² Там же, с. 4.

³ Там же, с. 78—89. Об этих ученых см. также: Рамзи М. М. Талфик ал-ахбар..., т. 1, с. 315—333.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., с. 1, с. 78—89, с. 13.

⁵ Там же, с. 83.

Там же, с. 86—88.

Там же, с. 87—88.

Необходимо отметить, что профессор Г. Тагирджанов в этом вопросе полностью солидарен с Ш. Марджани. Приводя многочисленные источники, основываясь также и на «Мустафад ал-ахбар...», исследователь приходит к выводу, что в Волжской Булгарии еще в XI—XII вв. существовал литературный язык. Причем литература на этом языке, как и литература тюркоязычных народов Золотой Орды вообще, развивалась в тесном взаимодействии с культурой и литературой тюркоязычных народов других регионов, не только центральных, но и периферийных — Хорезма, Крыма, Азербайджана, Астрахани и других¹.

Однако, показывая былую культуру Волжской Булгарии, Ш. Марджани отнюдь не идеализирует прошлое своего народа. Правильно понимая исторический процесс и цену истинного патриотизма, он критикует в лице некоего Хисамутдина ибн Шарафутдина Муслими и его сочинения «Таварихи Булгария» общее невежество, общую обстановку феодальной эпохи².

Как справедливо отметил М. А. Усманов, автор «Мустафад ал-ахбар...» показывал негативные стороны истории и своего народа — период окончательной деградации официальной исторической литературы у татар в эпоху разложения феодализма³. Ш. Марджани призывает учесть уроки прошлого, не повторять ошибок предков. Он подвергает резкой критике равнодушие своей нации к собственной истории. «Как прискорбно, — пишет он, — что наши соотечественники не имеют ни малейшего представления об историческом прошлом своих предков, о том, где и как они жили. Они знают лишь о могилах святых из Булгарии и Казани и кое-что о ханской мечети (башне Сююмбике). Если хотят сказать о далеком прошлом, говорят: «О, это было в ханские времена, подразумевая под этим лишь давность происходивших событий»⁴.

¹ Тагирджанов Габдрахман. Эдэбият тарихында ижтимагый-мәдәни мөнәсәбәтләрнең роле (Роль социально-культурных связей в истории литературы). — Казан утлары, 1975, № 8, 146—155 битләр.

² Ибраһимов Г. Бөек остазымызның тарихи..., 44 бит.

³ Усманов М. А. Татарские исторические источники, с. 156.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 4.

Как и многие его современники, Марджани видел задачу истории также в нравоведении, в том, чтобы она помогла преодолению отрицательных качеств у людей, смотрел на историю как на школу жизни, подчеркивал ее большую познавательную ценность, сравнивая ее с фонарем, освещающим путь. Характерно, что эпиграфом к своей работе «Мустафад ал-ахбар...» он взял последний 111-й стих главы «Юсуф» Корана, который гласит: «В рассказе о них есть поучение для обладающих разумом»¹.

Примечательно, что Ш. Марджани берет этот стих как эпиграф и для своего труда «Сборник поэзии», который знакомит его соотечественников с поэтическим наследием Востока².

Самым существенным оружием для самоусовершенствования и улучшения нравов, и, следовательно, для общественного прогресса является пронизательное, критическое изучение прошлых деяний, как хороших, так и плохих, с извлечением определенного урока из каждого. Это — кредо Ш. Марджани-историка.

Итак, по Марджани история служит прежде всего общественно-политическим целям. Она должна поднимать национальное самосознание, призвана воспитывать людей на примерах прошлого, на хороших традициях, прививать им любовь к своей родине. История играет роль не только политическую и воспитательную, но и познавательную, способствует установлению исторической истины.

Ш. Марджани стремился выявлять причины отдельных исторических событий, устанавливать достоверность исторических источников.

История, по мнению Марджани, не является просто описательной наукой, она должна доказывать, объяснять события, устанавливать истину при помощи исторических фактов. Например, касаясь расцвета и падения Волжской Булгарии, автор не ограничился констатацией фактов, он пытался объяснить причины ее экономического и политического упадка. При этом в качестве та-

¹ Там же, т. 2 на тит. л. См. также: Коран. Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1963, с. 194.

² Марджани Ш. Маджму'ат ал-аш' ар.— В кн.: Барк ал-ваминз. Казань, 1888, с. 105.

ких причин он выдвигает татаро-монгольское иго, разобщенность, отсутствие внутреннего единства и т. д.¹

В этой связи следует отметить, что К. Маркс, характеризуя этот период истории Поволжья, писал: «Анархия, измена, убийства изнуряли Кипчакское царство.— Раздоры между волжскими и каспийскими татарами»².

Какие бы трудности ни встречал на своем исследовательском пути историк, считал Марджани, он всегда должен стремиться к установлению истины. Необходимо отметить, что сказанное определяет и его собственный стиль работы, а также характеризует его как неутомимого исследователя. Истина для него не была божественным откровением, а познавалась в результате тщательных научных поисков. Как пишет Г. Ибрагимов, «не удовлетворяясь только данными, услышанными от рассказчиков и полученными из других источников, он, запрягши лошадь, отправлялся на поиски материала в соседние русские и марийские села. Копался в надмогильных камнях»³.

Таким образом, история для Марджани является наукой, изучающей большой, сложный комплекс общественных проблем, наукой, требующей неоспоримых доказательств. Пожалуй, никто из его предшественников и современников из татар не поднимался до такого уровня понимания содержания предмета, места и роли истории.

Из вышеизложенного явствует, что Марджани шагнул далеко вперед от узкого понимания истории средневековыми хронистами, феодальными и некоторыми буржуазными историками, считавшими, что она должна описывать только события и занимать читателя, развлекать его.

Его взгляд на историю неизмеримо глубже и шире. Ученый ставит перед этой наукой следующие основные задачи: поднять народ из темноты и пробудить его национальное самосознание, чтобы каждый индивидуум почувствовал себя гражданином своей родины, а также

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 117—136.

² Маркс К. Хронологические выписки. Тетрадь IV. Обзор истории Скандинавии и России до начала Тридцатилетней войны.— В кн.: Архив Маркса и Энгельса. Т. 8, М., 1946, с. 150.

³ Ибрагимов Г. Бек остазымызның кайбер..., с. 17.

познание и анализ прошлого, установление исторической истины.

Таким образом, Ш. Марджани показал, что история играет как политическую, воспитательную, так и познавательную роль в жизни общества.

2. Метод исследования истории и принципы работы над источниками

Шигабутдин Марджани не только определил предмет и задачи истории как науки в соответствии с уровнем развития знаний в его эпоху, но и впервые в татарской историографии в какой-то мере разработал методы критического исследования в области истории, посредством которых пытался выяснять истину, толковать факты, события.

Принципы работы над источниками в его трудах систематически не изложены. Но при детальном ознакомлении с его историческими сочинениями можно встретить его высказывания о методе исследования истории. Отдельные принципы выявляются из контекста его трудов. Ученый выдвигает их главным образом в связи с разработкой вопросов истории своей страны и в гораздо меньшей степени — в теоретическом плане.

Главным методологическим принципом исторического исследования Ш. Марджани считает объективный анализ событий и фактов. По его мнению, историк не имеет права отступать от исторической правды и должен освещать события так, как они происходили. Он считает, что историк должен постоянно проверять себя, не попал ли он под влияние одностороннего взгляда, который может исходить из его личности, его религиозных и политических убеждений, так как настоящая наука требует истинности. И поэтому свою оценку историк не должен приспособлять к своим потребностям и стремлениям, которые не имеют ничего общего с прошлым.

«Задача историка,— пишет он,— без преувеличения и приуменьшения, невзирая на лица, беспристрастно исследовать материал, поступивший в распоряжение историка независимо каким путем. Если с пристрастием одного хвалить, другого хулить и опорочивать или же рассказывать только о его хороших делах, умалчивая о плохих, то этот человек не заслужит того, что он дол-

жен заслужить перед богом, и, возложив на него ложь и напраслину, мы бы изменили богу и его пророку»¹.

Ш. Марджани предъявляет к историку большие требования. Историк, впервые описывающий какие-либо события, несет, по мнению Ш. Марджани, большую ответственность перед будущими поколениями. От его добросовестности, честности и объективности зависит то, как будет воспринята впоследствии история того или иного народа. Историк должен заботиться о своем добром имени, о своей репутации, помнить о своем долге перед людьми.

Ш. Марджани считает недопустимым руководствоваться какими-либо субъективными соображениями при исследовании истории, исключает пристрастное толкование исторических фактов и событий, сурово осуждает замазывание прежних ошибок и заблуждений. Это, пожалуй, характерная черта его методологии, не свойственная прежним татарским историкам.

Еще в 1916 г. Габдулхамид Муслими, отмечая творческий почерк Марджани, писал, что характерные для него утонченное исследование, манера во всем докапываться до сути отличают его от тысячи прежних мусульманских историков².

Например, Ш. Марджани считает, что если закрывать глаза на политические просчеты чересчур идеализированного третьего халифа — Османа, то это не даст ничего кроме вреда³. Хотя многие мусульманские историки и рисуют Османа как носителя святости и благочестия, создают вокруг него ореол непогрешимости, объективно, по мнению Марджани, дело обстоит иначе. Начавшиеся при нем смуты в мусульманском мире были вызваны тем, что он захватывал земельные участки, умножал за чужой счет свое богатство и состояние приближенных. Это в конечном счете вызвало возмущение мусульманской общины и привело к его гибели. Критика этого правителя в работе Ш. Марджани «Ал-азб ал-Фурат» настроила против него многих религиозных фанатиков,

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 6.

² Габдулхамид Муслими. Марджани.— «Шура», 1916, № 2, с. 45—46.

³ Там же, с. 46.

полемика по этому вопросу продолжалась даже в начале XX в.¹

Из трудов Ш. Марджани по истории видно, что он всегда придерживался объективности и резко осуждал тех, кто отступал от исторической правды. Например, он едко высмеивал такую фальсификацию, как «Таварих-ал-Булгария» Хисамутдина Муслими, которой присуща такая субъективность, что она, словно кривое зеркало, искажает объективное положение вещей, противоречит историческим фактам. Марджани подчеркивает, что «слова Муслими не достойны не только доверия, но даже и внимания»².

Позднейшие исследователи тоже далеко не лестно отзывались об этом сочинении. Археограф Гали Рахим, подчеркивая «весьма пестрый и не выдержанный по содержанию» характер одного из списков этого сочинения, в частности писал, что «неизвестно по какой причине, самым ли составителем или кем-нибудь другим, умышленно или по ошибке он датирован более ранним временем»³.

Известно, что даже в начале XX в. находились люди, которые верили в достоверность приезда в Булгар сподвижников Мухаммеда и писали по этому поводу письма редактору журнала «Шура».

Следует отметить, что против безапелляционных заявлений мусульманских фанатиков, утверждавших, основываясь на вышеупомянутом сочинении Х. Муслими, что болгары приняли ислам не в 922 г., а во времена пророка Мухаммеда, Ш. Марджани выступал еще в 70-х годах XIX в.⁴ В своем докладе на IV Всероссийском съезде археологов в Казани он говорил: «В достоверных книгах нет решительно никакого указания, даже намек на то, что болгары стали мусульманами во вре-

мя многоуважаемого Пророка или его асхабов¹. При жизни Пророка мусульманство было распространено только лишь в Хиджазе, Сирии и Йемене: даже при жизни его асхабов не было никаких сношений мусульман со здешней страной»². Примечательно то, что профессор А. П. Ковалевский повторил Ш. Марджани, заявив, что «позднейшие татарские историки слишком мало знали о домонгольской эпохе, отчасти же сознательно вносили легендарный элемент, относя, например, принятие ислама болгарами к первым годам хиджры и тому подобное»³.

Научную объективность Ш. Марджани характеризует также отношение его к выдающемуся памятнику восточной письменности — так называемому «Корану Османа». Этот куфический коран после присоединения Средней Азии к России из Самарканда попал в императорскую Санкт-Петербургскую библиотеку. Он пользовался репутацией одной из самых священных реликвий мусульман и, по преданию, был написан самим халифом Османом, находился в его руках, когда к нему ворвались убийцы, и сохранил следы крови халифа⁴. Ш. Марджани еще в 1856 г., опередив А. Ф. Шebuнина на 36 лет, первым в России доказал, что этот памятник, хотя и является сравнительно древним, в руках Османа никогда не был, и что пятна крови не что иное, как грубая подделка беспринципных мусульманских фанатиков⁵.

К методу исследования истории Ш. Марджани относят также принципы работы над источниками, то есть вопросы источниковедения. Его работа «Мустафад ал-ахбар...» дает представление об историке как об историковеде и позволяет делать выводы о методах его исследований, о принципах использования им различных источников. Следует отдать должное ученому, который

¹ Сб. «Марджани», с. 512.

² Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 214.

³ Рахим Гали. О новом списке татарского исторического сочинения XVII века. Отд. оттиск из ВНОТ. Казань, 1927, № 7, с. 133. О причинах появления таких сочинений, целях их составления, а также о социальной природе памятников татарской историографии периода феодализма вообще см.: Усманов М. А. Татарские исторические источники..., с. 134—158.

⁴ Фәхретдинов Р. Мурасила ва мухабира (Письма и ответы на них). — «Шура», 1912, № 16, с. 507.

¹ Асхаб — товарищ, компаньон. Здесь имеются в виду сподвижники пророка.

² Труды IV археологического съезда в России. Казань, 1884, т. 1, отд. 2, с. 42 (перевод), с. 52 (текст). См. также: Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 52.

³ Ковалевский А. П. Чуваши и болгары..., с. 8.

⁴ Подробно см.: Бартольд В. В. История изучения..., с. 441.

⁵ Марджани Ш. Ал-фаваид ал-мухимма..., с. 21—22; сб. «Марджани», с. 213—221. Его же. Вафийат ал-аслаф..., т. 6, с. 183.

собрал все, что можно было собрать в его время по истории собственной страны и по истории сопредельных народов.

Касаясь источниковедческой деятельности Ш. Марджани, историк М. Усманов справедливо писал, «что Марджани при составлении истории тюркских народов Поволжья и Приуралья располагал огромным для того времени количеством источников, значительная часть которых, к сожалению, осталась недоступной даже для последующих ученых. И если учесть то обстоятельство, что подавляющее большинство из них было введено в науку впервые Шигабутдином Марджани, то становится очевидно, что роль его в выявлении источников по истории татарского народа огромна и он с полным правом может считаться одним из основоположников татарской буржуазной исторической науки»¹.

Ш. Марджани первым в татарской историографии оценил источники по степени их достоверности. Он считал, что историк должен быть одинаково знаком с источниками разных категорий — не только первичной, но и вторичной редакции, не только с важными и достоверными, но и совершенно не важными и заведомо не достоверными, потому что только при анализе и сопоставлении всех их он может правильно высказать свое суждение об исторических фактах, добываемых из источников. Так, в «Мустафад ал-ахбар...» он пишет: «О прошлом нашего народа имеются определенные известия в сочинениях иноземных ученых, кое-какие сведения можно почерпнуть из различных книг и посланий, отрывочные известия упоминались нашими отцами и дедками и получили хождение в народе. Как неправильно было бы без проверки и критики принимать их на веру, так же ошибочно было бы без основательного доказательства объявлять их лживыми. Необходимо анализировать их, зная обстоятельства, события и потребности той исторической эпохи и привлекая в качестве свидетелей другие достоверные факты. Если сомнительна достоверность какого-либо известия, то необходимо, критикуя письменно, указать на его ошибочность. В таком случае оно будет привлекать всеобщее внимание и, таким образом, установится его верность или

¹ Усманов М. А. Источники книги Ш. Марджани..., с. 151.

лживость, что поможет заблуждающимся избавиться от ошибок»¹.

Следует отметить, что на такой подход к источникам Марджани пытался ориентировать и других историков, высказывая аналогичные мысли неоднократно. При исследовании истории Касимовского ханства, опровергая различные домыслы, имевшие хождение в народе, Ш. Марджани заявлял: «Разве можно в исторической науке без достаточной аргументации опираться на известия трех-четырёхвековой давности»².

Таким образом, историческое исследование, как считает Марджани, всегда должно опираться на всесторонний критический анализ всех источников, касающихся того или иного вопроса, всех фактов, нашедших в них отражение. Нельзя не отметить, что подобный метод исследования источников был передовым и отвечал всем требованиям науки того времени.

При изучении общественных явлений, как указывал В. И. Ленин, «...необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела»³.

Одной из характерных для Марджани черт метода исследования истории является то, что он предпочитал первоисточники, а к более поздним их переизложениям относился критически. Он решительно критикует «ученых», пользующихся такими ненадежными компиляциями, как сочинение Камала-паши, и оперирующих неверными извлечениями из них. Он советует пользоваться авторитетными сочинениями крупных ученых⁴. Особенно сурово он осуждает своих современников, которые сознательно, из субъективных соображений, извращают исторические факты. Так, он резко осуждает исто-

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 5.

² Там же, с. 118, 139.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 5.

риков, сочинивших в угоду эмиру Бухары Насрулле и его приближенным многие небылицы с целью оправдания гнусных дел эмира в Коканде и пытавшихся представить дело так, будто тот являлся доблестным рыцарем, карающим отступников от истинного пути ислама¹.

Такие же критические строки в адрес извратителей фактов в угоду своим интересам и своему честолюбию можно встретить и во втором томе его сочинения².

Нужно отдать должное историку, который умел отличать надежные источники от сомнительных, пристрастных, составленных самими правителями или же по их заказу. Он был, например, весьма невысокого мнения о «Тузукати Тимури», выдаваемом за подлинные мемуары Тимура, считал это сочинение, возвеличивающее кровожадного правителя, творением льстецов и нахлебников рода Тимура³.

«Если хотите узнать правду о Тимуре и его деяниях,— пишет историк,— обратитесь к подлинным источникам! Они имеются. Это сочинения выдающихся ученых Бадр ад-Дина ал-Айни, Ибн Хаджара ал-Аскалани, Шамс ад-Дина ас-Сахави, а также другие подобные произведения крупных ученых Египта, Сирии и Ирака. Если же этим не удовлетворитесь, читайте сочинение Ахмеда ибн Арабшаха ад-Димашки под названием «Гараиб ал-макдур фи навадири Тимур». Если же и это не удовлетворит Вас, то задумывайтесь над событиями и фактами!»⁴.

Необходимо отметить, что указанные Марджани авторы — большие авторитеты по биографии Тимура и предостережения ученого, несомненно, заслуживают пристального внимания. По-видимому, Марджани отдавал предпочтение сочинениям Бадр ад-Дина ал-Айни перед другими еще и потому, что их автор в свое время с одинаковой легкостью писал как по-арабски, так и по-турецки и они имелись на двух языках. А это для современников Ш. Марджани было немаловажно. Большое

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 203.

² Там же, т. 2, с. 14.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 224. Следует отметить, что позднейшие исследования подтверждают лживость и фальсифицированный характер подобных сочинений. См.: Гибб Х. А. Р. Арабская литература. М., 1960, с. 154.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 224.

значение работы Бадр ад-Дина ал-Айни «Икд ад-джуман фи тарих ахл аз-заман» («Ожерелье из жемчугов по истории людей своего времени») для изучающих историю Золотой Орды и халифата подчеркивали и русские востоковеды В. Г. Тизенгаузен, В. Р. Розен¹.

Ш. Марджани в «Мукаддима...» и в «Мустафад ал-ахбар...» неумолимо развенчивает лживых биографов Тимура. Он, в частности, пишет, что у Тимура, кроме тирании, зверств, грабежа и уничтожения посевов, не было других дел².

Работы советских историков и археологические данные подтверждают эту характеристику Тимура³. На основе изучения ранее недостаточно использованных закавказских (армянских и грузинских) и некоторых арабских источников историк А. П. Новосельцев, на наш взгляд, пришел к весьма справедливому заключению, что «... роль Тимура в истории Средней Азии и народов других стран, которые соприкасались с его ордами, является реакционной, так же как и роль его предшественника Чингиз-хана»⁴.

Довольно интересно отношение Ш. Марджани к официальным русским летописям, характеризующее его как зрелого и в то же время сверхосторожного исследователя-скептика. Ученый считает, что летописям присуща субъективность восприятия, переходящая порой в сознательное умалчивание тех или иных фактов или даже искажение их. Он предостерегает своих современников от наивной веры в летописи, считая, что «они написаны не для исторической науки, без критического осмысления, подчас пристрастно, с целью сокрытия истины»⁵.

Как видим, Марджани четко отличает историческое исследование от письменного источника, что было не под силу феодальным и некоторым буржуазным исто-

¹ Крачковский И. Ю. Арабская географическая..., с. 480.

² Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 224.

³ Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 160—162; Баллод Ф. В. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Результаты археологических работ летом 1922 года. Казань, 1923, с. 11—12.

⁴ Новосельцев А. П. Об исторической оценке Тимура.— ВИ. 1973, № 2, с. 20.

⁵ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 118.

рикам, призывает к переосмыслению текста летописей, к чтению «между строк», что Н. А. Добролюбов считал неизменным условием правильного понимания этих памятников древнерусской истории¹.

Мнение Ш. Марджани о летописях созвучно мнению А. А. Шахматова, который, как известно, «отказался видеть в летописном своде лишь случайный подбор материала и во всех случаях предполагал в летописи наличие сознательной, продуманной работы летописца, подбиравшего свой материал под влиянием серьезных политических идей и создавшего своды, проникнутые внутренним идейным единством, спаянные острой политической мыслью»².

Позднейшие работы советских историков подтверждают взгляды А. А. Шахматова. Будучи памятниками феодальной идеологии, летописи «были далеки от объективного изображения событий (не только фактов классовой борьбы, но и фактов междукняжеских отношений)»³. Следует иметь в виду, что в то время, когда работал Марджани, еще отсутствовало представление о летописях даже как об исторически сложившихся литературных памятниках; такое отношение к ним лишь позднее было выдвинуто А. А. Шахматовым, подорвавшим наивную веру в объективность летописей.

Вышеизложенное дает полное основание утверждать, что по некоторым источниковедческим вопросам Ш. Марджани стоял на уровне и даже выше некоторых своих современников-ученых. Но вместе с тем необходимо отметить, что категоричность, упрощенный подход его к русским летописям как источникам очевидны и в этом плане не могут быть приняты, хотя в свое время это было шагом вперед в понимании природы исторического источника. К тому же Марджани здесь противоречит своему же утверждению, что историк не должен пренебрегать никакими источниками и что различные источники дополняют друг друга.

¹ Добролюбов Н. А. О степени участия народности в развитии русской литературы.— Собр. соч. в трех томах, т. 1, М., 1950, с. 311.

² Лихачев Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания.— В кн.: Шахматов А. А. 1864—1920. М.—Л., 1947, с. 258.

³ Историкография истории СССР. М., 1971, с. 24.

В оценке Марджани русских летописей, на наш взгляд, прослеживается определенная политическая цель, продиктованная национальными и религиозными чувствами. Не следует сбрасывать со счетов и следующее обстоятельство: биографы отмечают, что у Марджани была сильно развита способность к критическому мышлению. Уже в юношеском возрасте у него проявляется известный нигилизм, развившийся в последующие годы в скептицизм и гиперкритицизм.

Выдающийся советский историк М. Н. Тихомиров, исследуя русские летописи, указывает, что они являются основным источником по истории Киевской Руси IX—XIII столетий. Однако при их изучении необходимо особенно критически относиться к их сообщениям¹.

Поэтому степень достоверности того или иного источника можно определить только с помощью тщательного конкретного его анализа. В каждом отдельном случае марксистская критика источника должна руководствоваться ленинскими требованиями, чтобы «...за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»².

К первоисточникам Ш. Марджани относил также участников событий, прежде всего историков, которые жили и писали одновременно с происходящими событиями и были их очевидцами. Однако он ясно отдавал себе отчет в том, что для настоящей науки недостаточно свидетельств очевидцев и участников событий.

Ученый справедливо утверждал важность повествовательных источников. Например, он очень сожалеет, что отсутствуют такие повествовательные источники, как «Таварихи ал-Булгария» («История Булгарии») болгарского ученого Якуба ибн Нугмана или же полный список сочинения Ибн Фадлана, которые, по его мнению, могли бы пролить свет на многое из прошлого народов Поволжья³. Ш. Марджани пишет, «что не может найти выписки, сделанные им в юности из списка Ибн Фад-

¹ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. С древнейшего времени и до конца XVIII в. М., 1962, с. 54.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 47.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 78.

лана, где было больше сведений, чем в извлечениях Якута ал-Хамави и других»¹. Разумеется, правомерно то значение, которое придавал Марджани этому источнику. Как пишет М. А. Усманов, до открытия Мешхедского списка сообщения о булгарах и русах были известны ученому миру лишь по извлечениям из географической энциклопедии Якута ал-Хамави (XIII в.)². Есть основания полагать, что Марджани читал и делал выписки из этого источника еще в Бухаре. Не излишне будет упомянуть, что А. П. Ковалевский, прослеживая историю Мешхедского списка подлинного сочинения Ибн Фадлана и подчеркивая популярность этого источника и его вариантов в Средней Азии, указывает, что «один экземпляр полного сочинения Ибн Фадлана каким-то образом попал в Бухару, где им заинтересовались больше»³.

Рассуждения Ш. Марджани о причине малочисленности надежных повествовательных источников на татарском языке свидетельствуют о том, какое большое значение он им придавал⁴.

Ш. Марджани был хорошим знатоком письменных источников. Знание классических восточных языков позволяло ему читать в оригинале труды арабских, персидских и турецких историков и путешественников. Разумеется, его интерес к восточным источникам объясняется не только знанием языков. Это объясняется, видимо, тем, что он сознавал важность подобных источников. Сравнительно слабо введенные в научный оборот, они давали возможность изучить множество вопросов из истории народов Поволжья, представляли собой наиболее яркий и доступный для исследования материал, который год от года все больше привлекал внимание русских и европейских ученых. Подчеркивая важность и универсальность этих источников, А. П. Новосельцев писал, что «едва ли можно найти в наше время сколько-нибудь крупную статью, касающуюся древних славян и русов, автор которой не привлек бы

свидетельств восточных источников»¹. К тому же труды в этой области таких русских востоковедов, как Д. А. Хвольсон, В. Г. Тизенгаузен, А. Я. Гаркави, являлись, по всей вероятности, предметом подражания также и для Марджани.

Историк М. А. Усманов приводит довольно внушительный список арабских, персидских и турецких авторов, труды которых были использованы Марджани при написании первого тома «Мустафад ал-ахбар...»². Если ознакомиться с остальными трудами Марджани, этот список можно значительно пополнить такими крупными именами, как Абу-л-Аля ал-Маари, Абу-л-Атахийя, Абд ар-Рахман ал-Джабарти, Абд ар-Рахман, Джамии, Абу Осман ал-Джахиз, аз-Замахшари, аз-Захаби, Ибн ал-Мукаффа, Джалал ад-Дин ар-Руми, ас-Самаани, Сибавайх, ат-Табари, Ибн Тагрибирди, Абу-л-Касим Фирдоуси, Мухаммед Физули, ал-Фирузабади, Омар Хайям, аш-Шахрастани и т. д.³ Примечательно, что в «Вафийат ал-аслаф...», касаясь деятельности выдающегося мыслителя Востока Ибн Сины и ссылаясь при этом на Ибн Халликана и других, Ш. Марджани перечисляет свыше 60 произведений Ибн Сины, при этом приводит стих о том, что его не спасли от смерти ни его «Шифа» («Исцеление»), ни его «Наджат» («Спасение»)⁴. Это говорит о большой эрудиции автора, о том, что он пользовался добротными источниками. Даже краткое ознакомление с рукописями Марджани, особенно с его «Вафийат ал-аслаф...», показывает, что он освоил и критически переработал более чем тысячелетнее наследие восточных классиков, начиная со знаменитого средневекового ал-Джабарти (775—868) и кончая европеизированным ал-Джабарти (1756—1825).

Характерно, что на необходимость использования трудов этих восточных авторов при изучении истории

¹ Новосельцев А. П. Восточные и западные источники о древнерусском государстве.— В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. и другие. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 358.

² Усманов М. А. Источники книги Ш. Марджани..., с. 146.

³ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 48.

⁴ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 5, 230—231, 312, 329—347, 389; его же: Ал-барк ал-вамиз..., с. 7, 110—130.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 118—122.

⁴ Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф..., т. 2, л. 528—533.

народов России еще в первой половине XIX в. указывал арабист Х. Д. Френ¹.

Ш. Марджани пользовался также источниками, написанными на европейских языках. Это подтверждается и его собственными произведениями. Например, из его «Мукаддима...» видно, что он был хорошо осведомлен о том, что главные географические труды Абу-Хамида Ал-Гарнати, на которые он часто ссылается, переведены на французский язык². А использование им русских источников отмечали еще Н. Ф. Катанов, И. М. Покровский³.

Будучи искусным каллиграфом и хорошо разбираясь в секретах арабской письменности, Ш. Марджани снимал копии с надписей на историко-археологических памятниках, находящихся на территории нынешней Татарии, особенно с эпиграфических памятников, что способствовало привлечению внимания к нему специалистов и любителей старины. Он, например, выступал в качестве помощника В. В. Вельяминова-Зернова, который через Х. Фаизханова консультировался у него по поводу спорных или неясных мест в текстах эпиграфических памятников. Автор «Исследования о касимовских царях и царевичах» в своем труде приводит тексты двух писем Ш. Марджани к Х. Фаизханову, в которых Марджани дает расшифровку надписей на надмогильных камнях⁴. Текст одного из писем с комментариями опубликован М. А. Усмановым⁵. Необходимо отметить, что из замечаний Вельяминова-Зернова явствует, что надмогильный камень, с описанием которого блестяще справился Марджани, был известен еще в 1817 г. К. Фуку, который в своей «Краткой истории города Казани» (с. 42, 43) приводит перевод. Но перевод Фук-

са, как пишет Вельяминов-Зернов, не верен¹. О неудовлетворительности перевода Н. И. Ильминского можно заключить по письму Х. Фаизханова к Ш. Марджани², в котором Фаизханов передает своему учителю просьбу русского ученого дешифровать надписи на камне, а также сообщить данные о его размерах и легенды о нем, распространенные среди местного населения.

В свою очередь Ш. Марджани также пользовался вышеназванным трудом В. В. Вельяминова-Зернова, так как хорошо сознавал, что он написан на высоком научном уровне. Так, например, глава «Касимовское государство» в «Мустафад ал-ахбар...» носит на себе некоторый отпечаток «Исследования...», что было отмечено еще дореволюционными учеными³. И, наконец, использование русских источников подтверждается не только косвенно, в частности, из письма Марджани к Фаизханову⁴, но и непосредственно его трудами. В «Мустафад ал-ахбар...», например, встречаются такие строки: «Когда русский правитель Владимир в 968 году при содействии кипчаков-тюрок напал на болгар с целью обложить их данью, предводитель русских войск сказал Владимиру: от них мы не сможем получить дани, они обуты в сапоги, нам лучше обирать лапотников»⁵. Как известно, этот эпизод содержится в русских летописях⁶.

Особенность метода Ш. Марджани заключается в том, что он стремится давать как можно более полную информацию об исследуемом вопросе. Для установления истины, утверждает ученый, недостаточно основываться

¹ Френ Х. Д. Хронологический список ста сочинений, преимущественно исторического и географического содержания на арабском, персидском и турецком языках, недостающих большей частью в европейских библиотеках, коих отысканием в оригиналах следовало бы заняться для пользы наук, особам, имеющим свое пребывание на Востоке.— ЛОА, ф. 778, оп. 1, д. 19.

² Марджани Ш. Мукаддима..., с. 327.

³ Катанов Н. Ф., Покровский И. М. Отрывок..., с. 339.

⁴ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб, 1863, с. 548—557.

⁵ Госманов М. А. Марджани турьнда..., 120—121 битләр.

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование..., с. 553.

² Фәхретдинов Р. Хәсән әфәнде Фәезхан.— «Шура», 1916, № 16, с. 378.

³ Сб. «Марджани», с. 342—347.

⁴ Так, например, в одном из писем к Х. Фаизханову Ш. Марджани писал: «Через Ильминского ознакомился со сборником Френа, вышедшим на русском языке. Там ничего не говорится о Туганхане и Арсланхане. Удивительно, неужели он (имеется в виду Х. Д. Френ.— М. Ю.) не ознакомился с Ямине (имеется в виду «Тарих ал-Ямине» Абу Насра ал-Утби (1036).— М. Ю.). Было бы неплохо, если бы Вы смогли мне выслать оставшиеся тома В. В. Вельяминова-Зернова...». См.: Архив УИИЯЛ БФАН СССР. Ф. 7, оп. 1, д. 14, с. 62.

⁵ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 90.

⁶ ПСРЛ. Воскресенская летопись. СПб, 1856, т. 2, с. 296.

только на одном источнике, он рекомендует пользоваться всем комплексом источников. Такой метод характерен, например, для его исторического труда «Мустафад ал-ахбар...» Особенно показательна в этом отношении глава «О происхождении народности болгар»¹. Ш. Марджани прежде всего использует повествовательные источники — труды, в которых приводят сведения о булгарах такие авторитетные восточные историки и путешественники, как Ибн Фадлан, Ибн ал-Асир, ал-Масуди, Шамс ад-Дин ад-Димашки, ал-Истахри, Ибн Хаукаль, Абу Хамид ал-Гарнати, Абу Убейдулла ал-Бакри, Ибн Русте, Якут ал-Хамави².

Однако это не механическое соединение сведений и не перечень различных высказываний восточных авторов. По характеру повествования, по оформлению работы автор «Мустафад ал-ахбар...» идет по стопам своих предшественников — историков и географов Востока. Но по использованию источников, тематической направленности своей работы он далеко превосходит их. В этом отношении «Мустафад ал-ахбар...», несомненно, уже сочинение научного плана, а не только историко-географическое повествование, что было характерно для трудов предшественников Марджани. Историк перекрестно анализирует источники, пытается определить тот из них, на основании которого сообщается факт и зачастую проверяет данные, приводимые автором³. Так, например, Марджани вполне обоснованно опровергает ложные сведения, вкравшиеся в сочинение арабского историка конца XVI в. ал-Джаноби «Тухват ал-адиб ва хидайат ар-ариб», в котором освещаются события, связанные с присоединением Казанского ханства к Русскому государству⁴. В поисках истины он сопоставляет разные списки и издания источников. Чтобы опровергнуть ложные сведения о приезде в Булгар трех сподвижников пророка Мухаммеда с целью распространить ислам, он сличает каирское издание сочинения Ибн ал-Асира со списком, сделанным почти в те годы, когда жил сам Ибн ал-Асир⁵.

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 10—31.

² Там же, с. 10—12, 26.

³ Там же, с. 65.

⁴ Там же, с. 131.

⁵ Там же, с. 53.

Ученый очень осторожно и разборчиво пользовался известиями, сообщаемыми в источниках, подвергал их тщательному разбору и осмыслению. Например, приводя высказывания Ибн Фадлана о церемонии гостеприимства у болгар, Ш. Марджани комментирует их, говоря, что многие из описанных Ибн Фадланом привычек и обычаев, характер пищи, церемонии гостеприимства сохранились у нынешних татар, казахов и других тюркоязычных народов¹.

Характеризует он также самих авторов для выяснения достоверности сообщаемых ими фактов. Так, Марджани утверждает, что сведения, касающиеся болгар, у Ибн Фадлана полнее, чем у Якута-ал Хамави². Необходимо отметить, что знание Востока и его культуры позволило Ш. Марджани квалифицированно прокомментировать «Записки» Ибн Фадлана, выявить ошибки, вкравшиеся в текст по вине переписчиков.

Так, упоминая имя болгарского правителя, к которому прибыл Ахмед ибн Фадлан в качестве секретаря посольства от халифа Муктадира, многие дореволюционные ученые допускали неточности. А. Я. Гаркави, например, полагаясь на свидетельства Х. Д. Френа и О. И. Сенковского, называл болгарского правителя Алмасом ибн Шалки Балтаваром³. Более того, из труда А. Я. Гаркави явствует, что Х. Д. Френ связывал с именем «Балтавар» имя Владимир, а О. И. Сенковский — Шалки превратил в Василько⁴.

Н. И. Ашмарин предложил читать Балтавар как Биктуан, где первая часть «Бик» обозначает «князь», а вторая «туан» — рожденный. Приводя аналогии и манипулируя чувашскими родовыми именами, такими как Питукан, Сартуан, Хоратуан, Карадуань, Н. И. Ашмарин делает вывод, что имя Балтавар осталось от древнего болгарского языка⁵.

В конечном счете в 1925 г. Р. Р. Фасмер вынужден

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., Т. 1, с. 16.

² Там же, с. 59.

³ Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). Собрал, перевел и объяснил А. Я. Гаркави. СПб., 1870, с. 83.

⁴ Там же, с. 106.

⁵ Ашмарин Н. И. Болгары и чуваша.— ИОАИЭ, 1902, т. 18, вып. 1, 2 и 3, с. 63.

был констатировать, «...что все попытки к объяснению этого имени, сделанные до сих пор, неудачны»¹.

Ш. Марджани, считающий, что в основе болгарского языка в конечном счете лежит тюркский язык, решил эту задачу довольно просто и убедительно. Он пишет, что Балтавар (Б.Л.Т.В.Р.) следует читать как Белеквар. Это имя, продолжает он, состоит из двух тюркских слов «белек», то есть знание, ученость и «вар» или «бар» то есть «есть, имеется», что в совокупности обозначает ученого человека и применяется для его возвеличивания. Он пишет, что это слово является не именем правителя, а его титулом, наподобие титула «данешманд» у князей города Сивас, находящегося в Малой Азии. Примечательно, что академик А. Н. Кононов также полагает, что данное слово обозначает титул военачальника у тюркских племен². При передаче этого слова, по мнению Ш. Марджани, переписчиком допущена неточность из-за чрезмерной схожести букв мягкого «к» и эмфатического «т» в куфическом письме арабского языка, применявшемся в Багдаде и в других городах вплоть до изобретения Абу Али Мукла почерка «насах»³.

Марджани из всех источников отдавал предпочтение «Запискам» Ибн Фадлана, к которым возвращался неоднократно, причем не только в «Мустафад ал-ахбар...», но и в других своих произведениях. Например, в «Назурат ал-хак...» Ш. Марджани «Запискам» Ибн Фадлана отводит целый раздел, прибегает к сведениям, сообщенным в них, чтобы решить ряд вопросов, в том числе для выяснения географического положения Волжской Булгарии⁴.

Предпочтение Ш. Марджани этому источнику вполне оправданно, это характеризует его как зрелого историка-источниковеда. Примечательно, что советские

¹ Фасмер Р. Р. О монетах Волжских Булгар X века. ИОАИЭ, 1925, т. 33, вып. 1, с. 57.

² См. подробно: Фахрутдинов Р. Г. Об имени и титуле правителя Волжской Булгарии.— Советская тюркология, 1979, № 2, с. 65.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 11—12. Примечательно также, что аналогичный же смысл придавал слову «данишвар» Е. Э. Бертельс. Он переводил его как «мудрый, ученый». См.: Бертельс Е. Э. Абу-л-Касим Фирдоуси и его творчество. Л.—М., 1935, с. 35.

⁴ Марджани Ш. Назурат ал-хак..., с. 140—141.

ученые единодушны в оценке «Записок» Ибн Фадлана как исторического источника. По замечанию И. Ю. Крачковского, «богатство этнографических наблюдений, заключенных в «Записке», совершенно неопределимо и исключительно разнообразно»¹. А. Ю. Якубовский писал, что «Ибн Фадлан — самый надежный источник X века о Поволжье», что его «Записки» являются продуктом внимательного наблюдения над повседневной жизнью болгар»².

Ш. Марджани подробно описывает обстоятельства прибытия посольства из Багдада в столицу Волжских Булгар в мае 922 г., в составе которого находился Ибн Фадлан. Давая характеристику послу Сахсан ар-Расби и высказывая свое предположение о его кыпчакском происхождении, он пытается выяснить роль тюрков в тогдашнем Аббасидском халифате и заодно достоверность сведений, сообщенных Ибн Фадланом³. Известно, что халифская гвардия, захватившая фактическую власть в Аббасидском халифате, состояла главным образом из воинов тюркского происхождения⁴.

Для подкрепления своих доводов Ш. Марджани цитирует стихи таких известных персидских и арабских поэтов, как Абд ар-Рахман ал-Джами, ал-Бухтури и других⁵. Обнаруживая противоречия в высказываниях арабских путешественников и историков, он обращается к нумизматическим и довольно обширным этнографическим изысканиям⁶. Только после сопоставления разных сведений, анализа их содержания и установления их достоверности, на основе обширного лингвистического и этнографического материала, делает свои выводы⁷.

Кроме работ историков многих поколений, Ш. Марджани использовал предания своего народа, разного рода исторические легенды. Он считал, что пренебрегать ими не следует, ибо из них, какими бы анахронизмами и

¹ Крачковский И. Ю. Арабская географическая..., с. 184.

² Якубовский А. Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X веках.— СА, 1948, т. 10, с. 270.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 59.

⁴ Ханна ал-Фахури. История арабской литературы. М., 1961, т. 2, с. 25.

⁵ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 11—18.

⁶ Там же, с. 15.

⁷ Там же, с. 20.

несообразностями они не отличались, можно извлечь важные факты¹. Правда, он очень осторожно подходил к ним, пользовался ими лишь после критической оценки, когда убеждался в их достоверности.

Ш. Марджани стремился собирать и систематизировать все, что могло пролить свет на прошлое. Бережное отношение ученого к рукописям, редким монетам и другим предметам старины, оставшимся ему в наследство от отца, деда и прадеда, а также собранным им самим в результате кропотливых трудов, видно из его завещания, в котором он категорически запрещает их продажу, предупреждает близких, чтобы эти реликвии были использованы по назначению². В его библиотеке, кроме редких книг и письменного наследия, имелось большое количество археографического и нумизматического материала. Причем каждая единица, будь то старинная монета или кусок керамики, была пронумерована рукой владельца и занесена в тетрадь-каталог. В этой тетради была записана история приобретения каждой вещи.

После смерти Ш. Марджани все это имущество перешло к его сыну Бурганутдину, который часто болел, и по сути дела этим наследием распоряжалась его жена. Она, далекая от интересов мужа, никому не позволяла пользоваться библиотекой.

Лишь двум членам редакционного совета по изданию сборника «Марджани» во время кратковременного посещения библиотеки в 1915 г. удалось вынести кое-какие материалы. Среди них были снятый без головного убора портрет Марджани и проект по созданию медресе для татар с учебной программой, разработанной Х. Фаизхановым. Однако по требованию хозяев материалы незамедлительно были возвращены.

Достоверность этих сведений, по словам Р. Фахрутдинова, подтверждается членом редакционного совета сборника «Марджани» — Тагиром Ильяси³. После смерти Бурганутдина, последовавшей 4 марта 1916 г., вско-

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 118.

² Сб. «Марджани», с. 136.

Р. Фахрутдинов имеет в виду преподавателя медресе «Мухаммадия» Тахира Ахмеда Ильяси, автора арабско-татарского словаря «Муфид», издавшего его 1-й том в Казани в 1912 году.

ре все книги и бумаги сгорели на чердаке дома во время пожара¹.

Ш. Марджани придавал немалое значение различным генеалогическим сведениям — «шаджара», что справедливо было отмечено советскими исследователями². Среди татарских историков он был пионером в этой области. Через своих знакомых и близких он всячески стремился собирать и использовать родословные предания³.

При изучении истории народов очень важными Марджани считал предметы материальной культуры. О старинном горшке, который остался ему в наследство от деда, он говорил: «Некоторые лица за него не дадут и десяти копеек, а я не продам его и за десять тысяч рублей»⁴. Остатки материальной культуры, по его мнению, проливают свет на древнюю историю народов, уточняют повествовательные источники. Эпиграфические памятники и другие разновидности материальной культуры обладают, по мнению Ш. Марджани, весьма большой степенью достоверности, объективности и поэтому в процессе исторического познания играют порой более значительную роль по сравнению с некоторыми повествовательными источниками, являющимися опосредствованным отражением исторических событий.

В этой связи вполне оправданы его выводы, сделанные после посещения археологических памятников Волжской Булгарии, о том, что древние болгары вели оседлый образ жизни и обладали высокой культурой⁵.

Что касается историко-археологических материалов, использованных при работе над «Мустафад ал-ахбар...», то и среди них особое место занимают эпиграфические памятники — болгаро-татарские надмогильные камни.

Марджани одним из первых среди татар обратил внимание на важность изучения надписей на надмо-

¹ Архив УИИЯЛ БФАН СССР. Ф. 7, оп. 1, д. 14, с. 70—72; д. 12, л. 163. См. также: Вахиди С. А. Марджани китапханәсе..., с. 14—17.

² Усманов М. А. Татарские исторические источники..., с. 180; Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974, с. 34.

³ Сб. «Марджани», с. 436.

⁴ Там же, с. 183.

⁵ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 9.

гильных камнях при отсутствии других равноценных памятников булгаро-татарской письменности. Он неоднократно выезжал в деревни, посещал кладбища, чтобы расшифровать эти надписи.

С болью в сердце он пишет, что многие памятники были использованы для кладки фундаментов церквей¹. Подобные факты подтверждают и русские ученые, первыми описавшие древности города Булгар, которые утверждают, что многие надгробные памятники заложены окрестными жителями под фундаменты своих домов².

Ш. Марджани приводит в своем исследовании значительное количество текстов этих памятников, которые он сам перевел и прокомментировал. Например, на основании текста эпитафического памятника, найденного в Казани, он приходит к выводу, что это могила не рядового человека и не татарского хана, а болгарского эмира³.

Разумеется, Марджани не мог раскрыть характер булгаро-татарских надмогильных памятников как выражения идеологии феодального класса, надстроечного фактора, связанного с классовым расслоением общества и усилением роли мусульманского духовенства. Эти памятники использованы им в основном для выяснения ряда вопросов, связанных с этногенезом народов Поволжья и историей их расселения⁴. Например, Марджани считает, что значительная часть эпитафических памятников предшествует нашествию татаро-монголов и что они появились по случаю захоронения прежних правителей. На основании почерка и способа письма он высказывает предположение, что они болгарского происхождения⁵.

В ряде случаев Марджани сумел показать преемственную связь памятников периода Казанского ханства с болгарскими как в языковом, так и в типологическом отношениях. Разумеется, в настоящее время изучение

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 28.

² Кавелин А. Древние Болгары (Из бумаг Кафтаникова). — В кн.: Библиотека для чтения. Т. 82, отд. 3, СПб. 1847, с. 41—65.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 28.

⁴ Там же, т. 1, с. 15, 17, 28, 30, 35, 121—124, 131, 133; т. 2, с. 36 и т. д.

⁵ Там же, т. 1, с. 5.

булгаро-татарской эпитафики и археологических памятников Волжско-Камской Булгарии поднялось на качественно новую ступень. Появились труды советских исследователей: Н. Ф. Калинина, А. Х. Халикова, Г. В. Юсупова, Р. Г. Фахрутдинова, Ф. С. Хакимзянова. Однако для своего времени Марджани сделал в этой области немало. Он впервые дал принятое и в настоящее время прочтение довольно сложной и полустертой надписи на древнейшем письменном памятнике Казани — надгробии конца XIII в., обнаруженном у бывшей архиерейской дачи в окрестностях Казани. Это прочтение было отмечено В. В. Вельяминовым-Зерновым как «весьма обстоятельное и любопытное»¹.

И после Октябрьской революции ряд ученых обращались к эпитафическим изысканиям Ш. Марджани. Это позволяет с уверенностью сказать, что они выдержали испытание времени. Например, прочтение Ш. Марджани некоторых памятников использовано Гали Рахимом². Крупный советский специалист по древнетюркской письменности член-корреспондент АН СССР С. Е. Малов, комментировавший записи из сочинений Ш. Марджани, не раз предупреждал, что не следует забывать сведения Ш. Марджани о булгаро-татарских эпитафиях³.

Положительным в методе исследования Ш. Марджани также является то, что он понимал важность изучения актовых материалов — документов о купле и продаже, ханских ярлыков. Однако, привлекая эти материалы прежде всего как памятники деятельности феодальной и ханской администрации, он не использовал их для изучения феодальных отношений в Золотой Орде. Он также не сумел раскрыть объективной обус-

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование..., с. 548—558. Прочтение этой надписи и комментарии к ней были сделаны Ш. Марджани по просьбе В. В. Вельяминова-Зернова. См.: Фехретдинов Р. Хөсрэн эфэнде Фәезхан. — «Шура», 1916, № 16, с. 378.

² Рахим Г. Татарские эпитафические памятники XVI века. — В кн.: Тр. Общества изучения Татарстана. Казань, 1930, т. 1, с. 157.

³ Малов С. Е. Булгарские и татарские эпитафические памятники. Памятники по записям муллы Ш. Марджани. — В кн.: Эпитафика Востока. М.—Л., 1947, т. 1, с. 41—42; Его же. Рец. на: Катанов Н. Ф. Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920. — В кн.: Известия Сев.-вост. археол. и этногр. института в г. Казани. Т. 2, Казань, 1921, с. 129—133.

ловленности этих актов определенными социально-экономическими отношениями. Ученый со свойственной для буржуазной историографии ограниченностью совершенно не касается вопросов классовой борьбы, отраженной в источниках. Например, ценные документы о купле-продаже крестьян у служилых татар в XVIII в., тексты которых он приводит, носят лишь иллюстративный характер. Ш. Марджани не смог использовать их для анализа социального строя того времени¹. Что касается ханских ярлыков, то он ограничился лишь приведением их текстов, предварительно расшифровав с древнеуйгурского письма². Эти тексты, как справедливо отмечал М. А. Усманов, также носят сугубо иллюстративный характер³.

Разумеется, Ш. Марджани еще не дошел до понимания того, что во всяком историческом источнике, как в любом продукте целенаправленной деятельности человека, за материальной, вещественной формой проглядывает его общественное и вместе с тем идейное содержание, являющееся выражением и отражением объективных социальных отношений. «Каждый из этих источников,— пишет, например, Л. В. Черепнин,— возникнув в определенных условиях места и времени в обстановке классовой и политической борьбы, носит на себе отпечаток именно этих условий, проникнут классово направленною, политической целеустремленностью»⁴.

Указанные недостатки Ш. Марджани в методе исследования истории объясняются как общим уровнем исторической науки того времени, особенно восточной, под влиянием которой находился историк, так и его собственным мировоззрением, его взглядами на историю и ее движущие силы. Этим объясняются его противоречивые искания, его позитивистский реализм, который, признавая объективность исторических фактов, не раскрывает их сущности. Здесь же следует искать,

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 22.

² Там же, с. 110—117.

³ Усманов М. А. Официальные акты ханств Восточной Европы XIV—XVI вв. и их изучение.— В кн.: Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975, с. 128.

⁴ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.—Л., 1948, т. 1, с. 5.

на наш взгляд, причину встречающегося иногда у Марджани агностицизма¹.

Однако следует отметить, что между теоретическим пониманием исторического процесса, возможностью его познания и практически использованным Ш. Марджани методом в исследовании источников существует значительное противоречие. Ему, несмотря на общий идеалистический характер мировоззрения, удалось выработать ценную методику изучения источников. Как мы уже видели в случае с ханскими ярлыками и с другими актовыми материалами, он интуитивно чувствовал важность изучения многих источников, привлекал их, но не сумел на основании этих источников сделать необходимые выводы.

Представляется совершенно справедливым вывод С. О. Шмидта: «Основная линия раздела между историками в зависимости от их классовых установок и степени овладения диалектическим мышлением становится отчетливо заметной тогда, когда источники отбираются и интерпретируются, используются для существенных исторических выводов»².

Значительной заслугой Ш. Марджани является установление по нумизматическим данным имен ханов, неизвестных по письменным источникам, уточнение хронологии престолонаследия отдельных династий и выяснение других сведений.

Хорошо понимая малочисленность письменных памятников, дошедших до нас от самих болгар³, ученый придает нумизматике большое значение. Он был хоро-

¹ Например, не сумев раскрыть причину некоторых явлений, он писал порою: «Правду знает лишь один аллах!» См.: Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 35, 51, 68.

² Шмидт С. О. !Современные проблемы источниковедения.— В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 55.

³ В то же время ссылаясь на Абу Хамида ал-Гарнати, приезжавшего в Волжскую Булгарию в 1135 г., Ш. Марджани писал, что такие памятники были: См.: Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 78. См. также: Большаков О. Г., Монгайт А. Л. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную Европу (1131—1153 гг.). М., 1971, с. 100; Хэлид Энэс. Абу Хамид ал-Гарнатиныц Болгарга саяхэте. Саяхэтче һәм аның эсэрлэре. (Халид Анас. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Булгарию. Путешественник и его произведения).—«Казан' ултары», 1976, № 6, с. 148—158.

шим знатоком восточной нумизматики. Начиная с появления первых монет у греков и финикийцев, Ш. Марджани прослеживает становление и развитие денежно-весовых систем мусульманских стран, приводит интересные монетные легенды¹. Он даже изобрел способ, с помощью которого снимал копии со старинных редких монет, приобрести которые ему было не под силу².

Показания монет для него являлись авторитетом, благодаря им он проверял данные повествовательных источников, устанавливал имена болгарских государей и время их правления³.

Нумизматические исследования историка привлекли внимание и русских ученых. С. М. Шпилевский, анализируя хронологические списки болгарских царей, составленные К. Ф. Фуксом, Х. Д. Френом, Ш. Марджани, отдает предпочтение последнему, указывая, что «после татарского нашествия рукопись Фука указывает только на одного Абдуллу, у Шихабутдина же представлен целый ряд болгарских царей»⁴. Далее С. М. Шпилевский, полагаясь на Х. Д. Френа, продолжает, что «показания монет являются несомненным авторитетом... народ, который создавал преимущества металлических денег в торговом обороте и пользовался не только иностранною монетою, но и чеканил свою собственную, стоит уже не на низкой ступени культуры; собственные монеты болгар представляют преимущество этого народа перед всеми другими современными соседними народами, из которых одни никогда не имели собственной монеты, а другие стали ее делать позднее, таковы Хазары, Буртасы, Печенеги, Команы и прочие»⁵.

На основании монет Ш. Марджани устанавливает последовательность событий, опровергает сомнительные известия, распространенные в народе. Например, по его мнению, наличие большого количества монет, отчеканенных в 1426 г. в городе Булгаре, опровергает слухи, будто бы он до основания был разрушен Тимуром, а население изгнано⁶.

¹ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 368—374.

² Сб. «Марджани», с. 342.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 90, 91, 98, 100, 101, 105, 106, 111, 112.

⁴ Шпилевский С. М. Древние города..., с. 40.

⁵ Там же, с. 44.

⁶ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 91.

Ш. Марджани не мог, конечно, использовать данные нумизматики для выяснения торгово-экономических отношений, он использовал их для изучения политической истории.

Таким образом, археологические и нумизматические материалы в исследовании Ш. Марджани служат серьезным дополнением к письменным источникам.

Без трудоемких исследований русских ориенталистов XIX в., к которым примкнул и Ш. Марджани, трудно было бы представить себе дальнейшее развитие болгаро-татарской нумизматики. Отрадно отметить, что свою лепту в это первым из местных историков внес Ш. Марджани, явившись продолжателем дела Х. Д. Френа среди татар.

Ш. Марджани был хорошим знатоком жизни татарского народа. Он знал народные обряды, обычаи, всевозможные предания и легенды и широко использовал их в своих исторических исследованиях. Данные языка, этнографии, фольклора, сведения о быте представляли для него интерес и служили для подтверждения его доводов¹.

Большим подспорьем для Марджани при исследовании истории являлись также литературные памятники. Путем филологической критики их текстов он ставил и решал важные вопросы источниковедения. Показателем в этом отношении анализ им литературного памятника XIV в. «Нахдж ал-Фарадис». Хотя поднятые Ш. Марджани во время этого анализа источниковедческие вопросы подчас не получали глубокого решения, положительным является уже то, что он их ставил и не без успеха решал.

Следует подчеркнуть, что Ш. Марджани первым обнаружил этот памятник и привел отдельные отрывки из его текста². Поэтому начало изучения этого памятника академик А. Н. Самойлович связывал с именем Марджани³. Здесь уместно отметить, что труд Марджани в этой области служил отправной точкой иссле-

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 10—16, 20—24, 104, 107, 119, 120, 132, 145.

² Там же, с. 13—14.

³ Самойлович А. Предисловие.— В кн.: Якуб Кемаль. Тюркско-татарская рукопись XIV века «Нехджу-аль-Фарадис». Симферополь, 1930, с. 4.

дований на различные темы не только для историков, но и для литераторов вплоть до 70-х годов нашего столетия¹.

В методике исследования источников Ш. Марджани имеются свои слабые стороны: он анализирует в основном содержание источника, оставляя без внимания вопрос о времени его написания, научный аппарат у него также старый, традиционный.

Как известно, лишь в XX в. устная передача рассказов уступила место точным ссылкам с указанием страниц. Например, Ш. Марджани неоднократно ссылается на Абу Али Ахмеда Ибн Омара Ибн Русте, писавшего примерно в 903 г.² Однако, ограничиваясь лишь автором, он не называет название источника. Возникает, естественно, множество вопросов. Взял ли Ш. Марджани эти материалы непосредственно из «ал-А'лак ан-Нафиса» («Дорогие ценности»), что маловероятно из-за редкости этого источника, или же они попали ему опосредствованно. Например, из русских публикаций? Тем более, что Ш. Марджани, как и Д. А. Хвольсон, употребляет неверную форму имени — Ибн Даста³.

Так же обстоит дело и с некоторыми другими источниками. Например, неопределенные ссылки на ал-Бакри (умер в 1094 г.) и на ал-Масуди (умер в 956 г.), или же непосредственно на их сочинения без указания авторов у Марджани не редкость. Ссылки на этих авторов встречаются даже в отдельных рукописных листах, принадлежащих оригиналам или же первоначальным вариантам сочинений Ш. Марджани⁴. Однако, к сожалению, установление источника, которым пользовался Ш. Марджани, затрудняется рядом обстоятельств. Во-первых, многие сведения, которые имеются в произведении ал-Бакри «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путешествий и государств»), можно извлечь из сочинений позднейших авторов, например, Якута-ал-

¹ Борнгы татар әдәбияты (Древняя татарская литература). Казан, 1963, с. 218.

² Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 35, 49.

³ «Известия о Хозарах, Бургасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Даста», неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского Музея. В первый раз издал, перевел и объяснил Хвольсон Д. А. СПб, 1869.

⁴ Архив ИЯЛИ КФАН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 10, д. 12.

Хамави и других. Во-вторых, поскольку Марджани дает нередко только название сочинения, то читателю приходится безуспешно гадать, чей же это труд. К примеру, сочинения с названием «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» написаны десятками восточных авторов¹.

В этом проявилась характерная для Ш. Марджани манера оставлять данные о лаборатории своего исследования за его рамками. Но это вовсе не означает, что ссылки отсутствовали вообще. Так, в одном из своих сборников, описав историю византийских царей, Марджани в конце приводит следующую фразу: «Все это слышал от одного рума, попавшего в плен во время одной из войн с Турцией. Он читал по-румски, его сын мне переводил, а я записывал»².

Несколько обескураживает современного читателя некоторая пестрота структуры «Мустафад ал-ахбар...». Это произведение, как можно судить по названию, не просто исследование, а свод, своеобразная хрестоматия, нередко с тонкими, к месту сделанными комментариями. На эту его особенность обращали внимание и прежние исследователи³.

Подход Ш. Марджани к источникам не однозначен. Среди авторов он некоторым явно отдает предпочтение, считая их наиболее объективными, и при написании своих произведений больше всего полагается на их свидетельства. Это прежде всего, как уже было отмечено, Ибн Фадлан.

Что же касается ал-Масуди, писавшего примерно через двадцать два года после Ибн Фадлана и, вероятно, имевшего личную встречу с ним⁴, то Марджани считает его главой историков, крупным ученым Багдада, происходившим от одного из сподвижников пророка Мухаммеда⁵. Это говорит о том, что на отбор источников влияли, по-видимому, и субъективные факторы.

¹ Крачковский И. Ю. Арабская географическая..., с. 885.

² Сб. «Марджани», с. 339. Под термином «рум» Ш. Марджани понимает византийцев.

³ Ибрагимов Г. Бөек остазымызның кайбер..., с. 16; Усманов М. А. Источники книги Ш. Марджани..., с. 145.

⁴ Б. Н. Заходер, например, отметивший параллелизм в повествовании Ибн Фадлана и ал-Масуди, не исключал возможности личной встречи. См.: Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о восточной Европе. М., 1962, с. 56—57.

⁵ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 63.

Особое значение придавал Марджани сочинению Абу-л-Гази хана «Шаджараи тюрки» (Родословное древо тюрков). Он не расставался с ним даже во время путешествия по странам Ближнего Востока, очевидно, для того, чтобы сравнивать имеющиеся в нем сообщения с арабскими источниками на месте¹.

Часто пользуется Марджани сочинениями ал-Гарнати, ал-Истахри. Дифференцированный подход историка к источникам вполне оправдан. В ряде случаев мы подчеркивали положительную оценку этих источников крупными русскими учеными.

Разумеется, для изучения ранних периодов истории Волжской Булгарии и Казанского ханства сочинения арабских историков имеют первостепенную важность. Однако при написании поздних периодов истории Булгарского государства и истории Казанского ханства арабские источники оказались менее ценными. Как пишет сам Ш. Марджани, «хотя в этих странах в то время ученые и продолжали составлять исторические труды, но из-за постоянных войн связи этих стран с Казанским ханством были затруднены и поэтому в этих трудах ничего не упоминается о Казанском ханстве»².

Вероятно, поэтому ханы Золотой Орды Берке и Узбек выходят из-под пера Ш. Марджани слишком положительными. Случилось это потому, что исследователь излишне доверял таким источникам, как сочинение Ибн Батуты «Тухфат ан-низар фи гараиб ал-амсар ва аджаиб ал-асфар» (Подарок о диковинках городов и чудесах путешествий), на которое он ссылается³. Известно, что историк М. Г. Сафаргалеев справедливо назвал известия Ибн Батуты «панегириком хану Узбеку»⁴. К тому же стремление к обоснованию собственной точки зрения временами притупляло историческое чутье Марджани и заставляло его интерпретировать тот или иной факт в угоду своей концепции. Например, в «Мукаддима...» он со слов некоего Гияса ибн Хабиба приводит сведения о том, что в Булгарии якобы наука и ее представители испокон веков преследовались и что уче-

¹ Фэхретдинов Р. Рихлет ал-Марджани..., с. 3.

² Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 118.

³ Там же, с. 102.

⁴ Сафаргалеев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, с. 13.

ный Хасан Ибн Омар ал-Булгари, незаслуженно обвиненный в ереси, был приговорен к сбрасыванию с минарета мечети и что тот спасся лишь бегством в Мавераннахр, где и умер в 1300 г.¹

На наш взгляд, дело не в том, что в Булгарии иконы были против науки и ее деятелей. Тем более, что сам Марджани убедительно доказывает высокий уровень культуры в этом государстве. Дело заключается, очевидно, в сложности социально-политической обстановки в Волжской Булгарии, когда она находилась в составе Золотой Орды, где мы видим «...военный деспотизм и полную неорганизованность верхов общества, представители которых дробились на столько партий, сколько было желающих разыгрывать роль Чингиза или по крайней мере Чингизика»². Много зависело, вероятно, от того, кто сидел на престоле: хан, принявший ислам, или же хан-язычник³. Деятели науки и культуры были вынуждены приспосабливаться к ним. И нередко подвергались жестокому гонению за язычество или же наоборот за то, что придерживались ортодоксальных догм ислама.

Как видим, некритическое отношение к ряду источников, следование за ними приводило к тому, что Марджани порой противоречил самому себе и в итоге отождествлял науку и религию.

В ряде случаев Марджани становится на позиции позитивизма, преувеличивая роль культурных влияний, религии. Например, по его мнению, тесная связь тюрко-булгар с Арабским халифатом и с развитыми странами Средней Азии, а также усилия просвещенных арабских пропагандистов способствовали принятию ислама ими раньше других соседних племен⁴. На самом же деле основная причина успешного распространения ислама заключалась в том, что эта религия соответствовала общественным отношениям, складывавшимся в процес-

¹ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 357.

² Фирсов Н. Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. 2-е изд. Казань, 1921, вып. 1 и 2, с. 58.

³ Как отмечает Г. А. Федоров-Давыдов, процесс перехода феодальной знати Золотой Орды к мусульманству в XIV в. несомненно усиливается. См.: Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй..., с. 103.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 20.

се перехода Булгарии от первобытнообщинного строя к феодальному.

Правда, у Марджани такие заблуждения встречаются довольно редко. Как правило, он не склонен делать поспешных выводов. В большинстве случаев он оставляет вопрос открытым, следуя известной поговорке: «Правду знает лишь аллах». Например, не имея точных данных из повествовательных источников о разрушении Тимуром города Булгар, он строит много различных предположений, но избегает окончательных выводов¹.

Все вышеуказанные недостатки свидетельствуют о том, что Марджани иногда допускал некритическое отношение к некоторым источникам из-за излишнего доверия к ним, в результате чего отдельные положения, изложенные в «Мустафад ал-ахбар...», получили одностороннее освещение. Это объясняется в значительной степени и общим состоянием исторической науки того времени.

Одним из недостатков метода Ш. Марджани является нечеткость и неточность хронологии, что справедливо было отмечено Р. Фахрутдиновым, Е. А. Маловым и Н. Ф. Катановым².

Однако это объясняется не одной лишь субъективной причиной, не тем, что «мусульманские историки никак не могут правильно перевести ни своих дат на христианские, ни христианских на свои, ибо не знакомы с такими трудами, как таблицы Лакуана, Вюстенфельда, Сен-Алле»³, а общим состоянием восточной хронологии в целом.

Ряд хронологических и орфографических ошибок вкрался по вине издателей и корректоров при издании трудов Ш. Марджани. Например, в первом томе «Мустафад ал-ахбар...» автор сообщает, что написал стихи на минарете булгарской мечети в 1860 г., а во втором томе этот факт относится уже к 1870 г.⁴

Расхождения в датах и другие неточности, которые встречаются в трудах Марджани, объясняются прежде

всего тем, что автор иногда пользовался противоречивыми источниками. Кроме того, ему, как он сам признает, многое приходилось писать по памяти, ибо при составлении трудов у него под рукой не было источников, которыми он пользовался в рукописных библиотеках Средней Азии¹.

Перечисленные недостатки не являются существенными. Они обусловлены как общим уровнем исторической науки того времени в целом, так и неразработанностью вспомогательных исторических дисциплин.

Таким образом, на основе всего вышеизложенного можно смело утверждать, что Ш. Марджани принадлежит значительная заслуга в разработке метода исследования истории, который был основан на использовании разнообразных исторических источников и критического отношения к ним. Методика исследования истории Марджани тесно связана с его мировоззрением, его общеполитическими взглядами.

Источниковедческая сторона творчества Марджани составляет весьма значительную часть его научного наследия. Изучив и проанализировав основные источники, Марджани действительно становится одним из лучших (если не самым лучшим) знатоков по источникам, описывающим историю народов Поволжья и прилегающих к нему регионов. В этом смысле велико значение его сочинения «Мустафад ал-ахбар...», хотя в нем и не содержатся теоретические обобщения относительно принципов работы над источниками.

Несмотря на общий идеалистический характер своего мировоззрения, Ш. Марджани удалось выработать ценные приемы изучения источников. Для него характерен в целом широкий охват исследуемых источников, разнообразные приемы их изучения.

Главными недостатками его метода работы над источниками является идеалистический эклектизм, непонимание их классового характера, целей их составления, происхождения.

В целом методы исследования истории и источниковедческие приемы в творчестве Ш. Марджани составляют важный этап в становлении исторической науки у татар.

¹ Сб.: «Марджани», с. 339.

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 92.

² Архив УИИЯЛ БФАН СССР, ф. 7, оп. 1, д. 12, л. 167. См. также: Малов Е. А. Книга..., с. 40, Катанов Н. Ф. Краткий обзор..., с. 501.

³ Катанов Н. Ф. Краткий обзор..., с. 501.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 9; т. 2, с. 50.

Глава III

ВЗГЛЯДЫ Ш. МАРДЖАНИ НА ЖИЗНЬ И РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

1. Проблема социального прогресса

Взгляды Ш. Марджани на исторический процесс вообще, и на проблему социального прогресса в частности, целесообразно рассматривать в тесной связи с идейными истоками ученого. В истории духовной культуры тюркоязычных народов Поволжья наряду с религиозными и мистическими тенденциями еще в прошлом веке существовали противостоящие им идеи рационализма, свободомыслия и материализма, уходящие своими корнями в средние века и связанные с наследием таких корифеев научно-философской мысли, как ал-Фараби, Ибн Сина, Ибн Рошд, Ибн Халдун и других. Эти идеи в той или иной мере были представлены в творчестве предшественников Марджани — Габдрахима Утыз-Имяни и Курсави.

Однако отражение некоторых идей средневековых мыслителей и идей предшественников в произведениях Марджани не означает простого их заимствования. Оставаясь верным своим принципам исследования истории, он и к наследию своих предшественников подходит творчески.

Ш. Марджани, например, как бы оттолкнулся от Ибн Халдуна, взяв традиционную форму средневекового сочинения своего предшественника, но, если говорить образно, он в старые меха налил новое вино. Поэтому мы рассмотрим проблему социального прогресса в понимании Марджани в сопоставлении со взглядами Ибн Халдуна, но ни в коей мере не упуская при этом из вида разницу эпох, в которых они жили и творили.

В период, когда расцвело творчество Марджани, в общественной жизни отчетливо определялись новые тенденции: феодально-крепостнические устои теряли свои позиции, расширялись и углублялись капиталистические отношения. Все это сопровождалось ломкой старых, патриархальных форм жизни, переоценкой идеалов, поисками новых, соответствующих эпохе жизненных установок.

Марджани подобно Ибн Халдуну рассматривал историю как результат человеческих деяний, подчеркивал поступательный характер происходящих в ней изменений, делал попытки распространить принцип детерминизма на общественное развитие. Но вместе с тем в отличие от Ибн Халдуна самым главным стержнем мировоззренческих трудов Марджани является идея пробуждения личности, идея гуманизма.

Идея гуманизма как определенная система взглядов сформировалась в эпоху Возрождения и дальнейший расцвет получила у западноевропейских просветителей. Его проповедники признавали высокое достоинство человеческой личности и ее созидательные способности. Выдающиеся французские просветители Гельвеций, Дидро, Гольбах противопоставили средневековой схоластике мировоззрение, проникнутое идеей о человеке, а Руссо и Вольтер провозгласили необходимость установления справедливости и разума путем распространения просвещения и обучения.

Основной чертой домарксистского гуманизма была борьба против социально-политических ограничений человеческой свободы. Независимо от формы, в которой выражалась эта борьба, она являлась движущей силой социального прогресса. Мы не располагаем точными данными, говорящими о том, что эти идеи были знакомы Ш. Марджани. Но, если принять во внимание интерес, проявленный в Каире еще в первой половине XIX в. к французским просветителям вообще, и Вольтеру в частности, и перевод его произведений на арабский язык, а также связь этих переводов с именем профессора Санкт-Петербургского университета шейха Мухаммеда Аяда ат-Тантави¹, который сотрудничал с

¹ Крачковский И. Ю. Арабский перевод «Истории Петра Великого» и «Истории Карла XII, короля Швеции» Вольтера. Избр. соч., М.—Л., 1956, т. 3, с. 369.

Марджани¹, и учесть «...что круг интересов русских мусульман был очень близок к интересам каирских»², то такая вероятность далеко не исключена. Во всяком случае, несомненно одно: Марджани отчетливо сознавал, что одним из тормозов социального прогресса и причиной отсталости татарского народа является то, что господствующая идеология старалась привить личности пассивность и безразличие.

III. Марджани отстаивал принципы, утверждающие, что время активного мышления не прошло, что мысли человека и его идеи должны быть свободными, что оценивать явления следует разумом³. Это показывает, что в отношении к человеку Марджани в корне отмежевался от господствовавших на Востоке религиозно-мистических учений о беспомощности и приниженности человека перед окружающей его действительностью. Выдвинутые им идеи о ценности человеческой личности, необходимости его творческой активности расшатывали суфистско-аскетический идеал, зиждущийся на традиционной мусульманской концепции предопределения (такдир), пробуждали интерес к земной жизни и объективно вели к освобождению личности из-под церковного влияния.

Обычно ценность человека определялась в зависимости от древности и знатности рода, понятие о его достоинстве также отождествлялось исключительно с происхождением. Марджани же в противовес этим привычным представлениям предлагал ценить людей по заслугам, по личным качествам, по той общественной пользе, которую они приносят. Он сурово осуждает порочную практику назначения на должность человека имущего и знатного, но не компетентного. Более того, считает подобные факты граничащими с преступлением⁴. Он с огорчением пишет о том, что лица, окончившие медресе, в лучшем случае могут рассчитывать на далеко не обеспечивающее материальный достаток ме-

¹ Каталог арабских рукописей..., с. 141.

² Крачковский И. Ю. Шейх Тантави, профессор С.-Петербургского университета (1810—1861). Избр. соч., М.—Л., 1958, т. 5, с. 231.

³ Марджани Ш. Назурат ал-хак..., с. 30; его же. Мукаддима..., с. 342.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 2, с. 312.

сто приходского муллы или учителя¹. Критикуя негармоничный характер социальных отношений, он продолжает: «Однако и эти должности в наше время распределяются не по степени учености или по достоинствам человека, а по наследству»².

Но, высказывая такие мысли, историк не призывал к свержению того строя, который стоял на страже этих социальных отношений, в чем сказывалась классовая ограниченность его взглядов. И все же как ни ограничена была его критика, она предполагала свободный и широкий взгляд на личность, основанный на требованиях соответствия личных достоинств человека его положению в обществе.

По мнению Марджани, регулирование экономической деятельности в целом должно взять на себя государство, руководствуясь при этом интересами общественного блага и этическими принципами в отношениях с членами общества. Он считает, что люди, стоящие у власти, должны ставить интересы общества выше своих, личных. Например, он сурово осуждает лавочников Сенного базара в Казани, которые, не брезгуя ничем, за счет средств, отводимых духовенству и просветительским целям, приумножали свои богатства³.

Несмотря на ограниченный классовый характер понимания III. Марджани ценности человеческой личности с позиции «общего блага», оно противоречило религиозным представлениям, так как объективно высшим критерием морали объявлялись интересы общества, государства. К тому же стремление отстоять принцип пользы и основывающуюся на нем идею самоусовершенствования личности ради общества противоречило стремлению к самоусовершенствованию во имя бога, из боязни перед ним. Следовательно, самоусовершенствоваться следует не в личных интересах и не в интересах бога, а для пользы общества. И хотя бог как творец не отвергается III. Марджани, однако постулки и жизнь человека ставятся им в зависимость от самого человека и от окружающей его действительности, что в конечном счете способствует активному отношению личности к своей судьбе.

¹ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 344.

² Там же.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 2, с. 335—339.

В противовес господствующему религиозно-церковному тезису о том, что главным для человека является вера в учение о боге, историк выдвигает разум и просвещение. В основу общественного прогресса, который он сводил прежде всего к духовному развитию народов, развитию наук, искусства, культуры и т. д., ученый положил просвещение и обучение. Социальный прогресс, по мнению Марджани, достигается также избавлением от оков религиозного фанатизма, давящих на все переломное и прогрессивное.

На опыте почти тысячелетнего периода культурного первенства Передней Азии, на многочисленных примерах он показывает причины расцвета и угасания, взлета и падения цивилизации Арабского халифата.

Небывалый расцвет этого государства, повышение культуры и благосостояния народа были достигнуты развитием науки и ремесел, а спад науки и просвещения предопределил застой и регресс¹. Причем, как и Ибн Халдун, Марджани считает, что общественный прогресс не всегда носит прямолинейный поступательный характер, что после прогресса может наступить регресс, так как все подвержено изменению².

В силу идеалистического мировоззрения и ограниченности своих классовых позиций Ш. Марджани не сумел, конечно, обосновать необходимость изменений в социально-экономическом и общественно-политическом строе общества.

Применяя диалектическую идею развития к освещению исторического прогресса, он не был последовательным. В отличие от Ибн Халдуна в основу своих взглядов на ход исторического процесса он клал прежде всего не эволюцию форм хозяйства, а политическое и культурное развитие государства, что, разумеется, было шагом назад.

Как и Ибн Халдун, в качестве одного из факторов, способствующих расцвету науки и просвещения, и следовательно, развитию общества, Ш. Марджани выдвигает общение между народами и географическую среду. По его мнению, существование некоторых народов в

труднодоступной местности — среди гор и лесов — затруднило их взаимное общение и привело к общей отсталости, особенно в области духовной жизни¹.

Исследователь татарской просветительской мысли Я. Г. Абдуллин верно отметил, что «подчеркивание просветителями значения науки и просвещения в нормальном функционировании и развитии общества, безусловно, содержало в себе рациональное зерно» и что «для конкретных условий татар в XIX в. внимание к природно-географическим условиям как объективной основе общественной жизни имело важное значение, так как оно подрывало позиции идеализма и явилось предпосылкой распространения материалистического взгляда на историю»².

В то же время Марджани, как и многие другие представители домарксистской историографии, несколько преувеличивал в развитии общества роль науки, просвещения и географической среды, не придавая должного значения решающей роли материального производства. Двигателем социального прогресса он считал знание. Рост и развитие городов, цивилизации должны были, по его мнению, находиться в зависимости от распространения знаний, от высоты культуры и вообще от уровня умственного развития. Причем, стремясь доказать решающее значение воздействия знаний на многие области жизни, он нередко впадает в противоречие со своими же утверждениями о роли экономических и политических факторов.

Многие взгляды Ш. Марджани как на общество, так и на государство в целом аналогичны взглядам Ибн Халдуна. Например, общество и государство по теории последнего создаются и поддерживаются только развитием чувства солидарности среди членов общественных групп³. Ш. Марджани считает, что существование человека и добывание необходимых для жизни и для его самосохранения благ возможно лишь в обществе и при наличии между людьми чувства солидарности и взаимной помощи. «Это обстоятельство,— пишет он,—

¹ Марджани Ш. Мукаддима..., т. 1, с. 21.

² Абдуллин Я. Г. Татарская просветительская мысль, с. 178, 179.

³ Ибн Халдун. Мукаддима, с. 34.

¹ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 338—339.

² Там же, с. 342; см. также: Ибн Халдун. Мукаддима, с. 310.

служит побудительным мотивом к объединению людей в коллективы и оказанию помощи друг другу»¹.

Следование Ш. Марджани Ибн Халдуну заметно и по другим вопросам. Известно, что для обоснования необходимости светских наук Ибн Халдун, как впоследствии и европейские мыслители, старается провести разграничение между религией и той частью содержания священных книг, которая не имеет отношения к религиозным и нравственным вопросам. Миссия Мухаммеда заключалась, по мнению Ибн Халдуна, в том, чтобы научить людей вере, во всем остальном его понятия и взгляды не стояли выше культурного уровня людей его эпохи и не имеют никакой обязательной силы².

Ш. Марджани также провозглашает независимость науки и философии от догм шариата. Он, например, подчеркивает, что «миссия пророков и назначение откровения заключаются не в открытии законов природы и общества, а в разъяснении законов шариата»³. Более того, для подкрепления своего довода он, ссылаясь на Ибн Халдуна, пишет: «Как говорит Ибн Халдун, медицина не имеет отношения к откровению и, следовательно, способы лечения, изложенные в книгах преданий, не являются обязательными. Эти способы могут быть применимы с психологической точки зрения. А с точки зрения медицины, которая зиждется на законах природы, они бесполезны, так как пророки посланы, чтобы учить законам шариата, а не для обучения науке и ремеслу»⁴.

Здесь, как было отмечено Я. Г. Абдуллиным⁵, прослеживается влияние на Марджани теории двойственной истины, которая служит ему отправной точкой для ограничения области веры, чтобы дать место научному знанию. К тому же, по мнению Марджани, развитие науки подчинено земным интересам. А это уже, на наш взгляд, прямо противоречит богословской установке о бренности земной жизни и о вечном блаженстве на небесах.

¹ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 349.

² Ибн Халдун. Мукаддима, с. 77—80.

³ Марджани Ш. Хак ал-ма'рифат ва хасан ал-идрак (Истина (познания и красота постижения). Казань, 1880, с. 27.

⁴ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 324.

⁵ Абдуллин Я. Г. Татарская просветительская мысль, с. 98—99.

В классификации наук Ш. Марджани тоже подвержен влиянию Ибн Халдуна. Как и последний, он делит науки на две большие группы: традиционные (ал-улум ан-наклия), куда относит, например, историю, географию и т. п., и умопостижимые (ал-улум ал-аклия), куда включает алгебру, геометрию, астрономию и другие точные науки.

Важным моментом в творчестве Ш. Марджани является то, что он, как и Ибн Халдун, понимал роль экономических факторов и общественного разделения труда в жизни общества. По его мнению, из-за умаления значения экономических факторов и общественного разделения труда, низкого уровня развития науки хозяйственное и социально-политическое развитие Казанского края шло чрезвычайно медленно. Касаясь причин отсталости татарского народа, он пишет: «Причина его отчужденности от науки заключается в слабой материальной обеспеченности и отсутствии образованных людей из татар, а также в их низком общественном положении, унижительной зависимости от кучки невежественных меценатов в лице богатых купцов. У нас нет стимула к приобретению знаний. Из-за отсутствия общественных должностей, закончив учебу, человек не может обеспечить себя материально»¹.

Внимание, которое уделил историк экономическим факторам и общественному разделению труда, несомненно, является прогрессивным моментом в его историческом наследии, что отмечается и другими исследователями². Хотя Марджани не поднимался до материалистического осмысления истории, его взгляды, аналогичные взглядам Ибн Халдуна на некоторые общие вопросы истории, содержали элементы стихийного материализма и были передовыми для своего времени.

К тому же в творчестве Марджани получили отражение новые положения и идеи, характерные историографии эпохи «просвещения» XVIII в., вызванные успехами естественно-математических наук, в частности исследованиями Коперника, Галилея, Ньютона, а также великими географическими открытиями. «Достаточно сказать, что именно в эту эпоху возникает теория

¹ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 344.

² Абдуллин Я. Г. Татарская просветительская мысль, с. 130.

прогресса, рассматривающая все историческое развитие как прохождение человеческим обществом определенных ступеней; зарождается история культуры, противопоставляемая чисто политической истории; обосновывается мысль о влиянии на человека географической и общественной среды; пробуждается научный интерес к истории внеевропейских народов и делаются первые шаги в применении сравнительно-исторического метода; систематическая научная критика распространяется уже не только на средневековую, но и на всю античную традицию; делаются первые попытки рассматривать нацию, как некую историческую индивидуальность»¹.

Вышеперечисленные советскими учеными положения и идеи, характерные для историографии эпохи «просвещения», получили в той или иной мере отражение в трудах Ш. Марджани «Мукаддима...», «Мустафад ал-ахбар...» и «Вафийат ал-аслаф...».

В них также поднимались те животрепещущие проблемы, непонимание которых, а отсюда безразличие к ним, по мнению Ш. Марджани, являются одним из тормозов социального прогресса. Такими актуальными вопросами в то время были прежде всего объяснение явлений природы с материалистических позиций, вопросы искусства и защита его от нападков реакционно-духовенства.

Марджани трезво пытался объяснить строение вселенной, пропагандировал гелиоцентрическую систему², описывал историю возникновения первых обсерваторий на Востоке³ и деятельность среднеазиатских и переднеазиатских ученых в этой области⁴. Восприятие и интерпретация им идей гелиоцентризма не являлись лишь механическим заимствованием. Эти идеи были созвучны собственной философско-мировоззренческой настроенности ученого. Осмысление их ученым проходило на фоне становления материалистической традиции в отечественной философии и отражало объективные потребности социально-экономического развития России вооб-

¹ Вайнштейн О. Л. Историография средних веков. М.—Л., 1940, с. 106—107.

² Марджани Ш. Мукаддима..., с. 311.

³ Там же, с. 314.

⁴ Там же, с. 315—316.

ще, и Казанского края в частности. В этой связи примечательно, что Марджани устами автора трактата о шарообразности земли Саида ибн Ибрагима ал-Казани ал-Барыши ал Кышкари заявлял, что приписываемое пророку так называемое предание о том, что будто бы земля покоится на роге быка, бык на спине кита,— не предание, а омерзительная стряпня¹.

Ш. Марджани в своих трудах дает некрологи ряда ученых-астрономов из Северной Африки — сторонников гелиоцентрической теории². Историк отмечает заслуги в этой области математика и астронома из Казанского края Хамзы ибн Мухаммеда ал-Казани ал-Биразави, известного как Хамза-звездочет (умер в 1826 г.), который являлся автором звездных каталогов, календарей, собственноручно отливал из бронзы астролябии и глобусы³.

Разумеется, мы далеки от мысли утверждать, что Ш. Марджани пришел к гелиоцентрической теории независимо от Н. Коперника. Здесь важно другое — то, что в 80-х годах прошлого столетия ученый не только поднялся до понимания этой теории, но и нашел в себе мужество пропагандировать ее в своих произведениях в условиях мрачного колониального и национального гнета царизма, несмотря на проклятия фарисеев-мулл и ишанов, предавших его анафеме.

Например, опровергая всякие суеверия, распространенные в народе, Ш. Марджани писал: «Причины солнечного и лунного затмений доказываются аргументами. Если изучить и постичь эти аргументы математическим путем, то не остается никакого места для сомнения»⁴.

Интересная деталь: на первой странице его книги «Назурат ал-хак...» после заглавия следует также пояснение: «Назурат — это наблюдательный инструмент, при помощи которого следят за небесными телами и изучают скрытые процессы, не видимые простым глазом из-за их чрезвычайной отдаленности». Весьма сильное для тех времен и довольно символическое предисловие.

¹ Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф..., т. 6, с. 296—298.

² Там же, с. 246—248, 288.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 2, с. 231—232; сго же. Вафийат ал-аслаф..., т. 6, с. 338.

⁴ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 303.

Когда религиозная мораль и традиция утверждали, что вся мудрость и совершенство заложены в Коране, когда все научные открытия, ростки культуры и искусства встречались реакционным мусульманским духовенством в штыки, Ш. Марджани пропагандировал необходимость овладения музыкальной культурой, дал ее определение, более того, ссылаясь на сочинение Аристотеля «Органон» и на произведения ал-Фараби, показал ее истоки и историю развития¹.

Как видим, Ш. Марджани не только освоил и критически переработал некоторые идеи Ибн Халдуна, но и поставил новые, довольно актуальные для своего времени проблемы и пытался решать их в целом с рационалистических и стихийно-материалистических позиций.

Однако сосредоточение внимания на чисто внешних факторах и явлениях, невозможность в силу ограниченности идеалистической методологии оценить и раскрыть значение главных факторов — факторов внутреннего, общественно-экономического развития — привело Ш. Марджани к тому, что ведущую роль в социальном прогрессе он отвел духовному началу — развитию науки, просвещения, морали.

Но, с другой стороны, гуманизм Ш. Марджани, отстаивание им духовной свободы человека, подход к нему с позиций «общего блага» имели важное значение для формирования материалистических взглядов на личность, способствовали появлению новых нравственно-этических критериев и явились значительным достижением татарской общественной мысли во второй половине XIX века.

2. О роли личности и народных масс в истории

Шигабутдин Марджани не понимал до конца объективных законов развития общества и поэтому причину происходящих изменений искал в большинстве случаев не в производственно-трудовой деятельности людей, а в области разума, психики. А это в свою очередь приводило его к некоторому преувеличению роли отдельных личностей. Причем Марджани не совсем четко сознавал социально-экономическую обусловленность тех

¹ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 316—317.

психологических мотивов, которыми руководствуются эти личности в своих действиях. Он по существу склонен рассматривать исторический процесс прежде всего как духовную и психическую деятельность людей, а внешние исторические события — как проявление этой деятельности. Исходя из этого он трактовал роль личности в ходе исторических событий, в особенности, если она имела какое-либо отношение к власти.

Этому не в малой степени способствовали и его политические взгляды. Оставаясь под влиянием идей просвещенной монархии, он считал, что значительная роль в истории принадлежит государству и правителям, просвещающим народ.

Более того, Ш. Марджани представлял государство надклассовым образованием, объединяющим людей в коллектив, направляющим их к общей цели, создающим общественную гармонию. «Посягательство на чужое добро во имя собственного благополучия и присвоение его с применением силы,— пишет Ш. Марджани,— это признаки, присущие природе животных, приводящие к взаимной ссоре, кровопролитию и истреблению, что в конечном счете ведет к всеобщему хаосу, анархии и произволу. Чтобы избежать всего этого, люди нуждаются в человеке сильном, обладающем большими полномочиями, который бы предотвратил эту безнравственность и способствовал взаимной гармонии»¹.

Как видно из вышеизложенного, идеалом Марджани является сильный правитель с крепкой властью. К таким правителям он относил Надиршаха, Петра I и других просвещенных монархов, которые, по его мнению, считались с интересами общества, служили его благу и, следовательно, их программы должны быть предметом подражания для всех правителей². Вот почему автор «Мустафад ал-ахбар...», подробно излагая военно-политическую историю, довольно поверхностно касается внутренней истории, жизни народных масс³. Он не мыслит существования народа как социальной общности без сильной государственной власти.

Незнание Ш. Марджани того, что историческое раз-

¹ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 349.

² Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф..., т. 6, с. 102, 136.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 56; т. 2, с. 7—8.

витие определяется степенью развития производства, а не царствованиями тех или иных ханов, в какой-то мере предопределило изложение им материала: оно дается по правлениям ханов. Вот как, например, он описывает правление Узбека. «Хан Узбек был добродетельным человеком, он многое сделал такого, что привело страну к миру, ее прочности и благополучию. Со всех сторон, из далеких городов собрал он вокруг себя крупных ученых — Кутбутдина ар-Рази, Ахмеда ал-Джунди, Али ибн ал-Бикенди и других». Ссылаясь на Абу-л-гази Бахадир-хана, ученый продолжает, что вся территория Джучиева Улуса в честь хана Узбека стала называться Страной Узбека. Далее он описывает деятельность Узбека, его дипломатические успехи — укрепление связей с Египтом, прибытие к нему в 1319 г. с миссией дружбы русского правителя Юрия Даниловича и т. д.¹

Несколько преувеличенное внимание Марджани к деятельности хана Узбека вполне объяснимо. Узбек, будучи антиподом Чингисхана, в представлении Марджани вобрал в себя некоторые черты «идеального правителя». А проблема «идеального правителя» оставалась центральной во всей восточной литературе и философии. В условиях феодальных смут и кровопролитных войн тоска по справедливому, человечному и просвещенному правителю всегда была острой.

В период правления Узбека Золотая Орда превращается в крупное феодальное государство, в ней наблюдается рост политической централизации, прекращаются разбойные междоусобицы². К тому же этот правитель, как показывают исследования советских ученых, придерживался политики сближения с другими государствами посредством заключения дипломатических брачных союзов. Так, например, он выдал свою сестру за московского князя Юрия Даниловича³.

Такой же подход к историческим личностям прослеживается и при освещении им отдельных моментов истории России. Он выделяет среди русских царей Юрия Долгорукого как основателя Москвы в 1148 г., указы-

вает на роль Ивана III в централизации русского государства, подчеркивает связь политики Ивана III с деятельностью Василия III, утверждая, что Иван III претворил в жизнь идеи, которые вынашивали его предшественники¹.

Ш. Марджани хорошо понимал исторически закономерный характер мероприятий предшественников Петра I; направленных на объединение Руси и централизацию русского государства. Например, он пишет: «Если до эпохи Петра Великого русские правители ограничились укреплением единства государства и его централизацией, то он (Петр I.— М. Ю.) открыл выход к Балтийскому морю, приблизил границы России к Европе, создал регулярную армию»².

Много внимания уделяет Марджани описанию преобразовательской деятельности Петра I, сумевшего понять задачи общественно-политического развития России. Материалы о реформах Петра I имеются не только в обоих томах «Мустафад ал-ахбар...», но и в «Мукаддима...»³. А в «Вафийат ал-аслаф...» Марджани дает биографию Петра I, отмечая, что «он вывел страну из состояния варварства и приобщил ее к европейской культуре»⁴. При описании реформаторской деятельности Петра I Ш. Марджани, конечно, не мог раскрыть классовой сущности его преобразований. Но, несмотря на идеализм в трактовке понятия государства, несмотря на буржуазно-либеральные представления о его назначении, положительным было то, что Ш. Марджани понимал исторически закономерный и прогрессивный характер мероприятий, проводимых Петром I.

Как видно из вышеизложенного, от характера исторических личностей, от их моральных качеств, по мнению Ш. Марджани, зависит отчасти судьба страны и народа.

При таком подходе к историческим лицам, естественно, не могли быть правильно воспроизведены общественное развитие страны, характер социально-эконо-

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 101—103.

² Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй..., с. 86.

³ Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.). М., 1966, с. 78.

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 46.

² Там же, с. 138.

³ Там же, с. 48; т. 2, с. 7—8; «Мукаддима...», с. 386.

⁴ Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф..., т. 6, с. 102.

мических отношений, жизнь трудового народа. Однако это в значительной степени было исторически обусловлено. Известно, что народ как основной фактор в экономической и политической истории страны долгие времена оставался вне поля зрения историков. Во всех антагонистических формациях «...исторический прогресс,— пишет, например, Ф. Энгельс,— в общем и целом был предоставлен деятельности незначительного привилегированного меньшинства...»¹. Это же отмечал В. И. Ленин: «Тогда, сто с лишним лет тому назад, историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов при сонных и спящих массах рабочих и крестьян»².

Как представитель домарксистской историографии, термин «народ» Марджани понимал в широком смысле, без различия классов и социальных групп. Хотя в целом он и относился с симпатией и сочувствием к трудовому народу, но, как и другие представители просветительской мысли, считал, что народные массы нищенствуют из-за своей невежественности.

В противоречивом отношении Ш. Марджани к широким народным массам проявилась его двойственная позиция как прогрессивного мыслителя, не сумевшего оторваться от традиционных представлений классового общества.

Необходимо отметить, что при описании исторических лиц Марджани ратует за объективную оценку их деятельности. Высоко отзываясь о моральных качествах отдельных великих людей, ученый, однако, резко осуждает правителей, притесняющих народ.

Доказывая на конкретных фактах тиранию отдельных правителей, историк предстает перед нами как ученый-гуманист, противник захватнических войн. Он с гневом рисует объективные портреты кровожадного бухарского эмира Насруллы и его приближенных, подвергших грабежу, насилию и поруганию население Коканда³. И эти портреты соответствуют истине. Известный исследователь Средней Азии Н. А. Халфин, отмечая крайнюю жестокость этих правителей, писал, что «на-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 113.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 81.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 203.

родная память закрепила за кокандским ханом Алимом (1800—1809) кличку «Залим» (деспот), а за бухарским эмиром Насруллой (1826—1860) — «Кассаб» (мясник)¹.

Необходимо отметить в этой связи, что академик Н. И. Конрад характеризует «действие в историческом процессе гуманистического начала как вечного спутника человечества на его историческом пути, как основного фактора общественного прогресса», отмечая, что оно всегда было высшим критерием настоящего человеческого прогресса», так как «исторически прогрессивно только то, что сочетается с гуманизмом и оправдывается им»².

Отрицательную характеристику Марджани дает также Чингисхану, Хулагу и Тимуру, деятельность которых была связана с грабительскими войнами, разорением культурных центров и т. д. Причем историк в своих трудах выступает как против официальной промонгольской точки зрения на деятельность Чингисхана, превознесшей последнего до небес³, так и против старотатарской феодальной историографии, представленной творениями наподобие «Таварих ал-Булгария» Муслими⁴ и приписывающей деятелям типа Тимура карательную миссию — божье наказание народам и правителям за их испорченность и безбожие⁵.

Ш. Марджани пишет, что при походе чингисидов в Азию, когда в 1219 г. пали Самарканд и Бухара, население этих городов было поголовно истреблено⁶. «Во

¹ Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина 19 века). М., 1974, с. 11.

² Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972, с. 6, 429, 485.

³ См. в этой связи: Шастина Н. П. Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов.— В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970, с. 435—455.

⁴ Муслими Хисам ад-Дин ибн Шараф ад-Дин. Рисала таварих-и Булгария ва зикра маулана хадрат Аксак Тимур ва хараб шахар Булгар (Послание об истории Булгара, память о покровителе нашем хромом Тимуре и разрушении им города Булгара). Казань, 1887.

⁵ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 143, 206—225.

⁶ Там же, с. 93. Подробно об историографии вопроса см.: Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия.— В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе, с. 100—134.

время нашествия же Хулагу-хана на Багдад, Басру, Куфу и на другие культурные центры,— отмечает историк,— было уничтожено множество ценнейших книг, течение реки Тигра замедлилось, так как она была сопряжена книгами»¹.

В марксистской литературе общая оценка татаро-монгольских завоеваний остается отрицательной. По этому поводу К. Маркс записал в «Хронологических выписках»: «Между тем орды совершают варварства в Хорасане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к черту»².

Будучи противником войн и насилия Марджани высоко ценил мирную жизнь, которая, по его мнению, способствует развитию науки и культуры, прогрессу человечества. Он также с уважением относился к крестьянскому труду. Например, земледелие он считал основой жизни, по мнению Ш. Марджани, слово «феллах» исходит от слова «жизнь», «существование»³.

Характеризуя моральные качества отдельных правителей, придавая им определенное значение, историк не абсолютизировал их роли. Яркой иллюстрацией тому служит его отношение к такой крупной исторической личности, какой являлся Тимур. Например, среди причин ослабления и падения татарских ханств вообще, и государства Волжской Булгарии в частности, Ш. Марджани указывает на опустошительные войны Тимура⁴. Но историк не считает их основной причиной. Если даже известия о набегах Тимура на столицу Волжско-Камской Булгарии соответствуют действительности, пишет историк, то это не могло привести к окончательной гибели города Булгар⁵.

Как бы уточняя свое отношение к роли личности, он здесь же продолжает: «Полагают также, что Булгар разрушил татарский хан Менгу Тимур, что тоже не соответствует истине. Многие приписывают разрушение

¹ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 335.

² Маркс К. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1938, т. 5, с. 221.

³ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 323.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 143.

⁵ Там же, с. 92.

Булгар епископу Канашу (имеется в виду Лука Канашиевич.— М. Ю.). Если это и соответствует действительности, то он по своей фанатичности мог разрушить несколько зданий и только»¹.

Ослабление, упадок Казанского, Астраханского и среднеазиатских ханств до их включения в состав России историк объясняет целым рядом внутренних причин: отсутствием единства, внутренними междоусобными распрями, общим упадком хозяйственной деятельности и нравов, а также умалением роли экономических факторов в жизни общества и значения общественного разделения труда².

Однако отдельные верные высказывания о роли экономического фактора и общественного разделения труда еще не означают, что Марджани понимал общественные материальные отношения как отношения, складывающиеся помимо сознания и определяющие общественное сознание. Поэтому он часто преувеличивал роль сознания в человеческой истории, отсюда исходило преувеличение роли личности, обладающей наиболее развитым сознанием или государственной властью. Так, Марджани далеко не умаляет роли дальновидных русских правителей, объединивших русские земли и создавших марионеточные ханства, как, например, Касимовское ханство, что послужило, по его мнению, в конечном счете плацдармом для окончательного подчинения Казанского ханства³.

Увлечение Марджани выдающимися политическими личностями вполне понятно. «В основе всех прежних воззрений на историю,— писал Ф. Энгельс,— лежало представление, что причину всех исторических перемен следует искать в конечном счете в изменяющихся идеях людей и что из всех исторических перемен важнейшими, определяющими всю историю, являются политические»⁴.

Поскольку в эпоху Марджани в политических переменах, в сознательном историческом творчестве участвовало главным образом меньшинство людей, принадлежавших к господствующему классу общества, то из

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 92.

² Марджани Ш. Мукаддима..., с. 344.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 148.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 111.

прежних философов и историков никто, включая и Марджани, не стремился выяснить участие народных масс в истории, не пытался определить значение той сферы жизни, в которой народные массы играют решающую роль, не придавал должного значения материальным экономическим отношениям.

Недооценка материальных факторов характерна не только для Ш. Марджани, но и для всех представителей буржуазной исторической науки после него. Все работы дореволюционного времени рассматривали историю статически, не указывая на исторический процесс развития и даже не ставя вопроса о производственных отношениях и классовой борьбе. Г. Губайдуллин вполне справедливо отмечал, что дореволюционные татарские исследователи внутреннюю социальную историю подменяли политической. В этой связи он писал: «Когда мы говорим об истории татар, то перед читателями невольно возникает стройная цепь ханских имен»¹. Это и не удивительно, так как все домарксистские ученые при периодизации истории опирались главным образом на внешние события и хронологические рамки деятельности выдающихся личностей и совершенно не анализировали причины и следствия событий и действий правителей. Характеризуя домарксистские исторические учения, В. И. Ленин писал: «Во 1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во 2-х прежние теории не охватывали как раз действий масс населения...»²

Великое всемирно-историческое значение деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса состоит в том, что они впервые выяснили значение материальных общественных отношений в жизни людей, отношений, складывающихся помимо сознания и определяющих собой все остальное. «Люди сами делают свою историю, но они

¹ Губайдуллин Г. Татарларда сыйныфлар тарихы (История классов у татар). Казань, 1926, с. 1.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.

ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»¹.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, мы можем утверждать, что преувеличение роли личности в истории свойственно всему домарксистскому пониманию истории, всем домарксистским исследователям, в том числе и Ш. Марджани, который все же стремился рассматривать вопрос всесторонне, не увлекался ролями исторических личностей, не абсолютизировал их, оставался верным своему принципу исследования — подвергать все тщательному осмыслению и сомнению.

3. Проблема исторической преемственности «Восток — Запад»

Важным моментом в оценке Шигабутдином Марджани роли отдельных народов в истории человечества является идея преемственности в общественном и культурном развитии. Ученый, которому были чужды тенденции этноцентризма и расизма, пишет, что издревле народы заимствовали культурные достижения друг у друга и развивали их, оставляя последующим поколениям. Он, например, утверждал, что у греков позаимствовали культурные достижения арабы, персы и другие народы, а у них переняли европейцы².

Это говорит о том, что Марджани понимал исторический процесс и как духовное развитие народов. Критерием же для оценки роли различных народов в истории является, по его мнению, их вклад в общечеловеческую культуру. Причем это воззрение Марджани соответствовало всему лучшему, что было в отечественной и зарубежной историографии того времени. «В лучших трудах эпохи «Просвещения», — писал О. Л. Вайнштейн, — мы не обнаружим того европеоцентризма, который в XIX ст. сделался отличительной чертой господствующего течения буржуазной историографии. Вольтер, Гердер, Кондорсе и другие «просветители» уделяют уже значительное внимание арабам, индусам,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 119.

² Марджани Ш. Мукаддима..., с. 107.

китайцам, подчеркивая их вклад в общечеловеческую культуру»¹.

Но вместе с тем на вооружении у буржуазии продолжал оставаться и расизм как рычаг ее колонизаторской политики. Спекулируя взглядами таких авторитетов, как Георг Гегель, ее апологеты игнорировали культуру народов Востока, созданную на протяжении тысячелетий. Немецкий философ К. Форлендер, например, писал, что «... о восточной «философии» можно говорить лишь в очень условном смысле... что она стоит лишь в очень отдаленной связи с общеевропейской мыслью»².

Таким образом, в буржуазной ориенталистике как в России, так и на Западе наметились две тенденции — гуманистическая, выражавшая уважительное отношение к культуре Востока, и колонизаторская, расистская.

Демократическая и революционная Россия отвергала расистские теории, призывала к солидарности и уважению между людьми разных национальностей. Передовые сыновья ее, Н. Г. Чернышевский, например, проявили интерес к историческому прошлому татарского народа, немало содействовали тому, что важный общественно-политический и литературный орган революционной демократии — журнал «Современник» — знакомил читателей с материалами из жизни татар, в которых нашли отражение боль, страдания народа от произвола угнетателей³. Как справедливо отмечал Р. И. Нафигов, «великий демократ стоял на точке зрения общего происхождения людей, выводит все расы от одних предков; он уже видел, что такие нации, как испанская, итальянская, французская, английская, немецкая и другие, явились результатом смешения различных физических типов — племенных и расовых. Все это было

¹ Вайнштейн О. Л. Историография..., с. 107.

² Форлендер К. История философии. СПб., 1911, т. 1, с. 7.

³ Абдуллин Я. Г., Фасеев К. Ф. Н. Г. Чернышевский и татарская общественная мысль. Казань, 1978; Гайнуллин М. Х. Чернышевский и его рукописи на татарском языке. — В кн.: Известия КФАН СССР. Казань, 1955, вып. 1, с. 93—102; Духовников Ф. В. Николай Гаврилович Чернышевский. Его жизнь в Саратове (1828—1846). — В кн.: РС. 1890, т. 67, с. 531—568; Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953; «Современник»; т. 181, с. 255—290; т. 82, с. 121—142.

не только на уровне самой передовой науки, но и злободневно, отвергало и разоблачало измышления реакционных буржуазных философов и специалистов, в том числе и российских миссионеров, шовинистов и националистов»¹. Н. А. Добролюбов также с уважением относился к культуре других народов. «Без индийской и персидской поэзии, — писал он, — не было в человечестве сознания о борении двух начал, добра и зла...»² Передовым русским ученым был чужд европоцентризм и расизм. Об этом может свидетельствовать деятельность целой плеяды русских ориенталистов — представителей Казанской школы востоковедения. Как считают М. З. Закиев и Д. Г. Тумашева, «большой заслугой этой школы является выдвижение идеи привлечения на научную работу по филологии представителей тех народов, языки которых являлись объектом научного исследования»³. Деятельность предшественников и современников Ш. Марджани — Сагита и Ибрагима Хальфиных, Абдюша Вагапова, Салихджана Кукляшева, Мухаммеда Махмудова, Хусаина Фаизханова, Каюма Насыри, Гайнутдина Ахмарова, Мухаметзяна Аитова и других — яркое тому подтверждение.

В отличие от Н. И. Ильминского, полностью разделявшего монархическо-колониаторские и миссионерские устремления царского правительства, таким востоковедам, как О. М. Ковалевский, П. Я. Петров, Н. А. Аристов и т. д., были чужды тенденция расового, высокомерного отношения к народам Востока и нигилистически-пренебрежительные взгляды на их историческое прошлое и культурное наследие⁴. «Казанские

¹ Общественно-политическая мысль в Поволжье в XIX — начале XX вв. Казань, 1977, с. 105.

² Добролюбов Н. А. О степени участия народности..., с. 277.

³ Закиев М. З., Тумашева Д. Г. Роль Казанского университета в развитии тюркологии. — В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964, с. 12.

⁴ См. работы: Шофман А. С., Шамов Г. Ф. Восточный разряд Казанского университета; Шамов Г. Ф. Научная деятельность О. М. Ковалевского в Казанском университете. — В кн.: Очерки по истории русского востоковедения. М., 1956, т. 2, с. 418—448, 118—181; Крачковский И. Ю. Востоковедение в письмах П. Я. Петрова Белинскому В. Г. — В кн.: Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953, т. 1, с. 8—22; Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. Казань, 1972.

ученые-востоковеды,— отмечает С. М. Михайлова,— вносили большой вклад в распространение передовых идей среди народов Поволжья. Они с уважением относились к восточным народам, подчеркивали самобытность и высокий уровень их культуры, выступали против европоцентризма, глубоко изучали историю восточных обществ»¹. Впрочем, такая черта была характерна не только востоковедам. Исследования последних лет показывают, что многим представителям русской интеллигенции — А. И. Герцену, И. С. Тургеневу, П. А. Плетневу, А. П. Федченко, В. В. Стасову, Н. К. Рериху и другим — было характерно уважительное отношение к культуре тюркских народов².

Было бы, конечно, неверно утверждать, что иногда, рассматривая тот или иной конкретный вопрос, отдельные прогрессивные востоковеды, в том числе и Марджани, не высказывали ошибочных суждений. В данном случае необходимо, на наш взгляд, исходить не из этого, а из того главенствующего, что определяло их позицию в отношении культуры Востока.

Как и вышеперечисленные русские ориенталисты и западноевропейские просветители, Ш. Марджани не разделяет распространенную в XIX в. расовую теорию, считает, что «все народы наделены одинаковыми способностями для изучения наук, искусств и эти способности заложены в них от природы». «Тяга к наукам и искусствам,— продолжает далее Ш. Марджани,— присуща человеческой природе еще со времени возникновения цивилизации. Она наблюдалась у ассирийцев и халдеев, у тюрков и коптов³, у греков и персов»⁴.

Ш. Марджани высоко ценил вклад народов Востока в историю человечества и выступал против традиционного для буржуазной науки деления народов на исторические и неисторические. Ученый отрицательно отзывался об историках, страдающих ложным патриотиз-

¹ Общественно-политическая мысль..., с. 135.

² См. работы: Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф., Н. В. Ханыков — востоковед и дипломат. М., 1977; Нафигов Р. И. Мулланур Вахитов. Историко-биографический очерк. 2-е испр. и доп. изд. Казань, 1975, с. 50—55.

³ Коптами называются принявшие христианство потомки древних египтян.

⁴ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 298—299.

мом, восхваляющих собственные народы и принижающих другие. Например, он признает первенство европейцев в различных областях науки, ратует за европейскую систему обучения¹. Более того, в своей практической деятельности — при создании трудов по истории — Ш. Марджани прежде всего опирается на исторические сочинения европеизированного ал-Джабарти, ознакомившегося с западной культурой во время французской оккупации. Но вместе с тем он подвергает резкой критике европейских историков, которые, пытаясь принизить значение расцвета науки и искусства в период правления Омейядов и Аббасидов, все культурные достижения человечества приписывают грекам или же арабской культуре в Испании². «Как можно страну, население которой в самую пору своего расцвета не превышало десятков миллионов человек,— пишет Ш. Марджани, имея в виду цивилизацию средневекового арабского Запада — Кордовского халифата,— сравнить со страной с населением в сотни миллионов человек»³.

В связи с вышеизложенным необходимо отметить, что с распадом Арабского халифата культура арабо-иранского мира получила развитие в двух регионах и она хронологически приходится на два этапа. Первый — восточный — охватывает VIII—XI вв. и характеризуется расцветом таких культурных центров, как Дамаск, Каир, Багдад, Басра и другие. А второй — западный (XI—XII вв.) — характерен перемещением центров культуры в Кордову, Севилью, Толедо и другие города. «Культуры этих двух частей ирано-арабского мира и по содержанию, и по форме настолько были похожи друг на друга,— писал В. К. Чалоян,— что современники характеризовали культуру, перенесенную на Восток, словами из Корана: «Это — наш же товар, возвращенный нам»⁴.

Для Марджани, в представлении которого центрами культуры по традиции оставались Багдад и Каир, арабско-испанская или андалузская культура являлась частью общей арабской культуры.

¹ Сб. «Марджани», с. 528.

² Марджани Ш. Мукаддима..., с. 344.

³ Там же, с. 345.

⁴ Чалоян В. К. Восток — Запад (Преемственность в философии античного и средневекового общества). М., 1968, с. 167.

На конкретных примерах Ш. Марджани показывал вклад каждого народа в общечеловеческую культуру, предостерегал от чрезмерного преклонения перед греческой культурой. Культуру персов он ставил, например, в один ряд с греческой и осуждал дифирамбы западных ученых последней¹. Здесь нельзя не согласиться с Б. Г. Гафуровым, который считал, что влияние Древнего Востока отразилось и на греческой философии, литературе, искусстве и что в период, предшествующий складыванию наций, значительной дифференциации по национально-этническому признаку не наблюдалось и вклад в общечеловеческую культуру принадлежит всем народам².

Развивая далее свой тезис, Ш. Марджани писал: «Географическая наука у греческих ученых была в самом зародыше, как младенец в колыбели. Ее вырастили мусульманские ученые, они довели ее до состояния взрослого, зрелого человека. Первый труд в этой области был издан Птолемейусом Клузи³, перечислившим 4530 городов, более 200 гор, островов, металлов и минералов и т. д. Это сочинение было переведено на арабский язык при халифе Мамуне, после чего географическая наука получила развитие у арабских ученых»⁴. Далее историк приводит в качестве аргумента труд арабского ученого-географа ал-Идриси (1100—1165) «Назурат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствиях по областям»), получивший, как пишет Марджани, широкое признание впоследствии у европейских ученых и переведенный в 1836 г. на французский язык⁵. Работа И. Ю. Крачковского показывает, что Марджани довольно верно отметил возникновение и развитие этой науки. Например, Крачковский писал, что «сравнительно в короткий срок среди арабов распространились произведения Иппократа, Галена, Аристотеля, Эвклида, Архимеда, Менелая,

¹ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 299.

² Гафуров Б. Г. Исторические связи Средней Азии со странами арабского Востока. М., 1963, с. 7.

³ Историк имеет в виду Птолема Клавдия, греческого астронома и географа II века.

⁴ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 327.

⁵ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 327; Об ал-Идриси см.: Крачковский И. Ю. Арабская географическая..., с. 280—299.

Апполония, Марина Тирского — почти весь основной фонд греческой науки. Почетное место занял в этой плеяде Птолемей, создавший эпоху в истории арабской астрономии и географии¹.

Ш. Марджани писал о приоритете народов Востока в различных областях жизни, в частности в изобретении пороха, книгопечатания, перечислял важнейшие сочинения Ибн Сины, в том числе его «Канон врачебной науки», писал также об открытии первой аптеки в Багдаде в 800 г., о заимствовании арабских цифр европейцами в 660 г., о том, что первые часы были изобретены при халифе ал-Мансуре в 760-х годах в г. Куфе и попали в Европу в 800 г. как подарок халифа Харруна ар-Рашида королю Франции². Следует отметить в этой связи важность оставшихся от ремесленного периода четырех великих открытий, на которые указывал К. Маркс: компас, порох, книгопечатание и автоматические часы³. Причем К. Маркс считал их необходимыми предпосылками буржуазного развития⁴.

Необходимо подчеркнуть, что у Марджани нет и намека на противопоставление Востока и Запада⁵. Наоборот, он подметил порочность и антинаучность такого противопоставления⁶. Касаясь взаимоотношений духовной культуры Востока и Запада, он отмечал их взаимовлияние и взаимопроникновение, показывал вклад каждого народа в мировую цивилизацию.

Например, Марджани пишет, что бумага была изобретена в Китае. Прежде чем о ней узнали европейцы, арабы настолько усовершенствовали ее производство

¹ Крачковский И. Ю. Арабская географическая..., с. 76.

² Марджани Ш. Мукаддима..., с. 335—336.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 361.

⁴ См.: Там же, т. 30, с. 262.

⁵ Понятия «Восток» и «Запад» имеют довольно широкое и условное употребление, диапазон которого включает в себя как географический, так и социально-политический аспекты. В данном случае применительно к изучению концепции Ш. Марджани эти понятия употребляются в географическом смысле.

⁶ Рамки настоящей работы не дают возможности рассмотреть вопрос о несостоятельности освещения духовной культуры Востока и Запада буржуазной наукой и о причинах их противопоставления. Эти концепции преследуют далеко идущие идеологические и политические цели. См.: Аникеев Н. П. Европоцентризм и востокоцентризм..., с. 493—509. У. Монтгомери Уотт. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.

что некоторые ее виды, как зеркала, отражали изображение¹. Следует отметить, что Ш. Марджани верно представлял себе историю изобретений. Ф. Энгельс, например, также писал, что бумага перешла от китайцев к арабам, от них — к итальянцам².

Быть может, сведения, сообщаемые Марджани, несколько поверхностны и неточны, возможно и хронология не безупречна. Здесь важно другое: то, что он понимал тенденциозность западноевропейской буржуазной историографии, которая уже тогда, исходя из европоцентрических позиций, пыталась доказать отсутствие «подлинного» научно-философского мышления у народов Востока, всячески принижала вклад народов Востока в общечеловеческую культуру. Вот почему Марджани и указывал на необходимость изучения культурного достижения всего человечества. В. В. Бартольд писал, что «европейские ученые еще в XIX веке были склонны называть «всемирной» историей историю одной Западной Европы; в Персии уже в начале XIV в., как видно из слов одного из мусульманских сотрудников Рашид ад-дина, понимали, что история арабов и персов есть только одна из рек, впадающих «в море всемирной истории»³.

Между тем нельзя забывать, что на Востоке впервые возникли классовое общество, государство. Не случайно академик В. В. Струве начинает свою книгу словами, что «история древнего Востока есть история древнейших классовых обществ»⁴.

На Востоке впервые зародились письменность, наука, литература. В свою очередь, восточная культура была позаимствована европейскими народами.

Разумеется, в настоящее время в советской исторической науке нет двух мнений по вопросу о вредности противопоставления Востока и Запада. Строить концепцию исторического процесса, как указал Н. И. Конрад, можно «...только принимая во внимание историю всего человечества, а не какой-либо группы народов или

стран. Такие понятия, как «Европа», «Азия», «Африка» и т. д., понятия географические, а не исторические. В лучшем случае они принадлежат исторической географии. Также весьма ненадежны такие понятия, как «Восток» и «Запад». В лучшем случае они обозначают некоторые группы народов, но и то с различным у разных народов и притом меняющимся содержанием»¹.

Прошли времена, когда, опираясь на античных авторов, на Библию и на труды европейских историков, даже такой мыслитель, как Г. Гегель, показывал искаженную картину действительности и отрицал участие «неисторических» народов Востока в создании мировой культуры. Труды Б. А. Тураева, В. В. Струве, В. М. Штейна, В. И. Авдиева, С. П. Толстова² и других советских ученых убедительно доказывают, что в течение длительного исторического периода Восток был колыбелью мировой цивилизации, где по крайней мере две общественные формации — рабовладение и феодализм — зародились раньше, чем на Западе. Восток уступил свое первенство Западу в развитии культуры только после колонизации последним.

Труд Ш. Марджани, появившийся еще в прошлом веке и показывающий, какие потенции заложены в творческой мысли стран Востока, явился предвестником этих работ и представлял, на наш взгляд, несомненный интерес для его современников, хотя бы уже постановочной проблемы.

Подчеркивая актуальность подобных работ, Н. И. Конрад пишет, что «...необходимо учесть теоретическую мысль Востока во всех областях науки о человеке и об обществе, памятуя, что именно эти области разработаны на Востоке в масштабах и подробностях исключительных. Работу в этом направлении я и называю преодолением европоцентризма в науке, а такое преодоление считаю одной из самых важных в наше время задач науки о человеке и об обществе»³.

Из вышеизложенного видно, что Ш. Марджани, сложившийся как ученый еще в середине XIX в., рассматривал изучаемые им исторические явления и собы-

¹ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 337.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 507.

³ Бартольд В. В. Культура мусульманства. Соч., т. 6, М., 1966, с. 192.

⁴ Струве В. В. История древнего Востока. М.—Л., 1941, с. 3.

¹ Конрад Н. И. Запад и Восток, с. 452.

² См. в списке использованной литературы.

³ Конрад Н. И. Запад и Восток, с. 27.

тия с передовых и гуманистических позиций, нередко в связи с условиями общественной жизни. Но, разумеется, это без передового марксистского мировоззрения не могло гарантировать его от ошибок, происходящих от старых представлений, привычных для той исторической эпохи. Так, ученый в известной мере преуменьшал роль культурных влияний, несколько преувеличивал значение Арабского халифата и мусульманской религии для тех народов, которые оставались языческими¹.

Разумеется, Ш. Марджани не понимал сути ислама, идеологии, отразившей существенные изменения в арабском обществе, а именно: имущественное неравенство, рабство и развитие обмена. Главная цель как образовавшегося вместе с исламом раннего арабского государства в Аравии, так и халифата, успехами которого восхищался историк, заключалась в том, чтобы «...обеспечивать при помощи вооруженной силы экономическое угнетение трудящегося большинства особо привилегированным меньшинством»². Вместе с тем нельзя не отметить, что некоторое преувеличение Марджани роли ислама объясняется отнюдь не религиозным фанатизмом, а тем, что эта идеология представлялась ему наиболее отвечающей принципам равенства и братства между людьми, отвергающей социальную несправедливость. Разумеется, эти представления Марджани наивны и несостоятельны. Религия не отвечает принципам равенства и не отвергает социальную несправедливость. Но вместе с тем нельзя упускать из виду того, что историк подразумевает не столько мусульманскую религию, сколько культуру народов, исповедовавших ислам, сложившихся в результате совместной деятельности арабов и покоренных ими коренных жителей (персов, тюрок и др.), продолжавших свое развитие при политическом господстве арабов, под влиянием которых в Среднее Поволжье, остававшееся до того языческим, приходит арабская письменность и на ее основе распространяется местная грамотность³.

По мнению Ш. Марджани, стойкость и жизненность арабоязычной письменной традиции в странах халифа-

та и за его пределами после завоеваний находят себе объяснение в том, что ислам и арабский язык участвовали в процессе феодализации этих стран совершенно так, как христианство со своими церковными языками в Европе.

В этой связи не излишне отметить, что еще Ф. Энгельс в статьях о первоначальном христианстве показал, что в связи с крушением рабовладельческих производственных отношений в Римском государстве развился и кризис в области языческой идеологии, нашедший свое выражение в победе христианства над язычеством¹.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод: несмотря на определенные уступки религиозно-идеалистическому мировоззрению, взгляды Марджани на роль различных народов в истории и преемственность их культур являются в целом прогрессивными, а его предостережения о порочности европоцентризма — актуальными как для своего времени, так и для последующих эпох.

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 23.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 359.

³ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 344.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 483; т. 19, с. 307—314.

ГЛАВА IV

ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ТАТАРСКОГО НАРОДА

В трудах Шигабутдина Марджани значительное место занимает проблема происхождения татарского народа. Он впервые из местных историков разработал вопросы этногенеза татар в двухтомном труде «Мустафад ал-ахбар». Причем ученый, отдавая себе отчет о том, насколько сложными являются вопросы этногенеза, неоднократно подчеркивал, что решение этих вопросов возможно лишь на основе изучения разнообразных источников — этнографических, лингвистических, археологических и письменных.

До Великой Октябрьской социалистической революции существовали две основные теории этногенеза татарского народа. Так, еще русские летописи, особенно Никоновская, наряду с попытками отождествления поволжских татар с татарами Золотой Орды ставили знак равенства между казанскими татарами и булгарами.

Передовая часть русских ученых и общественных деятелей прошлого поддерживала болгарскую теорию происхождения татарского народа. Н. Г. Чернышевский, интересовавшийся историей и культурой татарского народа, разделяя болгарскую теорию, писал: «Нынешние татары — потомки прежних племен, живших в тех местах до Батя и покоренных Батем, как были покорены и русские»¹.

Н. Г. Чернышевский не был одинок в своих взглядах. Идея преемственности казанских татар и болгар высказывалась как русскими, так и татарскими учеными и общественными деятелями. К их числу можно отнести

¹ Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии. Избр. филос. соч. М., 1951, т. 3, с. 245—246.

Н. М. Карамзина, В. В. Григорьева, И. Н. Березина, К. Насыри и других.

Однако наиболее полно и всесторонне вопросы этногенеза татарского народа вообще, и болгарской теории их происхождения в частности, получили отражение в трудах Ш. Марджани.

Он стоит на точке зрения сближения этнонимов традиционной генеалогической цепи развития основных тюркоязычных этносов Восточной Европы: хазары — булгары — кыпчаки — татары и как следствие отсюда для него характерно восприятие указанных этнонимов в качестве разновременных наименований одного и того же народа. Для нас важно, разумеется, в данном случае не отражение во взглядах Ш. Марджани традиционных средневековых представлений о незыблемости этнических групп как таковых, а признание связи каждого звена этой цепи с предыдущим и последующим.

Исходным моментом этногенетического процесса, приведшего к формированию татар, Марджани считает тюркизацию Среднего Поволжья.

О булгарах. Одним из основных компонентов казанских татар, по мнению Ш. Марджани, являются тюркские племена Булгарского государства.

Эти племена, занимавшие доминирующее положение в данном государстве, стали в конечном счете одним из главных слагаемых казанских татар, им же принадлежит ведущая роль в развитии социально-политической жизни и в создании духовной и материальной культуры¹. Поэтому Марджани, наряду с этногенезом современных ему поволжских татар, значительное внимание уделяет также вопросу происхождения их основного компонента — народности булгар. Булгарам, их этногенезу, булгарским ученым и их произведениям в первом томе «Мустафад ал-ахбар...» отведено столько же места, сколько другим народностям, таким как хазары, буртасы, кыпчаки и другие, вместе взятим.

В ряду этноопределяющих признаков — свойств татарской народности Марджани в первую очередь называет территорию их проживания, охватывающую земли, на которых были расположены вышеперечисленные народы и государства, начиная с раннего средневековья.

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 15—25.

Последний снимок
Ш. Марджани. Источник:
сб. «Марджани». Казань,
1915.

Он отмечает, что древние болгары были известны византийцам и римлянам еще в конце V в. под названием хуннов, утигуров и кутригуров¹. По его мнению, из болгарских правителей некто Зубейрхан вместе с сакалибами и другими многочисленными племенами на конях двинулся со стороны Итиля (Волги.— М. Ю.), перешел по льду Дон, подчинил себе многие княжества и остановился в 30 верстах от Константинополя. Царь Юстиниан спасся лишь в стенах своей крепости. После этих событий, сообщает далее Марджани, на политической арене появился правитель Кубрат. Старший из его трех сыновей по имени Батбай остался на

отчих землях, подпал под власть правителя Хазарии. Второй сын Кубрата по имени Кутраг проник на территории к западу от Дона и обосновался там. Третий сын Аспарух со своими людьми и стадами скота, переправившись через Днестр и подчинив себе славянские племена, обосновался на территории государства Бурджан². В 60 году хиджры (679—680 гг. по европейскому летоисчислению) эти племена образовали самостоятельное государство, которое и было названо византийцами Малой Булгарией, в отличие от Великой Булгарии, расположенной на Итиле. По мнению Марджани, некоторые историки называли Великую Булгарию еще Черной Булгарией, ибо она подчинялась аббасидскому халифу, чье знамя и одежда подданных были черного цвета. Некоторые ис-

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 73. Примечательно в этой связи то, что В. В. Бартольд появление хазар и болгар в бассейне реки Волги также связывает с переселенческим движением хуннов. См.: Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии.— В кн.: Бартольд В. В. Соч., т. 5, М., 1968, с. 37.

² Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 74. По В. В. Бартольду, бурджаны — дунайские болгары. Бартольд В. В. Статьи и рецензии.— В кн.: Бартольд В. В. Соч., т. 8, М., 1973, с. 540.

торики называли ее Белой Булгарией или Внутренней Булгарией в силу того, что это государство было цивилизованным, входило в состав мусульманского мира. Приведенные Марджани сведения о трех болгарских племенах, имевших некогда общее происхождение, на наш взгляд, не лишены основания. Как известно, археолог Н. Я. Мерперт, исследовавший этот вопрос, основываясь не только на письменных источниках, но и на археологических данных, также называет три группы болгар. Он пишет, что все они являлись остатками некогда единого обширного объединения болгарских племен. В дальнейшем пути их разошлись в силу различных исторических условий, различных этнических сред, окружавших их на Дунае, на Волге и Подонье, что определило появление резких различий между тремя указанными группами, утрату ими некогда связующей их общности¹.

В «Мустафад ал-ахбар...» Ш. Марджани подробно освещает тот период Волжской Булгарии, когда она с целью освобождения от политической зависимости от Хазарии в начале X в. устанавливает дипломатические отношения с Багдадским халифатом. Затем под ударами войск киевского князя Святослава Хазарский каганат окончательно распадается, а Волжско-Камская Булгария становится самостоятельной. По этой причине при определении территории Волжско-Камской Булгарии Ш. Марджани включил в ее состав владения бывшего некогда могущественного Хазарского каганата.

Рассматривая развитие тюркоязычного этноса в Поволжье, Марджани касается теоретической проблемы исторического соотношения и взаимодействия этнических и политических общностей, никогда полностью не совпадающих между собой, но обнаруживающих определенную сопряженность в процессе своего формирования.

Признавая континуитет материальной и духовной жизни в первом тысячелетии на территории Среднего Поволжья, Марджани считает, что тюркские племена, фигурирующие в арабских источниках как «хазары», потерпев ряд поражений от арабов и поднявшись вверх по Волге, ассимилировав слабые по сравнению с ними

¹ Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957, с. 27.

в культурном и военно-политическом отношении финские племена, создали на их месте свое государство¹. Причем каждая община этого государства соответственно занимаемому ей региону или водному бассейну носила определенное название, например, «черемшанские булгары», «булгары Нукрата», «каспийские булгары», «нижние булгары» и т. д. В политическом плане, отмечает историк, эти общины представляли собой удельные княжества с различными племенами и сословиями, многочисленными князьками, хотя и подчинялись верховному правителю².

Анализируя сообщения Ибн Русте, ал-Истахри, ал-Гарнати, Закарийя ал-Казвини, Ш. Марджани пришел к выводу, что прежние историки и путешественники под словами «хазары» и «булгары» понимали весь народ, живший в этом регионе³. По его мнению, хазары и булгары как народности прежде входили в одно государство, которое позже распалось на две части — южная часть осталась под названием Хазар, а северная часть стала известной под названием Булгар. После принятия же ислама и установления связи с Арабским халифатом Булгарское государство возвысилось над Хазарским, а хазары же, напротив, потерпев ряд поражений от арабов, ослабев, постепенно ассимилировались среди булгар, потеряли свой прежний этноним «хазары»⁴. Из труда Марджани можно заключить, что, подчиняясь единому верховному правителю, народы этого государства назывались собирательно хазарами, булгарами, кыпчаками, народами Джучиева улуса, народами Страны Узбека и само государство в различное время называлось по-разному — Страной хазар, Страной булгар, Дашт-и кыпчак, Страной татар и т. д. И власть соответственно переходила от хазарских хаканов к булгарским эмирам, далее к татарским ханам. Теперь же более 300 лет мы находимся в составе русского государства, заключает историк⁵.

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 20.

² Следует отметить в этой связи, что русский ученый В. В. Григорьев дал такую же характеристику политической структуре государства Волжской Булгарии. См.: Григорьев В. В. Россия и Азия. СПб., 1876, с. 98.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 49.

⁴ Там же, с. 49—50.

⁵ Там же, с. 9—10.

Ш. Марджани исходит из некоторой суммы типологических критериев для сравнительной характеристики соседних народов. Более того, он пытается выяснить причины наблюдаемых им черт сходства между различными народами. Он задает резонный вопрос: если эти хазары, булгары, кыпчаки не составляют основу нынешнего народа, то куда же могли подеваться такие смелые и многочисленные народности?¹.

Мнение Марджани по этому вопросу близко к мнению крупного специалиста по истории хазар М. И. Артамонова, который писал: «утратив свои позиции на Волге, хазары скоро исчезают не только как политическое образование, но и как народ... Захлестнутые половецкой волной, хазары скоро потеряли не только политическую самостоятельность, но и этническое своеобразие»².

Если бы хазары не ассимилировались среди булгар и не потеряли своего этнонима, то после возвышения татаро-монголов и их нашествия на Волжскую Булгарию, Русь и на прилегающие к ним территории, они, по мнению Марджани, непременно имели бы дело и с хазарами, а соответственно, в многочисленных исторических книгах были бы какие-нибудь сведения о последних или же об их взаимоотношениях с булгарами³.

Эти суждения Ш. Марджани не лишены основания. Примечательно, что автор нескольких монографий по средневековой истории и культуре южных соседей Руси С. А. Плетнева свою книгу о хазарах заканчивает следующими словами: «В XI в. хазары фигурируют в русской летописи в качестве участников заговора против Олега Тмутараканского. Это последнее упоминание (разрядка наша.— М. Ю.) о них в европейских источниках»⁴. В. В. Бартольд более конкретен в этом вопросе. Он пишет, что «в последний раз хазары упоминаются как соседи Тмутаракани и как участники междоусобий в этом княжестве под 1083 г.»⁵.

Как бы подводя свои суждения под общий знаменатель, Марджани утверждает, что булгары и соседние

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 15.

² Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 445.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 51.

⁴ Плетнева С. А. Хазары. М., 1976, с. 70.

⁵ Бартольд В. В. Хазары. Соч., т. 5, М., 1968, с. 601.

им тюркские племена, потерпев поражение от татар и в конечном счете потеряв свой этноним булгары, стали называться татарами¹.

«Это аналогично тому,— продолжает Марджани, обосновывая свой тезис,— как Испания, Сирия, Копт, Египет, потерпев поражение от арабов, стали на арабский лад называться Андалузией, Ираком, Шаамом и Мисром»². Как видим, Ш. Марджани хорошо пользовался сравнительно-историческим методом.

Таким образом, в конечном счете значительная часть народов Среднего Поволжья до нашествия татаро-монголов представляла собой, по мнению Марджани, более или менее однородную массу под именем булгары.

Археологические исследования советских ученых подтверждают правоту Марджани в этом вопросе. Например, А. Х. Халиков пишет, что «в домонгольское время, но не позднее XII в. население Волжской Булгарии сформировалось в общеповолжскую народность, в своей основе тюркоязычную и в значительной степени мусульманизированную»³.

Основываясь на таких источниках, как сочинения Ибн Фадлана, ал-Истархи, Ибн Хаукаля и ал-Гарнати, и исходя из понятия о генетическом родстве, являющемся первопричиной сходства языка, обычаев и материальной культуры, Марджани устанавливает, в частности, в отношении булгар: «Язык, произведения, оставшиеся от них нравы, обряды и обычаи их — тюркские»⁴.

Многочисленные исследования дают в конечном счете аналогичную картину⁵. Известно и то, что булгары представляли собой особую военно-административную единицу в Тюркютском и Западно-Тюркютском каганатах еще до передвижения из Приазовья на Среднюю Волгу⁶.

Ш. Марджани пытался также решить вопрос о происхождении этнонима «булгар». Еще в «Гилалат аз-за-

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 50.

² Там же.

³ Халиков А. Х. Культура народов Среднего Поволжья..., с. 102.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 11, 16—17.

⁵ Григорьев В. В. Россия и Азия. СПб., 1876, с. 95; История Татарской АССР. Казань, 1955, т. 1, с. 103; Экиев М. З. Татар халкы теленен..., с. 187—188.

⁶ Артамонов М. И. История хазар, с. 105, 162.

ман...» он критиковал версию Г. Утыз-Имяни и другие версии относительно этого этнонима, лишенные аргументации, построенные лишь на формальном языковом сходстве¹.

В «Мустафад ал-ахбар...» он снова возвращается к этому вопросу и выдвигает в качестве рабочих гипотез две версии.

В основу первой из них он кладет известное уже нам положение о том, что булгары — народ, рожденный от тюрков и сакалиба.

«Название их города и страны,— пишет, развивая свой тезис Ш. Марджани,— Булгар, что в тюркском языке означает будущее время глагола от слова «болгамак», а «болгады» — глагол прошедшего времени. Говорят: «запутал дело», «замутит воду». В данном случае оно (слово «булгар».— М. Ю.) субстантивировалось и имеет значение «смесь», «примесь»².

Вторая версия восходит к Абу Хамиду ал-Гарнати. Хотя Марджани строит ее на основе сведений, извлеченных из сочинения «Асар ал-билад ва ахбар ал-ибад» («Памятники городов и сообщения о рабах аллаха»), принадлежащего перу известного арабского космографа Закарии ибн Мухаммеда ал-Казвини (ок. 1203—1283), он оговаривает, что тот пишет со слов Абу Хамида ал-Гарнати³, который со слов булгарского ученого-кади Якуба ибн Нугмана, автора не сохранившейся до наших дней «Истории Булгара», сообщает, что некий прибывший в Булгарию благочестивый человек вылечил от тяжелой болезни царя и царицу и убедил их принять ислам. Прозвали этого человека Буларом или Билярмом, что значит «ученый человек». Это прозвище в арабизированном виде превратилось в Булгар⁴.

В главе «О булгарских ученых и об их произведениях» Ш. Марджани указывает время встречи Абу Хамида ал-Гарнати с булгарским ученым Якубом ибн Нугма-

¹ Марджани Ш. Гилалат аз-заман. Отдельный оттиск. См.: Архив ИЯЛИ КФАН СССР, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1.

² Там же, с. 57. См. так же: Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, с. 31.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 58.

⁴ Там же, с. 78.

ном, которая произошла в 1135 году, и отмечает, что последний умер в 1164 году¹.

Разумеется, трудно судить о достоверности той или иной версии о происхождении этого этнонима. Во всяком случае данные Марджани и вышеприведенные им даты полностью совпадают со сведениями, которые приводит в своем аналогичного характера исследовании русский ученый Д. А. Хвольсон². Они подтверждаются также работами советских ученых³.

Заслуживают внимания и рассуждения Ш. Марджани об этногенезе своего народа, которые вытекают из анализа сведений, извлеченных из сочинений арабских путешественников и историков. В частности, основываясь на сочинении Шамс ад-Дина ад-Димашки «Нухбат ад-дахр фи аджаиб ал-барр ва-ал-бахр» («Выборка времени о диковинках суши и моря»), в котором арабский писатель упоминает о булгарах, совершавших паломничество в Мекку через Багдад, Марджани пишет, что на вопрос: «Что они за народ и кто такие булгары?» паломники отвечали, что «они народ, рожденный от тюрок и сакалиба»⁴. Но вместе с тем это не значит, что Марджани слишком упрощенно понимал этногенез булгар и был готов сделать какой-либо определенный вывод по этому вопросу. Цитируя неоднократно это высказывание Шамс ад-Дина ад-Димашки и указывая этим на пестроту и широкий диапазон компонентов, из которых складывалась болгарская народность, он остерегается делать выводы, оставляет вопрос открытым. Причем он не игнорировал также роли финно-угорского влияния в формировании болгарской народности. По его мнению, большая часть финно-угорского населения Волжской Булгарии вместе с булгарами приняла ислам, но после разрушения города Булгара и ослабления мусульманского влияния отпала от этой религии⁵.

Сообщая факт применения населением Волжской Булгарии персидского календаря⁶, Марджани дает по-

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 78.

² Хвольсон Д. А. Известия о хазарах..., с. 63.

³ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати..., с. 31, 72, 100; Халид Энас Абу Хэмид ал-Гарнати..., с. 152.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 10, 28, 29, 57.

⁵ Там же.

⁶ Там же, т. 2, с. 9.

нять, что в формировании этой народности нельзя игнорировать также и роль других племен, в частности ираноязычных.

Понятие «сакалиба» у Марджани довольно широкое. Он предполагал под этим термином как угро-финнов, так и других народов Европы, в том числе самих булгар, хазар и славян. Арабские историки и путешественники, по его мнению, подразумевали под этим именем народы с внешними отличительными признаками — бледнолицых и светловолосых¹. Подчеркивая сложность и противоречивость этого термина, он писал: «Известно, что мусульманские ученые применяли термин «сакалба», «сакалиба» собирательно по отношению к финнам, тюркам и славянам вместе взятым, но между тем доказано также, что они понимали под ним народы, отличающиеся от тюрок и славян»².

Исследования советских ученых подтверждают, что осторожность, некатегоричность Марджани по этому вопросу были вполне обоснованными. Например, А. П. Ковалевский отмечал, что термин «сакалиба» и по своему происхождению, и по распространенному употреблению на арабском языке означает славян. Но так как авторы не слишком хорошо разбирались в этнических признаках, а тем более в языках северных народов, то этим термином сплошь и рядом обозначали всевозможные северные народы — финнов и булгар. Таким образом, с каждым отдельном случае приходится решать вопрос о том, какое содержание вкладывал в это слово данный автор³.

Этническая связь татар Поволжья с булгарами. Приводя множество исторических фактов, Марджани доказывает, что издревле в Поволжье были очаги высокой цивилизации, население которых вело оседлый образ жизни, занималось земледелием. Когда же случалась засуха на суздальской земле, булгары снабжали хлебом даже своих соседей-славян⁴.

Основываясь на сведениях восточных путешественников, историк приводит множество сравнений между элементами культуры Булгарского государства, Казан-

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 17—19.

² Там же, с. 19.

³ См.: Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана..., с. 15.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 75.

ского ханства и современных ему татар, показывающих их преемственность¹.

Ш. Марджани пишет: «Из-за многочисленных смут и бед, обрушившихся на Булгарию, ее прежнее благополучие пошло на убыль, постепенно все это перешло на Казань, которая и стала наследницей всего этого бывшего величия»². Из содержания «Мустафад ал-ахбар...» явствует, что под многочисленными смутами и бедами историк подразумевал нападения золотоордынских отрядов, после которых «центр хозяйственной и культурной жизни стал все больше перемещаться за реку Казанку, к Казани — «Новому Булгару»³.

По всей вероятности, это перемещение произошло еще до прихода Улу-Мухаммеда. Во всяком случае при описании похода русского правителя Дмитрия Ивановича на Булгар и Казань в 1376 г. во главе объединенных московско-суздальских сил Марджани как бы отождествляет эти два города и их правителей.

Например, он пишет: «В 1374 году новгородцы напали на Булгар. В 1376 году русский правитель Дмитрий Иванович, желая избавиться из-под власти татар и зарясь на богатые болгарские земли, объединился с суздальским войском и, предприняв поход на Булгар, захватил несколько болгарских сел, сжег стены Казани. Жители Казани, выплатив пять тысяч, вынуждены были принять московского тамгачи (сборщика пошлин.— М. Ю.). Эмир Булгара Хасан и его брат Махмуд заключили мир»⁴.

Вышеизложенное дает некоторое основание предполагать, что в это время административным центром Булгарского государства уже являлась Казань. В пользу этого положения говорят и другие данные. Например, русский востоковед В. В. Григорьев, исследовавший эти проблемы несколько ранее Марджани, также подчеркивая значительную роль города Булгара в системе золотоордынских владений, писал, что «... по разрушении же Булгара наследницей утраченной им значительности сделалась соседка его юная Казань»⁵.

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 16—22.

² Там же, с. 8.

³ Смирнов А. П. Волжские булгары, с. 71.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 77.

⁵ Григорьев В. В. Россия и Азия, с. 266.

Преемственность культуры Булгарского государства и Казанского ханства доказывается археологическими данными, которые свидетельствуют о том, что традиции, зародившиеся в болгарской культуре, особенно традиции письменной культуры, религии и обычаев, сохранились и в золотоордынское время, а затем перешли в культуру потомков булгар — современного тюркоязычного населения Поволжья и Приуралья¹.

Более того, территория Казанского ханства, заселенная казанскими татарами, которая определяется археологическими и письменными источниками, совпадает с территорией булгар в поздне-золотоордынскую эпоху². Марджани считает, что многие деревни и мечети в них основаны его соотечественниками — выходцами из Булгара, что их деды искони и вплоть до конца XIX в. называли себя булгарами в противовес названию татары. И поэтому при изложении биографий ученых и писателей историк присоединяет к их родословной слово «булгари», то есть болгарский. А тахаллус «ат-Татари» Ш. Марджани употребляет лишь применительно к правителям крымских татар.

Об этнониме «татары». Марджани хорошо понимал, что этноним «татары», ставший впоследствии самоназванием целого народа, сложился значительно позже этнического формирования и поэтому является исторически условным. Само название второй главы «Мустафад ал-ахбар...» — «Татарские ханы и их прибытие в эти земли» (разрядка наша.— М. Ю.) красноречиво говорит об этом³.

Основываясь на восточных источниках, Марджани доказывает, что испокон веков в Восточной Европе не было ничего известно ни об этнониме «татары», ни о племенах с подобным названием, что эти племена появились из территорий, расположенных вблизи Китая, и этноним этот во времена Темучина закрепился за мон-

¹ Смирнов А. П. Роль Болгарского государства в формировании Казанского ханства.— Труды Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете, 1963, т. 1, с. 65—72; Халиков А. Х. Культура народов Среднего Поволжья..., с. 117—120.

² Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975, с. 86.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 93.

голами¹. «В то время, когда правитель монгольского рода Есугей багатур Бертай ибн Хабул², — пишет Марджани, — одержал победу над главарем татарского рода Темучином, у него родился сын. Сын по этому случаю был назван именем поверженного правителя Темучина. После смерти отца юный Темучин, объединив разрозненные монгольские и татарские племена и устранив своего противника Анак-хана, присвоил себе титул верховного правителя — Чингисхана. После объединения всех земель название «магул» как название рода вышло из употребления, осталось название «татар» как общее название для всех племен, хотя по существу основной род — монгольский³.

С мнением Ш. Марджани созвучна точка зрения Л. Н. Гумилева и В. П. Васильева, рассматривающих татар в XIII в. как часть монголов⁴. Последний, как и Марджани, отмечал, что китайское слово «татань» или «татар» было названием только одного племени и «...поколение Татар при Чингисхане стало царственным и дало название для всех в смысле царства»⁵.

Более определенно по этому вопросу мнение крупного знатока истории и филологии тюркских и монгольских народов В. В. Бартольда, который писал, что «название татар, как прежде называли всех монголов одинаково в Китае, в мусульманском мире и в России, одержалось в России для обозначения турецкого населения

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 93.

² Там же. Персидский историк Рашид ад-дин дает его как Есугей-багатур внук Хабул-хана, отец Темучина. См.: Рашид ад-дин. Сборник летописей. М.—Л., 1952, т. 1, кн. 1, с. 152—153.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 93—94. В тексте «Мустафад ал-ахбар...» под Анак-ханом, вероятно, подразумевается Ван-хан.

⁴ Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970, с. 103.

⁵ Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джуржитахъ и Монголо-Татарахъ. СПб., 1857, с. 128—216. Также заслуживает внимания попытка научно объяснить происхождение термина «татар» от «татань» выдающегося русского синолога Н. Я. Бичурина и его стремление проследить, при каких обстоятельствах произошла передача этого термина современным ему поволжским татарам. См.: Денисов П. В. Никита Яковлевич Бичурин. Очерк жизни и творческой деятельности ученого-востоковеда. Чебоксары, 1977, с. 77.

Крыма, приволжских областей и Сибири (Тобольского края). Насколько известно, сами себя называли татарами только крымские турки, потом упорнее других отвергавшие это название, официально принятое, после некоторых колебаний, приволжскими турками»¹.

По мнению Ш. Марджани, название страны и народа менялось вместе с правителями. Характеризуя состояние Поволжья после нашествия Батые, он писал, что земли, которые прежде занимали Страна сакалибов, Дашт-и кыпчак и государство Булгар, были отданы Чингисханом старшему сыну Джучи. Поскольку Джучи умер еще при Чингисхане, в 1227 г. был возведен на престол Бату с пожалованием ему титула саин², и страна называлась в это время Домом Бату. Во время правления хана Берке эта страна называлась «Барриа ал-Берке» (Земля Берке.— М. Ю.), а во время правления хана Узбека — Страной Узбека и все население региона соответственно называлось узбеками.

«Однако удивительно вот что, — писал Марджани. — Хотя этим именем называлось население этого государства и его правитель, оно детьми Абу ал-Хайр-хана³ было привнесено и закреплено за тюрками Туркестана и Мавераннахра, у которых исчезло название «чагатай». Совершенно забылось название «узбек» у населения Булгара, за ним закрепилось лишь название «татар»⁴. Как видим, Ш. Марджани хорошо понимал, что происхождение народа — это одно, а происхождение его этнонима — дело другое.

Следует подчеркнуть, что в этой связи В. В. Бартольд также отмечал: «По мере распада Золотой Орды и утраты самостоятельности отдельными ее частями слово узбек как народное и государственное название совершенно исчезло из употребления в Южной России и осталось только за теми племенами, которые перешли в Туркестан»⁵.

¹ Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Соч., т. 5, М., 1968, с. 212—213.

² Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 94, 97.

³ Об Абу ал-Хайр-хане см. подробнее: Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 157—158. См. также: Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965, с. 78.

⁴ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 94.

⁵ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч., т. 5, с. 143.

Из вышеизложенного можно заключить, что Марджани, как и передовые русские ученые, в целом с правильных позиций освещал вопросы этнонимов. К их объяснению он подходил не как лингвист, оперирующий лишь языковыми данными, а как вдумчивый историк. Вот почему его суждения о таких этнонимах, как «татар», «монгол», «чагатай», «казах», «кыпчак» и другие, не потеряли значения до настоящего времени и совпадают с точкой зрения В. В. Бартольда и В. В. Радлова¹.

В формировании татарского народа Ш. Марджани отдает известную роль кыпчакским племенам вообще, и пришлым золотоордынско-кыпчакским феодалам, в частности, которые внесли определенные изменения в социально-политический строй булгарского общества и этнический состав его населения.

Однако необходимо отметить, что, когда идет речь о роли в этнических процессах кыпчакского компонента, Ш. Марджани имеет в виду домонгольский кыпчакский элемент. Причем, по его мнению, термин «дашт-и кыпчак» употреблялся как собирательное имя для обозначения различных народностей (сакалибов, хазар, булгар) этого региона, из-за их подчинения в определенное время кыпчакам². Более того, Ш. Марджани считает, что кыпчакских тюрок арабы называли хазарами³.

Роли пришлых феодалов из Золотой Орды в формировании татарского народа историк не придавал существенного значения. Он упоминает о них лишь дважды, когда излагает историю захвата в 1437 г. казанского престола изгнанным из Сарая золотоордынским ханом Улу-Мухаммедом⁴.

Исследования советских ученых подтверждают правоту Марджани в этом вопросе⁵.

¹ См.: Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 7, 13, 93, 94, 152; Бартольд В. В. Двенадцать лекций..., с. 142—143; его же. История турецко-монгольских народов..., с. 211—212; Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899, т. 2, ч. 1, с. 364, 843.

² Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 41.

³ Там же, с. 20.

⁴ Там же, с. 122, 124.

⁵ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 417; Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья, Казань, 1978, с. 107, 125; Зэкиев М. З. Татар халкы теленен..., с. 101.

В главе «Сведения, привлеченные о кыпчаках» Марджани сообщает, что кыпчаки являлись народностью, родственной булгарам, и были их соотечественниками. По его мнению, они причинили много бед и себе и булгарам, так как не захотели выступить сообща с последними против татаро-монголов. В Крыму, в Средней Азии и Казахстане до сих пор обитают некоторые группы людей, вышедшие из кыпчаков и носящие это название, пишет автор¹.

Взаимовлияние и взаимопроникновение двух этих родственных племен — булгар и кыпчаков — отмечают и советские ученые. Видный исследователь Н. Исанбет, например, считает, что вся обширная территория казанских татар прежде была заселена конгломератом тюркских племен, причем у них, в частности у булгар и кыпчаков, много было общего как в языковом, так и в религиозно-обрядовом отношениях². О богатом наследии устного народного творчества булгар и кыпчаков, об общности их творческого наследия писал также Х. Ш. Махмутов³.

Взаимовлияние двух родственных племен — булгар и кыпчаков, близость кыпчакского языка к современному татарскому языку получили отражение во многих исследованиях⁴. По мнению Ш. Ф. Мухамедьярова, постепенная и длительная инфильтрация кыпчаков в среду булгар, начавшаяся задолго до нашествия монголов, несмотря на отдельные политические потрясения, в конечном счете привела к некоторому изменению языка булгар⁵.

Что же касается феодальной верхушки, состоявшей из золотоордынских, астраханских и других татар, то

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 15—16, 40.

² Исәнбәт Н. «Татар халык мәкальләре»нең беренче томына кереш (Введение к первому тому «Татарских народных пословиц»). Казань, 1959, с. 43.

³ Махмутов Х. У. «Коман мәжмугасы»ндагы табышмактар. (Пословицы в сборнике «Кодекс куманикус»).— «Казан утары», 1969, № 1, с. 157—164.

⁴ Радлов В. В. О языке куманов по поводу издания куманского словаря. СПб., 1884, с. 48; Исәнбәт Н. «Татар халык мәкальләре»нең..., с. 48.

⁵ Мухамедьяров Ш. Ф. Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности. М., 1968, с. 10 (Доклад на VIII международном конгрессе этнографических и антропологических наук. Токио, сентябрь, 1968).

она, по мнению Марджани, влилась в состав Казанского ханства позднее — вместе с Улу-Мухаммедом, после распада Золотой Орды¹.

Точка зрения Марджани по этому вопросу заслуживает пристального внимания. Необходимо отметить, что аналогичная мысль высказывалась позднее как дореволюционными, так и советскими исследователями.

Н. А. Аристов писал по этому поводу, что «едва ли в монгольское время приток кочевников был особенно велик в этот край, города которого были разрушены, а селения сильно пострадали во время завоевания. Надо думать, что усиленное возобновление населения произошло здесь после основания Казани и переселения в нее значительной части жителей города из района Нижней Волги во второй половине XV века, когда непрерывные смуты в Золотой Орде сделали процветание оседлости и торговли на Нижней Волге невозможным»².

Более определенно это положение нашло отражение в исследовании профессора Н. И. Воробьева, который писал: «Обосновавшись в Казани, приемники Улу-Магомета принесли сюда золотоордынские традиции, являясь сами феодалами золотоордынских татар, это наименование они распространяют и на население вновь организованного государства. В этот период русские источники начинают наименование «татар» применять уже к населению края, которое до этого они называли или по-старому «булгарами», или по-новому — «казанцами»³.

К сожалению, степень влияния пришлых золотоордынских феодалов на местное население и их численность в трудах Марджани отражены нечетко. Вероятно потому, что он не придавал этому фактору существенного значения. Однако известно, что при анализе тюркоязычного источника «Нахдж ал-Фарadis» он на основании ряда аргументов доказывал, что этот памятник восходит к булгарской традиции и что монгольское влияние не имело превалирующего значения в жизни покоренных народов.

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 122.

² Аристов Н. А. Заметки об этническом составе..., с. 407.

³ Воробьев Н. И. Казанские татары. Казань, 1953, с. 18—19.

В основе анализа памятника лежит прежде всего изучение содержания его текста. Хотя Марджани в основном анализирует содержание памятника, оставляя почти незатронутым вопрос о списках и об его источниках, он проясняет ряд вопросов источниковедения — происхождение памятника и его авторство, время составления памятника и его язык. Относительно текста «Нахдж ал-Фарadis» Марджани отмечает, что написан он в 759 г. хиджры (1357—1358) Махмудом бин Али Бин ас-Сараи ал-Булгари ал-Кардари¹.

На основе второго тахаллуса «ал-Кардари» советский ученый Э. Наджип высказал предположение, что автор памятника получил образование в Хорезме, быть может, даже принадлежал к казахскому роду «кардар»². А турецкий ученый А. З. Тоган, опираясь на тот же тахаллус, пытался связать происхождение этого памятника с Хорезмом³.

Строить такие далеко идущие предположения, как это делает А. З. Тоган, на наш взгляд, достаточных оснований нет. Не мудрствуя лукаво и полностью соглашаясь с М. А. Усмановым⁴ и Ш. Ш. Абиловым⁵ в том, что этот вопрос требует всестороннего исследования, хочется лишь добавить, что Марджани сам в некоторой степени дает ключ к пониманию причин появления подобных тахаллусов, указывая на довольно противоречивый и сложный характер той социальной эпохи в Золотой Орде, когда хана-мусульманина сменял хан-язычник. И в этой чехарде некоторые болгарские ученые были вынуждены спасать свою жизнь бегством с родины в города Средней Азии⁶. Вероятно, этим объясняется происходящий из топонима «Кардар» тахаллус «ал-Кардари» у автора «Нахдж ал-Фарadis». Махмуда бин Али

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 14.

² Наджип Э. Н. О памятнике XIV века «Нахдж ал-Фарadis» и его языке.— Советская тюркология. Баку, 1971, № 6, с. 63.

³ Türkijat mecmuasi. Cild 2. Istanbul. 1926/1927, с. 331—345.

⁴ Госманов М. Тарихтагы тирэн эзләрден. (По глубоким бороздам истории). «Казан утлары», 1970, № 5, с. 165.

⁵ Абилов Ш. Ш. «Нәһжәл-Фарadis»ның яңа кулъязмалары (Новые списки рукописей «Нахдж ал-Фарadis»).— «Татар теле һәм әдәбияты». Казан, 1976, с. 194. Его же. О новонайденных списках памятника XIV века «Нахдж ал-Фарadis».— «Советская тюркология». Баку, 1977, № 2, с. 69—73.

⁶ Марджани Ш. Мукаддима..., с. 357.

ал-Булгари, попавшего в свое время в опалу и бежавшего в Среднюю Азию, в частности, в местечко Кардар. В средние века этнические границы зачастую были слишком зыбки, расплывчаты, Порой трудно и даже невозможно связать с той или иной этнической группой какого-либо деятеля средневековой культуры, многократно менявшего место своего пребывания в центрах огромной империи. Тем более, что в XIII—XIV вв. в условиях вхождения Волжской Булгарии и части Средней Азии в состав Золотой Орды связи между этими районами были восстановлены. В пользу нашей гипотезы говорит и то обстоятельство, что подобные факты не являлись единичными. Такая же участь постигла несколько ранее и болгарского ученого Хаджа Хасана ал-Булгари, который умер в изгнании в Самарканде в 1274 г.¹

Заслуживает внимания, как решает Марджани один из главных вопросов источниковедения — вопрос о происхождении памятника «Нахдж ал-Фарадис». Исходя из содержания текста памятника и его языка, он, на наш взгляд, правильно связывает происхождение памятника с влиянием арабов, идеологией ислама, получившим более широкое распространение у жителей болгарского государства, чем у пришлых монголо-татарских племен.

Содержание сочинения, проникнутое мусульманской религиозной идеологией, отчетливо указывает на то, что оно написано по заказу духовенства и выражает его социальные потребности.

Анализируя язык памятника, Ш. Марджани писал: «Язык этот, вероятно, перешел им (булгарам.— М. Ю.) не от джучидов и не от Орды Батыя, так как он отличается от их языка. К тому же при их правлении мусульмане были очень малочисленны и слабы. Хотя Беркехан в 1242 г. и принял ислам, однако при нем в сущности ислам не смог сколько-нибудь укорениться среди пришлых кочевых племен, которые следуя хану, формально принимали ислам, а также следуя хану-язычнику, пренебрегали им. Ислам среди пришлых татарских племен укоренился лишь при Узбеке и его сыне Джанибеке. По этой причине среди ногайцев бытует поговорка: «Религия осталась от Узбека». Маловероятно, что за короткий

срок они (имеются в виду пришлые монголы.— М. Ю.) навязали свой язык различным племенам, жившим в этом государстве»¹.

Исследования советских ученых показывают правоту Ш. Марджани в этом вопросе. Как пишет исследователь, в политической борьбе за престол монгольские ханы формально принимали ислам, стремясь тем самым заручиться поддержкой местного духовенства и населения. Уверовав же в свои силы, они пренебрегали им с его хлопотными обрядами и возвращались в язычество.

Как утверждал профессор Н. Н. Фирсов, мусульманство свило прочное гнездо в болгарском обществе «... и к приходу татар на болгарскую территорию насчитывало три столетия своей истории. Татары, подчинившись в бывшем болгарском царстве его культуре, невольно подчинились и тому религиозному настроению, которым обладали ее представители»².

Положение Ш. Марджани о маловероятности существенного влияния пришлых монголов на жизнь покоренных местных народов подтверждается множеством исследований. Например, В. В. Бартольд писал, что «...монгольские кочевники, пришедшие на запад, по численности значительно уступали турецким, и в странах, имевших многочисленное кочевое население, как Туркестан и Золотая Орда, потомки монгольских завоевателей скоро утратили свой язык и приняли турецкий»³ (тюркский.— М. Ю.). Как известно, такого же мнения придерживался и видный болгаровед А. П. Смирнов, считавший, что «весь имеющийся материал позволяет утверждать, что завоеватели монголы не оказали существенного влияния на формирование казанских татар»⁴. «При всем преобладании одного племени над другим, при всех показаниях истории, что такое-то поколение было уничтожено другим,— писал В. П. Васильев,— вовсе не надобно допускать, что главные обитатели известной местности составились из пришельцев и победителей, и тем более это относится к языку»⁵.

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 14.

² Фирсов Н. Н. Чтения по истории..., с. 58.

³ Бартольд В. В. Культура мусульманства, с. 193.

⁴ Смирнов А. П. Волжские булгары, с. 75—76.

⁵ Васильев В. П. История и древности..., с. 130.

¹ История Татарской АССР. Казань, 1955, с. 89.

Местные корни памятника «Нахдж ал-Фарадис» Ш. Марджани доказывал также на основе лингвистических данных.

«По характеру письма,— отмечает он, перечисляя наряду с «Нахдж ал-Фарадис» такие произведения, как «Навруз баэтлэре», «Шахре Болгар газилары», «Юсуф китабы» и другие,— эти памятники написаны три-четыре столетия тому назад и очень похожи на надписи болгарских надмогильных камней. Они обнаруживаются только в наших краях и язык этих памятников совершенно непохож на язык османских турок, чагатайцев, туркмен и казахов. Следовательно, при таком положении дел этот язык должен быть языком собственно болгарского народа»,— заключает Ш. Марджани¹.

Необходимо отметить, что жизнь подтверждает преемственность культуры болгар и современных татар. Результаты археологических экспедиций в последние годы показали, что произведение «Нахдж ал-Фарадис» было широко распространено и пользовалось популярностью среди татар еще в недавнем прошлом — в первой половине XIX в. Например, автором настоящих строк найден новый список этого произведения, переписанного в конце 30-х годов XIX в. уроженцем села Верхняя Терешка Старо-Кулаткинского района Ульяновской области мullah Рахматуллой ибн Бахтияр ибн Али ибн Искандером². Рукопись была нам подарена учителем-пенсионером Шакиром Рафиковым, проживающим в вышеуказанном селе, и она в настоящее время хранится в архиве Института языка, литературы и истории им. Галимджана Ибрагимова КФАН СССР под № Ф 39188.

Как видно из вышеизложенного, изучение памятников литературы и болгаро-татарских эпиграфий дало возможность Ш. Марджани прийти к самостоятельным и оригинальным выводам, доказать преемственность культуры болгар и современных ему татар и в конечном счете стоять на правильных позициях при постановке и решении этого вопроса.

О соседях татарского народа. Ш. Марджани ин-

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., Т. 1, с. 13—14.

² Юсупов М. Яна кулъязмалар (Новые рукописи).— Социалистик Татарстан», 1968, 25 августа; Абилов Ш. Ш. О новонайденных списках памятника XIV века «Нахдж ал-Фарадис», с. 71.

тересовали проблемы этногенеза не только поволжских татар, но и башкир, чувашей, марийцев и других народов¹. Что касается вопроса о происхождении башкир, то он считал, что они — народ, наиболее близкий к поволжским татарам. Марджани писал: «На Востоке от города Булгара живут башкиры. Ибн Фадлан, Ибн ал-Асир, ад-Димашки, Ибн Халдун и другие считают их тюрками. Хотя они относятся к разряду финнов, в сущности ими они не являются. Башкиры по своему месторасположению не очень близки к болгарам, они по натуре живее, энергичнее финнов. И к тому же, ввиду того, что они обитают в соседстве с кыпчаками, граничат с ними, и язык их (у башкир.— М. Ю.) имеет отношение к тюркскому — они с легкостью позаимствовали у тюрков язык и религию и полностью превратились в тюрков. Считается, что в башкирском языке из 7—8 слов лишь одно слово финское»². Эти ценные наблюдения Марджани относительно этногенеза башкир не утратили своего значения и в наши дни, и они подтверждаются исследованиями советских ученых. Так, результаты кропотливых поисков эпиграфических памятников на территории Башкирии, данные исследования профессора С. И. Руденко, доказывающие проникновение болгар в юго-западную Башкирию в VII—VIII вв.³, а также материалы экспедиций 1954—1957 гг. в районы северо-запада Башкирии, организованных КФАН СССР под руководством Л. Т. Махмутовой⁴, позволили Г. В. Юсупову «...с уверенностью говорить об обитании с древнейших времен на территории Башкирии болгар, оставивших нам культуру, пока еще мало исследованную»⁵.

Что же касается значения фактора соседства с кыпчаками, отмеченного Ш. Марджани, то в советской этнографической науке нет двух мнений по этому вопросу. Например, Р. Кузеев пишет: «В формировании баш-

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 21—28, 34—40.

² Там же, с. 21.

³ Руденко С. И. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955, с. 329.

⁴ Махмутова Л. Т. О татарских говорах северо-западных районов Башкирской АССР.— Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1962, с. 57—86.

⁵ Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л. 1960, с. 131.

кирской народности, особенно на поздних этапах, заметную роль сыграли кыпчакские племена и этнические группы, которые одновременно явились существенным компонентом в составе татар. Наиболее сильное влияние кыпчакские племена оказали на формирование этнических признаков западных башкир, обусловив тем самым большую близость языка и культуры этой части башкир к языку и культуре татар»¹. Эта этническая близость двух народов обусловила также общность их культуры вообще.

В разделе «Сведения о башкирах» Марджани дает информацию об этом народе, которую оставили Ибн Фадлан, Ибн Русте, ал-Гарнати и другие. Причем автор приводит эти сведения не изменяя, а в таком виде, в каком они остались от этих историков и путешественников. Ш. Марджани лишь изредка комментирует их и высказывает свои замечания, соображения.

В частности, группу тюрков под названием «маджгария», или «маджария», о которой Ибн Русте говорит как о самостоятельном племени, Марджани считает одной из башкирских общин². По его мнению, башкиры — смелый и мужественный народ, что подчеркнуто еще Ибн Фадланом, который во время посещения Волжской Булгарии даже остерегался башкирских племен, поскольку те были очень воинственны³. Марджани также отмечает, что башкиры честно служили России во время нашествия Наполеона Бонапарта, пользовались, как и некоторые группы татар и татар-мишарей, определенными привилегиями у русского государства, однако позже утратили их⁴. Эти по ходу повествования оброненные замечания Марджани, характеризующие башкир как доблестных воинов, а также его наблюдения относительно их привилегированного положения в составе русского государства соответствуют истине. Более обстоятельно они получили освещение в работах русских и советских ученых. В. В. Вельяминов-Зернов, например, также отмечал производство в тарханство башкир «...за бытие их в Крымском, Азовском и другим походах и оказанные при

¹ Народы европейской части СССР. В двух томах. Т. 2, М., 1964, с. 684.

² Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 19.

³ Там же, с. 35.

⁴ Там же, с. 39.

Могила Ш. Марджани на татарском кладбище в Казани. Фото А. Шамилева, сотрудника ИЯЛИ КФАН СССР.

том отличные службы, в засвидетельствование чего даваны им грамоты...»¹.

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями.— Приложение к IV тому ЗИАН, № 6, СПб., 1864, с. 48. См также: Чулошников А. П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.— Л., 1940, с. 8—9.

Интересны также наблюдения Ш. Марджани относительно других соседей татарского народа, в частности, чувашей и марийцев. Историк пишет: «Чувашские общины по языку и по своему местонахождению были близки к булгарам. Хотя их (чувашей.— М. Ю.) разговор и напоминает финский диалект, в языке их более половины слов тюркские. Говорят даже, что они как будто одна из ветвей тюрков»¹.

Из вышеприведенной цитаты нетрудно заметить некоторую неопределенность в высказываниях Марджани. В частности, по ним трудно отнести чувашский язык определенно к одному из двух языков — тюркскому и финскому. Впрочем, сложность и спорность этого вопроса нашли отражение и в работе В. В. Бартольда, который полагал, «... что чувашский язык не принадлежит ни к тем, ни к другим и должен быть признан или третьим звеном в этой цепи, или, во всяком случае, остатком того периода, когда признаки турецких языков еще не успели образоваться»².

Подобной же точки зрения по этому вопросу придерживаются Б. А. Серебренников и М. З. Закиев³.

Некоторая неопределенность в высказываниях Ш. Марджани, на наш взгляд, обусловлена слабостью археологической науки того времени. Именно из-за отсутствия археологических данных, недостаточной разработанности таких специальных исторических дисциплин, как восточная археология, нумизматика и этнография, и невозможности в силу этого заглянуть в глубинные процессы этногенеза тюркоязычных народов не удалось прояснить ранние этапы этногенеза этих народов, определить более конкретно истоки и этнический состав населения Волжской Булгарии. Впрочем подобная неопределенность характерна для всех работ домарксистской историографии. Так, В. В. Григорьев, несколько ранее Марджани писавший о хазарах и булгарах, «по

отдаленности времени и недостатку положительных сведений» ограничился в основном арабскими известиями, русскими летописями и разбором работ своего предшественника Х. Д. Френа¹. Не следует забывать, что в то время, когда работали эти ученые, не были еще выявлены и критически изучены источники о народах Поволжья и Приуралья. Работа В. Г. Тизенгаузена «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» появилась лишь в 1884 г., то есть почти одновременно с «Мустафад ал-ахбар...». И вероятно, чувствуя отсутствие надежной источниковедческой базы, Ш. Марджани высказал свои наблюдения об этногенезе этих народов в порядке постановки вопроса.

Марджани склонен считать, что определенная часть соседей булгар — чуваша и черемисы² вместе с булгарами или же несколько позже также принимали ислам. Однако в отличие от булгар эта религия, по его мнению, не смогла сколько-нибудь прочно укорениться у них. Он объясняет это обстоятельство географическим фактором. Чуваша, по его мнению, раньше черемисов принимали ислам, поскольку последние жили обособленно среди гор и лесов³. Однако и те и другие в отличие от булгар, имевших тесные торгово-экономические и культурные связи с развитыми мусульманскими странами, жили замкнуто, вдали от судоходных рек, среди гор и лесов и, следовательно, не были вовлечены в орбиту мусульманской цивилизации; после включения Поволжья в состав России оба этих народа приняли христианство⁴.

Именно принятием на какое-то время ислама объясняется, по мнению Марджани, наличие чувашских и черемисских элементов в языке эпитафий древних булгарских и казанских кладбищ, находящихся на горной стороне, и обряды захоронения, характерные для мусульман⁵.

¹ См.: Григорьев В. В. Россия и Азия, с. 45—65, 79—106.

² Марийцы в прошлом были известны под названием «черемисы». Ш. Марджани употребляет это прежнее название, так как лишь с образованием Марийской автономной области утвердилось самоназвание «мари», «марий».

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 21.

⁴ Там же, с. 23—24.

⁵ Там же, с. 29.

¹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 21.

² Бартольд В. В. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей. Соч. Т. 5, с. 456.

³ Серебренников Б. А. Происхождение чуваш по данным языка. В кн.: О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957, с. 43; Закиев М. З. Татар халкы теленен..., с. 148.

Этим объясняет Марджани наличие заброшенной около девяти столетий тому назад мечети в чувашском селе Хужа Хасан (искаженное Хужа Сан.— Ш. Марджани), население которого, даже после принятия христианства, говорило на арском¹ и тюркском языках, хотя одежда и обычаи их остались чувашскими².

Этим объясняет, наконец, Марджани наличие у чувашей села Байтирак грамоты на управление именем, выданной Иваном IV мусульманским мирзаям (разрядка наша.— М. Ю.), предкам этих чувашей³.

Вопрос о происхождении чувашей в историко-этнографической литературе еще не получил полного разрешения. До настоящего времени остается неясным вопрос о языковой принадлежности тех древних племен, которые положили начало чувашскому этносу. К тому же при известной стройности гипотезы Ш. Марджани довольно спорна и противоречит известному положению В. В. Бартольда о невероятности возврата к языческому состоянию народов, бывших когда-то мусульманскими или же имевших соприкосновение с мусульманской городской культурой⁴. Единственным критерием и опорой для обобщений должна служить логика событий, когда их последовательность и взаимосвязь могут быть установлены.

Подводя итог изложенному, необходимо констатировать, что использование большого количества разнообразных местных материалов, причем значительная часть которых была впервые введена в научный оборот, сопоставительный анализ их со сведениями, извлеченными из арабских, персидских и турецких источников, позволило Ш. Марджани сделать широкие обобщения, которые необходимо, на наш взгляд, учитывать в дальнейшем при решении проблемы этногенеза поволжских татар, хотя бы в историографическом аспекте.

Положительной стороной подхода Марджани к этой проблеме является то, что он признавал многокомпонент-

¹ Под араби Марджани подразумевает предков современных удмуртов. Известно, что в русских письменных памятниках XVI—XVII вв. удмурты упоминаются под названием «ара», «аряне», «отяки».

² Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., т. 1, с. 25—26.

³ Там же, с. 29.

⁴ Бартольд В. В. Болгары. Соч., т. 5, с. 520.

ность татарского этноса, считал необходимым учитывать взаимовлияния и этнические контакты болгар с кыпчаками и другими народами, вошедшими составными частями в этнос татарского народа.

Разумеется, мы не склонны считать, что все положения и выводы Марджани абсолютно верны. Точно также мы далеки от мысли, что он решил проблему этногенеза поволжских татар вообще. Она считается одной из самых сложных и узловых проблем истории народов Поволжья. Она не только не решена, но и достаточно не исследована. Существование множества теорий и предположений настоятельно требует дальнейшего комплексного исследования этой проблемы и изучения первоисточников. И тем ценнее, на наш взгляд, материал об этногенезе народов Поволжья, оставленный Ш. Марджани в прошлом веке и не вошедший еще в научный оборот.

Важно и то, что когда во второй половине XIX в. формирование татарской буржуазной нации вступило в решающий этап своего развития, когда после отмены крепостного права отчетливо намечались тенденции к пробуждению ее самосознания, с одной стороны, и к необходимости ломки национальных барьеров, к приближению ее к передовой русской культуре — с другой, Ш. Марджани поставил проблему этногенеза, нацелив ученых на ее решение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большой интерес для советской исторической науки представляет изучение исторического наследия с позиций марксизма-ленинизма.

Среди татарских историков второй половины XIX в., наследство которых привлекает все большее внимание, первое место принадлежит Шигабутдину Марджани. Человек широкого кругозора и разнообразных научных интересов, он, несомненно, отдавал предпочтение истории и полностью проявил себя в этой области. Анализ трудов ученого показывает, что интерес к прошлому своей страны у него был огромен и стал целью жизни, посвященной пробуждению своего народа и освобождению его от феодальных пережитков.

Ш. Марджани был одним из первых историков из татар, который в качестве предмета исторической науки начал рассматривать не только военные и политические события, но и социально-экономические и идеологические явления, хотя в его трудах они и не получили достаточного отражения. Во многих отношениях он выступал как исследователь-новатор, предпринявший попытку определить предмет и место исторической науки в связи с написанием гражданской истории татарского народа.

Исторические взгляды ученого проникнуты глубоким патриотизмом, труды его пронизаны идеей возрождения страны и пробуждения своего народа, освобождения его от пут патриархальщины. Уделяя значительное внимание прошлому своего народа, его этногенезу, историк не впал в национальную ограниченность и расизм, а проявил немалый интерес к истории сопредельных стран и народов. Он отстаивал в целом прогрессивную мысль о том, что все народы наделены одинаковыми умственными способностями. Передовые социальные взгляды Марджани проявились в положительной оценке им зна-

чения русской культуры и русского языка, европейской системы обучения и т. д.

Ш. Марджани удалось привлечь к исследованию большой комплекс самых разнообразных источников, в том числе восточных, ранее не известных историкам народов Поволжья. Собранный им огромный по объему материал был впервые введен в научный оборот. Сам факт привлечения неопубликованных археографических и нумизматических документов, осмысления их с позиций историка рационалистического направления свидетельствует о большой заслуге ученого.

Особенность его метода исследования истории состоит в использовании большого комплекса источников: повествовательных, актовых, историко-археологических, этнографических и других. В целом для него характерны широкий охват источников, разнообразные приемы их изучения и анализа, критическое их осмысление.

Главным недостатком его методологии и метода исследования является идеалистический эклектизм, непонимание классового характера источников.

Прогрессивность исторических взглядов Ш. Марджани на жизнь и развитие общества проявляется в том, что он сурово осуждал захватнические войны, разбой, насилие, порабощение одного народа другим. Он был убежденным противником войн и тирании и высоко ценил мир.

Ш. Марджани признавал важную роль экономических факторов, значение общественного разделения труда и географической среды в жизни и развитии общества. Это, безусловно, является результатом восприятия им идей Ибн Халдуна и передовых русских ученых, что также составляет прогрессивные аспекты его творческого наследия.

Марджани, недопонимая объективных закономерностей развития общества и относя причину происходящих в нем изменений в область разума, психики, несколько преувеличивал роль отдельной личности в истории, хотя и не абсолютизировал ее значение. В великих людях его привлекали не только полководческий талант, но и такие качества, как забота о благе народа, просвещенность, великодушие, что, несомненно, составляет гуманистический аспект его исторических взглядов. Но

вместе с тем он недооценивал роль народных масс в историческом процессе, что показывает его историческую и классовую ограниченность, обусловленную условиями современной ему эпохи.

Марджани были чужды тенденции этноцентризма и расизма. Он считал, что издревле народы заимствовали культурные достижения друг у друга и развивали их, оставляя преемственно последующим поколениям.

Ш. Марджани высоко ценил вклад народов Востока в прогресс человечества и выступал против традиционного для буржуазной науки деления народов на исторические и неисторические. Затрагивая вопросы взаимоотношения духовной культуры Востока и Запада, он отмечал их взаимовлияние и взаимопроникновение.

Однако Марджани не всегда был последовательным в этом вопросе. Он в известной мере переоценивал роль культурных влияний, в частности арабского халифата и мусульманской религии, на народы, находившиеся ранее в состоянии язычества.

Несмотря на эти уступки религиозно-идеалистическому мировоззрению, взгляды Марджани на проблему исторической преемственности «Восток — Запад» можно оценивать как положительные, а его предостережения о порочности европоцентризма — актуальными как для своего, так и последующего времени.

Использование разнообразных местных материалов, сопоставительный анализ их со сведениями, извлеченными из арабских, персидских и турецких источников, позволили Марджани сделать широкие обобщения и в целом правильно осветить и вопрос о происхождении татарского народа.

В противовес пресловутой «мусульманской общности», за которую ратовало мусульманское духовенство, Ш. Марджани отстаивал самостоятельность татарской нации, доказывал в своих трудах многокомпонентность ее происхождения.

Ш. Марджани также хорошо понимал, что термин «татары» не соответствует этнической принадлежности народа, в формировании которого основную роль играли тюркские компоненты, и что этот термин, впоследствии ставший этнонимом для местного населения, сложился исторически.

Мировоззрение Ш. Марджани и его творчество об-

наруживают как величие и широту, так и узость, ограниченность и непоследовательность. Они направлены против религиозного догматизма и обскурантизма, хотя сами религиозны в своих истоках. В них отразились как передовые демократические идеи второй половины XIX в., так и ограниченность идей буржуазной историографии.

Однако элементы рационализма и демократизма в мировоззрении ученого были основополагающими.

Начав отстаивать право личности на самоутверждение и творческую активность, а также критиковать отжившие традиционные понятия и духовные ценности, Марджани в некоторой степени приблизился к социальным обличениям, которые проявились в саркастической критике схоластического обучения, в осуждении им системы рекрутчины и судопроизводства в царской России, коррупции самодержавной власти. Его идеи, хотя и облекались в теологическую оболочку, традиционную для той исторической эпохи, безусловно, послужили сильным толчком для пробуждения общественной мысли, оказали положительное влияние на творчество Г. Тукая, Ф. Амирхана, Х. Ямашева, Г. Ибрагимова и других.

Широк и разнообразен круг вопросов, которые стремился поставить и решить историк с передовых рационалистических позиций. Но он не всегда был последовательным. Неопределенность, противоречивость в выводах, свойственные подавляющему большинству даже прогрессивных общественно-политических деятелей до марксистского периода историографии, несколько отразились и на его мировоззрении, трансформировавшем ряд ошибочных положений буржуазной исторической науки.

Ш. Марджани не сумел подойти с правильных позиций к общественному строю в самой России, а следовательно, и в Татарии.

В этом также сказалась историческая и классовая ограниченность взглядов Ш. Марджани. Не сумев освободиться от идеалистических пут, он, как в последующем и большинство буржуазных идеологов, в процессе осмысления общественной действительности неизбежно подменяет его социально-экономический аспект этическим. И поэтому у Марджани, естественно, на первом плане стоят рационализм с его идеей непрерыв-

ного развития разума, ставка на духовные средства борьбы, на просветительство, на реформистский путь развития.

Те идеи парламентаризма, которые получили распространение и стали ведущими в результате буржуазных революций на Западе в XVII—XIX вв., в условиях России и особенно Казанского края оказались подавленными или же загнанными в подполье мракобесием, религиозным фанатизмом и непосредственно царской цензурой.

Нельзя упускать из виду и то, что ученый большую часть своей жизни прожил в условиях феодализма. Он продукт определенной социальной эпохи, и противоречивость его мировоззрения и творчества целиком обусловлена сложными социальными условиями.

Известно, что любые социальные движения — это движения людей мыслящих, впитавших в свое сознание определенные идеи, людей, поступки которых мотивируются ценностями и идеалами современной им эпохи и социальной среды. Невозможно понять их поведение и, следовательно, научно объяснить исторический процесс, если не учитывать в полной мере те ценностные ориентации и критерии, которыми руководствовались, вольно или невольно, люди в феодальном обществе. В этой связи вполне уместно привести слова Ф. Энгельса: «Впрочем, в такой стране, как ваша, — пишет он Г. В. Плеханову 26 февраля 1895 г., — где современная крупная промышленность привита к первобытной крестьянской общине и одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации, в стране, к тому же в интеллектуальном отношении окруженной более или менее эффективной китайской стеной, которая возведена деспотизмом, не приходится удивляться возникновению самых невероятных и причудливых сочетаний идей... Постепенно, с ростом городов изолированность талантливых людей исчезнет, а с ней исчезнут и эти идейные заблуждения, вызванные одиночеством, бессистемностью случайных знаний этих чудаков-мыслителей...»¹

Таким образом, исторически обусловленные заблуждения Ш. Марджани исходят в конечном счете из не-

зрелости экономических и социально-политических условий России вообще, и Казанского края, в частности. Как и другие представители общественной мысли до-марксистского периода, он не мог подняться до понимания подлинных законов развития общества. Он был не в состоянии уяснить сущность государства, классовой борьбы, закономерности развития капитализма, не мог понять всемирно-исторической роли пролетариата.

Как было уже отмечено, будучи противником войн и тирании, Ш. Марджани высоко ценил мирную эволюцию общественной жизни и возлагал надежды на преобразования и реформы и в этом заключается ограниченность его мировоззрения. На этом основании некоторые исследователи относили его к категории буржуазных реформаторов.

Но если вникнуть в суть предлагавшихся Марджани преобразований, в их социальное содержание и направленность, то легко убедиться; что они имеют демократический характер. Выдвинутая им программа преобразований хотя и содержала некоторые ошибочные и утопические положения, в целом отражала реальные потребности татарского общества и отвечала задачам его развития. Конечно, известная часть планируемых им и проведенных в жизнь реформ и преобразований (например, изъятие медресе из-под влияния честолюбивых богачей и предоставление им автономии, гласный суд, демократизация рекрутчины), отвечала интересам как трудящегося населения, так и растущей татарской буржуазии, но в конечном счете объективно соответствовала интересам широких народных масс. Принимая во внимание то, как активно боролся Марджани за решение этих проблем, настраивая против себя реакционных мулл и ишанов, нельзя не прийти к выводу, что его «реформизм» вовсе не отрицал его демократизма.

Наконец, необходимо рассматривать деятельность Ш. Марджани с позиций тех конкретно-исторических условий, которые существовали в Казанском крае во второй половине XIX в. Недопустимо оценивать ее с точки зрения более поздних условий, скажем, тех, в которых протекала деятельность Х. Ямашева, Г. Тукая, Г. Кулахметова и других, когда в крае развернулось активное рабочее движение и появились марксистские организации. При таком подходе мы найдем немало

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 344.

Сводная таблица научных трудов Ш. Марджани

I. Изданные труды

положительного в его общественно-исторических и социальных взглядах и по достоинству оценим его научную и просветительскую деятельность.

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на некоторую историческую и классовую ограниченность, Ш. Марджани в своих работах отчетливо проявил злободневные и передовые для своего времени рационалистические идеи, дух полемики и бунтарства, находившие сочувствие и поддержку среди передовой части татарской интеллигенции.

Произведения Ш. Марджани, несколько не утратившие своей практической и теоретической ценности, представляют собой достойный памятник татарской культуры второй половины XIX века.

№№ п/п	Названия произведений	Количество страниц. Место и год издания	Примечание (краткая аннотация)
1	Гурфат ал-хавакин лиарфат ал-хавакин (Жилища хаканов для познания их жизни)	36, Казань, тип. ун-та, 1864	Труд по истории Средней Азии X—XII вв. Имеется рец. в журн. „Анг“, 1914, № 4, с. 74—76.
2	Назурат ал-хак фи фардиат ал-гашаи ва ин лам йагаб аш-шафак (Обозрение истины относительно обязательности вечерней молитвы, если не наступают сумерки)	164, Казань, тип. ун-та, 1870	Философско-мировоззренческий труд. Имеется рецензия ученых Индии. См.: Архив УИИЯЛ БФАН СССР, ф. 7, д. 12, л. 178.
3	Гилалат аз-заман фи тарихи Булгар ва Казан (Завеса времени, покрывающая историю Булгара и Казани)	28, Казань, тип. ун-та, 1878	Труд по истории Волжской Булгарии и Казани. Издан также в пер. на русский язык. См.: Труды IV археологического съезда в России. Т. 1, отд. 2, Казань, 1884, с. 40—58.
4	Ал-фаваид ал-мухимма (Большая польза)	41, Казань, тип. ун-та, 1878	Труд по истории издания коранов в России, а также о куфическом Коране в СПб. Публич. библиотеке.
5	Мунтахиб ал-вафият (Избранные некрологи)	22, Казань, тип. ун-та, 1879	Выборки из рукописного труда „Некрологи предшественникам, заветы потомкам“.
6	Хак ал-магрифа ва хусн ал-идрак (Истина познания и красота постижения)	96, Казань, тип. ун-та, 1880	Труд о мусульманской юриспруденции. Написан в какой-то мере как ответ своим идейным противникам,

Продолжение таблицы

№№ п/п	Названия произведений	Количество страниц. Место и год издания	Примечание (краткая аннотация)
7	Мукаддима китаб вафийат ал-аслаф ва тахийат ал-ахлаф (Введение к книге „Некрологи предшественникам, заветы потомкам“)	411, Казань, тип. Г. М. Вячеслава, 1883	ополчившимся против „Назурат ал-хак...“ В Архиве ИЯЛИ КФАН хранится цензорский экземпляр рукописи „Мукаддима...“ См.: Ф. 22, оп. 1, ед. хр. 8
8	Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар (Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара. Т. 1.)	264, Казань, тип. Б. Л. Домбровского, 1897	1-й том этого сочинения издан впервые в 1885 г. Однако экземпляры этого издания встречаются редко
9	То же, т. 2	368, Казань, типо-литограф. ун-та, 1900	Рассматривается история просветительских учреждений татар (медресе), а также даются краткие сведения о их преподавателях (мударрисах)
10	Ал-барк ал-вамиз фи радди галя ал-багиз ал-мусами би ал-накиз (Сверкающая молния для отражения подлых нападок)	133, Казань, тип. Г. М. Вячеслава, 1888	Произведение написано для отражения нападок идейных противников. Значительная часть посвящена вопросам юриспруденции и ономастики. Остальная часть состоит из самостоятельных сочинений, указанных в позициях 11, 12 и 13, изданных вместе в одной книге. Предпоследнее и последнее сочинения достойны пристального внимания, так как автор приводит в них образцы крас-
11	Хак ал-байан ва ат-тасвир фи масъалати ходус ал-галам ал-амр ва ат-такдир (Правдивое объяснение и описание вопросов возникновения мира и предопределения)		
12	Муваззанат ал-адаб (Сопоставление литератур)		

Продолжение таблицы

№№ п/п	Названия произведений	Количество страниц. Место и год издания	Примечание (краткая аннотация)
13	Китаб маджмугат ал-ашар (Книга образцов поэзии)		норечия из поэзии Востока в собственной интерпретации, что помогает уяснить его эстетические критерии.
14	Ал-хикмат, ал-балига ал-джуннийа фи шархи ал-гакаид ал-ханафийа (Зрелая философия, помогающая объяснить веру ханифитов)	168, Казань, тип. Г. М. Вячеслава, 1888	Комментарий к сочинению средневекового богослова Сауда ад-Дина Масуда Тафтазани. Комментарий носит философско-методологический характер.
15	Хазамат ал-хавашли изахат ал-гавашли (Свод комментариев для снятия пелены, заслоняющей истину)	444, Казань, тип. М. Чирковой, 1889	Комментарий к мусульманской юриспруденции
16	Ал-хак ал-мубин фи махасин авдаг ат-дин (Очевидная истина о достоинствах веры)	18, Казань, тип. М. Чирковой, 1889	Издан как приложение к указанному в позиции № 15 комментарию
17	Ал-тарикат ал-масали ва ал-акидат ал-хасани (Образцовый метод и наилучшее убеждение)	15, Казань, тип. М. Чирковой, 1890	Трактат о мусульманской юриспруденции, имеются также сведения о культуре речи и логике
18	Рихлат ал-Марджани (Путешествие Марджани)	29, Казань, тип. М. Чирковой, 1898	Путевые заметки Ш. Марджани в путешествии по Саудовской Аравии, Египту, Сирии и Турции. Изданы Ризаутдином Фахрутдиновым

II. Труды, хранящиеся в рукописном виде

- 19 Вафийат ал-аслаф ва та-хййат ал-ахлаф (Некрологи предшественникам, заветы потомкам)
Т. 1. 707 с.
Т. 2. 1150 с.
Т. 3. 1030 с.
Т. 4. 746 с.
Т. 5. 485 с.
Т. 6. 535 с.
Т. 7. 572 с.
- 20 Ал-газб ал-фурат ва ал-ма аз-залял (Освежающая вода)
Рукопись содержит 200 стр.
- 21 Ихтисар китаб ан-наджум аз-захира фи ахвали Миср ва ал-Кахира (Краткий очерк о ярких звездах Египта и Каира)
Рукопись содержит 407 с.
- Составленный по системе некролога биобиблиографический свод о жизни знаменитых лиц. В нем широко представлены деятели науки и культуры мусульманского Востока и их произведения. Хронологически охватывает период от VI в. до современной автору эпохи. Общий объем произведения, не включая 7-го тома (дубликата 6-го тома), составляет 4653 страницы. См.: ОРРК НБ КГУ. Т. 1460. Ед. хр. 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615.
Автор писал этот труд в течение всей своей жизни.
- Комментарий к сочинению среднеазиатского ученого-богослова Джалал ад-Дина Мухаммеда ад-Дувани (XV в.) Был известен как комментарий „К мулле Джалал“. Есть сведения, что он издан в Стамбуле. См.: Сб. „Марджани“, с. 367. В ГПБ хранится хорошо сохранившаяся рукопись этого сочинения под шифром АР. н. с. 550. Что же касается стамбульского издания, то нам оно не встретилось.
- Сочинение представляет собой компилятивные сведения о выдающихся ученых Египта, извлеченные из произведения под таким же названием, принадлежащего перу известного египетского историка Абу-л-Махасин ибн Тагрибирди (1421—1469). Состояло из 2-х томов. См.: „Марджани“, с. 336.
В настоящее время имеется рукопись 1-го тома в архиве ИЯЛИ КФАН СССР. Ф. 39, № 24.

- 22 Танбих абна ал-гаср аля тан-зия анба аби ан-Наср (Извещение сынов эпохи беспристрастными известиями Абу Насра (ал-Курсави). Рукопись содержит 12 стр.
- 23 Аглам абнаи ат-дахр би ахвали ахл Мавераннахр (Уведомление сынов эпохи о положении жителей Мавераннахра)
- Рукопись имеется в ОРРК НБ КГУ. Инв. № 1468.
- О рукописи этого труда упоминается в Египте. См.: Дворец книги. Ф. 308, ед. хр. 10433. О содержании этого произведения исследователи писали в 1915 г. (См.: ИОАИЭ, 1915, т. 29, вып. 1—3, с. 126—128). В Казани рукопись не сохранилась.

III. В сборнике „Марджани“ (с. 367—369) составители упоминают следующие труды Ш. Марджани, оставшиеся нам недоступными:

- 24 Китаб ан-насаих (Книга наставлений)
- 25 Рисалат фи масаил ан-нахви (Исследование вопросов грамматики)
- 26 Шарх мукаддима ар-рисалат аш-шамсия (Комментарий к введению трактата „аш-Шамсия“)
- 27 Тахарир ал-муфрад (Самостоятельное редактирование)
- 28 Джавамиг ал-хукм ва заранг ан-нагм (Свод решений и средство благоденствия)
- 29 Манасик ал-хаджи (Обряды паломничества)
- 30 Машаригу ал-усули (Наброски принципов)
- 31 Тазкират ал-муниб би гадам тазкияти ахл ас-салиб (Памятка о недопустимости употребления мяса животных, забитых христианами)
- 32 Ал-масал ал-уля (Идеал)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Архив востоковедов.
 АН — Академия наук.
 АР. н. с. — Арабское научное собрание (рукописей).
 БСЭ — Большая советская энциклопедия.
 БФАН — Башкирский филиал АН СССР.
 ВИ — «Вопросы истории», М.
 ВИМЛ — «Вестник истории мировой литературы», М.
 ВНА — «Вопросы научного атеизма», М.
 ВНОТ — «Вестник научного общества татароведения», Казань, 1925—1930.
 ВС ОРРК НБ — Восточный сектор отдела рукописей и редких книг научной библиотеки.
 ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
 д. — дело.
 ЖС — «Живая старина».
 ЗВОРАО — «Записки восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб., Пг.
 ЗИАН — «Записки Императорской Академии наук», СПб.
 ИВ — Институт востоковедения.
 ИВАН — Институт востоковедения АН СССР.
 ИВЛ — Издательство восточной литературы.
 ИКФАН — «Известия Казанского филиала АН СССР», Казань.
 ИНА — Институт народов Азии АН СССР.
 ИОАИЭ — «Известия Общества археологии, истории и этнографии» при КГУ, Казань, 1878—1929.
 ИРАН — «Известия Российской Академии наук», Пг.
 КГУ — Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина.
 КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия.
 КИЯЛИ — Казанский институт языка, литературы и истории.
 КФАН — Казанский филиал АН СССР.
 л. — лист.
 ЛО ИВАН (ИНА) — Ленинградское отделение Института востоковедения (Института народов Азии) АН СССР.
 ЛОА — Ленинградское отделение архива АН СССР.
 МИТ — сборник «Материалы по истории Татарии», Казань, 1948.
 МПВНКВ — «Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июня 1957 г.» Ташкент, 1958.

- НАА — «Народы Азии и Африки. История, экономика, культура», М.
 НБ — Научная библиотека.
 НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР
 ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии при КГУ.
 ОР — Отдел рукописей.
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
 РАО — (Имп.) Русское археологическое общество.
 Рец. — рецензия.
 РС — «Русская старина», СПб.
 СА — «Советская археология», М.
 Сб. — сборник.
 СГН — Серия гуманитарных наук.
 Сост. — составитель.
 ТВОРАО — «Труды восточного отделения Императорского русского археологического общества», СПб.
 Тетр. — тетрадь.
 Тр. КФАН — Труды Казанского филиала АН СССР.
 УЗИБАН — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», М.—Л., М.
 УЗКГПИ — «Ученые записки Казанского государственного педагогического института», Казань.
 УИИЯЛ — Уфимский институт истории, языка и литературы БФАН.
 ФАР — Фонд арабских рукописей.
 ЦГА БАССР — Центральный государственный архив Башкирской АССР.
 ЭВ — «Эпиграфика Востока», М.—Л.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма¹

- Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. Т. 8.
Маркс К. Капитал. Т. 23.
Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Т. 4.
Маркс—Энгельсу, 28 января 1863 г. Т. 30.
Маркс К. Хронологические выписки. Тетр. I. Государства Востока (1092—1291).— Архив Маркса и Энгельса. Т. 5. М., 1938.
Маркс К. Хронологические выписки. Тетр. IV. Обзор истории Скандинавии и России до начала Тридцатилетней войны. Архив Маркса и Энгельса. Т. 8, М., 1946.
Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство. Т. 19.
Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. Т. 22.
Энгельс Ф. Диалектика природы. Т. 20.
Энгельс Ф. История Ирландии. Т. 16.
Энгельс Ф. Карл Маркс. Т. 19.
Энгельс Ф. К истории первоначального христианства. Т. 22.
Энгельс Ф. Книга откровения. Т. 21.
Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. Т. 7.
Энгельс Ф. К смерти Карла Маркса. Т. 19.
Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии. Т. 1.
Энгельс Ф. Георгию Валентиновичу Плеханову, 26 февраля 1895 г. Т. 39.
Энгельс Ф. Предисловие к итальянскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1893 года. Т. 22.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Т. 21.
Ленин В. И. Главная задача наших дней. Т. 36.
Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. Т. 41.
Ленин В. И. Карл Маркс. Т. 26.
Ленин В. И. Крах II Интернационала. Т. 26.
Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма. Т. 2.

¹ Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по 2-му изданию Сочинений; произведения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

- Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Т. 18.
Ленин В. И. О пролетарской культуре. Т. 41.
Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся? Т. 2.
Ленин В. И. Проект программы нашей партии. Т. 4.
Ленин В. И. Статистика и социология. Т. 30.
Ленин В. И. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического интернационала. Т. 41.
Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма. Т. 23.
Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972.

II. Архивные источники, неопубликованные рукописные материалы

- Архив ИЯЛИ КФАН СССР, ф. 22, оп. 1, дд. 7—10; ф. 39, оп. 1, дд. 9, 24.
Архив УИИЯЛИ КФАН СССР, ф. 7, оп. 1, дд. 12, 14.
Гульбин Г. Г. Библиографический словарь русских и советских арабистов. Под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М., 1940, ч. 1 и 2 (машинописн. экз.). АВ ЛО ИВАН СССР, ф. 78, оп. 1, дд. 1, 2.
ЛОА, ф. 778, оп. 1, д. 19.
ОР ГПБ. Ар. н. с. 550.
ОР ИВАН УзССР. инв № 10739, 15741.
ОР ЛО ИВАН СССР. В. 2646. (Автограф 2-го тома «Мустафад ал-ахбар...»)
ОРРК НБ КГУ, Т. 1460, ед. хр. 609, 610, 612—615; т. 1967.
ЦГА БАССР. Фонд Оренбургского духовного собрания. И-295, оп. 3, д. 3499.

III. Опубликованные источники и исследования

- Абдуллин М., Батыев С. Татарская АССР: реальность и буржуазные мифы. Казань, 1977.
Абдуллин Я. Г. Проблема национального самосознания в наследии татарских просветителей.— В кн.: Материалы сессии Научного совета АН СССР по истории общественной мысли и Академии наук Латвийской ССР. М., 1974, вып. 4, ч. 2.
Абдуллин Я. Г. Рационалистическая критика мусульманского богословия и суфизма.— В кн.: ВНА. М., 1974, вып. 16.
Абдуллин Я. Г. Татарская просветительская мысль (Социальная природа и основные проблемы). Казань, 1976.
Абдуллин Я. Г., Фасеев К. Ф., Н. Г. Чернышевский и татарская общественная мысль. Казань, 1978.
Абилов Ш. Ш. О новонайденных списках памятника XIV века «Нахдж ал-Фарadis». — «Советская тюркология», 1977, № 2.
Авдиев В. И. История древнего Востока. 2-е изд. Л., 1953.
Алишев С. Х. Каюм Насыри и Мухаметзян Аитов.— В кн.: Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри, Казань, 1976.
Алишев С. Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973.
Аникеев Н. П. Европоцентризм и востокоцентризм: их

- идейное родство и реакционная сущность.— В кн.: Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки. М., 1970.
- Аникеев Н. П. К вопросу о роли религий и традиций в идеологии афро-азиатского национализма.— В кн.: Некоторые вопросы идеологической борьбы в странах Азии и Африки. М., 1971.
- Аристов В., Ермолаева Н. Все началось с путеводителя... Поиски литературные и исторические. Казань, 1975.
- Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, сведения об их численности.— В кн.: ЖС. СПб., 1896, вып. 3—4, год 6-й.
- Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 522.
- Ашмарин Н. И. Болгары и чуваша. ИОАИЭ, 1902, т. 18, вып. 1—3.
- Ашмарин Н. Об одном мусульманском могильном камне в загородном архиерейском доме в Казани.— ИОАИЭ, 1905, т. 21, вып. 1.
- Байрамов К. Л. Сулеевское восстание 1885 года.— В кн.: Тр. КФАН СССР. СГН. Казань, 1959, вып. 2.
- Баллод Ф. В. Старый и новый Сарай, столицы Золотой Орды. Результаты археологических работ летом 1922 года. Казань, 1923.
- Бартольд В. В. Восток и русская наука. Соч., т. 9, М., 1977.
- Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч., т. 5, М., 1968.
- Бартольд В. В. Ислам. Соч., т. 5.
- Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Соч., т. 5.
- Бартольд В. В. История Туркестана. Соч., т. 2, ч. 1. М., 1963.
- Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Соч., т. 9, М., 1977.
- Бартольд В. В. Культура мусульманства. Соч., т. 6, М., 1966.
- Бартольд В. В. Мусульманский мир. Соч., т. 6.
- Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Соч., т. 2, ч. 1.
- Бартольд В. В. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей. Соч., т. 5.
- Бартольд В. В. Статьи из энциклопедии ислама. Соч., т. 5.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1, М., 1963.
- Бартольд В. В. Улугбек и его время. Соч. т. 2, ч. 2, М., 1964.
- Бартольд В. В. Ученые мусульманского ренессанса. Соч., т. 6.
- Бациева С. М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М., 1965.
- Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 5, М., 1956.
- Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965.
- Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература. Избр. труды. М., 1965.

Бертельс Е. Э. Абу-л-Касим Фирдоуси и его творчество. М.—Л., 1935.

Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дюктябрьский период. Под ред. и с введ. А. Н. Кононова. М., 1974.

Богоутдинов А. М. Очерки из истории таджикской философии. Сталинабад, 1962.

Большаков О. Г., Монгайт А. Л. Путешествие Абу Хамида-ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) М., 1971.

Брагинский И. С. Литература народов советского Востока в 20 веке.— В кн.: ВИМЛ, 1960, № 5.

Брагинский И. С. О природе среднеазиатского джадидизма в свете литературной деятельности джадидов.— История СССР, 1965, № 6.

Брагинский И. С. Проблемы востоковедения. Актуальные вопросы восточного литературоведения. М., 1974.

Вайнштейн О. Л. Историография средних веков. (В связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней). М.—Л., 1940.

Валеев М. Ф. К вершинам науки. О развитии науки в Татарии. М., 1975.

Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы волжских татар. До революции 1917 г. М.—Пг., 1923, вып. 1.

Валиханов Ч. Ч. Материалы и исследования о Кульджинском крае. Собр. соч. в 5 томах. т. 2. Алма-Ата, 1962.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 1874.

Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII веков, с приложением перевода китайских известий о Киданяхъ, Джуржитахъ и Монголо-татарахъ. СПб., 1857.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. 1, СПб., 1863.

Воробьев Н. И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань, 1953.

Гайнуллин М. Каюм Насыров и просветительское движение среди татар. Казань, 1955.

Гайнуллин М. Х. Татарская литература и публицистика начала XX века. Казань, 1966.

Гайнуллин М. Х. Татарская литература XIX века. Казань, 1975.

Гайнуллин М. Х. Н. Г. Чернышевский и его рукописи на татарском языке.— Изв. КФАН СССР. СГН, вып. 1, Казань, 1955.

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. (С половины VII века до конца X века, по Р. Х.) СПб., 1870.

Гафуров Б. Г. Исторические связи Средней Азии со странами арабского Востока. XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегатов СССР. М., 1963, ИВЛ АН СССР.

Гегель. Соч., т. 8, М.—Л., 1935.

Гибб Х. А. Р. Арабская литература. Классический период. М., 1960.

Гимади Х. Г. Историография Татарии.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. 2, М., 1960.

Гимади Х. Г. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды.— МИТ, вып. 1, Казань, 1948.

Горохов В. И. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. Казань, 1941.

Готвальд И. Ф. Разбор сочинения Г. Хвольсона: «Известия о Хазарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах арабского писателя X века Ибн Дасты». СПб., 1869.— ЗИАН, СПб., 1872.

Греков Б. Д., Калинин Н. Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания.— МИТ, вып. 1. Казань, 1948.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950.

Григорьев А. Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма.— МИТ, вып. 1. Казань, 1948.

Григорьев В. В. Караханиды в Мавераннахре, по Тарихи Мунеджимбаши. С пер. и примеч. В. В. Григорьева.— В кн.: ТВОРАО, 1874, ч. 17.

Григорьев В. В. Россия и Азия. Сб. исслед. и ст. по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В. В. Григорьевым, ориенталистом, СПб., 1876.

Грум-Гржимайло К. Е. Историческое прошлое Бэйшаня в связи с историей Средней Азии. СПб., 1898.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.

Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

Давидович Е. А. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов.— В кн.: Нумизматический сборник, ч. 2, вып. 26, М., 1957.

Декарт Р. Правила для руководства ума. Избр. произведения. Пер. с франц. и лат. Ред. и вступит. ст. В. В. Соколова. М., 1950.

Денисов П. В. Никита Яковлевич Бичурин. Очерк жизни и деятельности ученого-востоковеда. К 200-летию со дня рождения. Чебоксары, 1977.

Дмитриева Л. Б., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. Т. 1, М., 1965.

Добролюбов Н. А. О степени участия народности в развитии русской литературы. Собр. соч. в трех томах. Т. 1, М., 1950.

Дульский П. Казанский каллиграф Али Махмудов.— В кн.: ВНОТ, Казань, 1930, № 9—10.

Духовников Ф. В. Николай Гаврилович Чернышевский. Его жизнь в Саратове (1828—1846).— В кн.: РС, 1890, т. 67, кн. 9.

Егоров В. Г. К истории культурных связей между народами Советского Союза и Арабского Востока.— В кн.: Вопросы чувашского языка, литературы и искусства. Чебоксары, 1960.

Загоскин Н. П. Спутник по Казани. [Казань], 1895.

Закнев М. З. О достижениях и задачах татарской лексикологии.— В кн.: Вопросы татарского языкознания. Казань, 1971.

Закнев М. З., Тумашева Д. Г. Роль Казанского университета в развитии тюркологии.— В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964.

Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.). М., 1966.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962.

Зиманов С. З. От освободительных идей к советской государственности в Бухаре и Хиве. Алма-Ата, 1976.

Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года. Пер. с тат. Г. Мухамедовой, под ред. Г. Ф. Линсера. Казань, 1926.

Иванов В. В. Ленинский историзм: методология и методика исследования. Казань, 1976.

Иванов В. В. Принцип историзма в произведениях В. И. Ленина 90-х годов. Томск, 1966.

Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XIV—середина XIX века). М., 1958.

Известия о Хазарах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. В первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. СПб., 1869.

Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Под ред. В. Е. Илларицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1971.

История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965.

История Татарской АССР. Т. 1, Казань, 1955.

История Татарской АССР. Казань, 1968.

История Татарской АССР. Казань, 1973.

Кавелин А. Древние Болгары (Из бумаг Кафтанникова).— Библиотека для чтения. Т. 82, отд. 3, СПб., 1897.

«Казанский биржевой листок», 1880, 20 марта, № 23.

Калинин Н. Ф. Булгарская перстневая печать XIV века в фондах музея. Доклад на «краеведческих чтениях» 1955 г. Казань, 1956.

Калинин Н. Ф. К итогам археологической экспедиции КФАН СССР 1955 года.— Изв. КФАН СССР. СГН. Вып. 2, Казань, 1957.

Каримуллин А. Г. О. С. Лебедева — «Гюльнар-ханум».— НАА, 1977, № 3.

Каримуллин А. Г. Татарская книга начала XX века, Казань, 1974.

Каталог арабских рукописей Института народов Азии Академии наук СССР. История. Вып. 3. Сост. А. И. Михайлова, М., 1965.

Катанов Н. Ф. [Выступление на общем собрании ОАИЭ от 2 января 1895 г.]— ИОАИЭ, 1898, т. 14, вып. 4.

Катанов Н. Ф. Краткий обзор татарских исторических книг.— ИОАИЭ, 1912, т. 23, вып. 4—5.

Катанов Н. Ф., Покровский И. М. Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве.— ИОАИЭ, 1905, т. 21, вып. 4.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его

- путешествия на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.
- Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн Фадлана. Чебоксары, 1954.
- Кононов А. Н. Предисловие.— В кн.: Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. Казань, 1976.
- Конрад Н. И. Запад и Восток. Статьи. М., 1972.
- Коран. Перевод и комментарий И. Ю. Крачковского. М., 1963.
- Косминский Е. А. Историография средних веков (XV в.— середина XIX в.). Лекции. М., 1963.
- Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. Избр. соч., т. 4, М.—Л., 1957.
- Крачковский И. Ю. Арабский перевод «Истории Петра Великого» и «Истории Карла XII, короля Швеции» Вольтера (1947).— Избр. соч., т. 3, М.—Л., 1956.
- Крачковский И. Ю. Востоковедение в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому.— В кн.: Очерки по истории русского востоковедения. Т. 1, М., 1953.
- Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. Избр. соч., т. 5, М.—Л., 1953.
- Крачковский И. Ю. Шейх Тантави, профессор С.-Петербургского университета (1810—1861). Избр. соч. Т. 5.
- Кудаш С. По следам юности. Рассказы о прошлом. Авториз. пер. с башкир. А. Давыдова и С. Сафиуллина. М., 1968.
- Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнографический состав, история расселения. М., 1974.
- Лебедев В. В. Арабские рукописи, поступившие из Казани в 1964 г.— В кн.: Книги, архивы, автографы. М., 1973.
- Лихачев Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания.— В кн.: А. А. Шахматов (1864—1920). Сб. ст. и материалов под ред. акад. С. П. Обнорского. М.—Л., 1947.
- Магдиев М. Но гений не был побежден.— «Наука и религия», 1979, № 2.
- Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (Первая половина XIX века). Казань, 1972.
- Малов Е. А. Книга казанского муллы Шигаб ад-дина Марджани.— ИОАИЭ, 1910, т. 24, вып. 1—2.
- Малов С. Е. Булгарские и татарские эпиграфические памятники. Памятники по записям муллы Ш. Марджани. ЭВ. Т. 2, М.—Л., 1947.
- Малов С. Е. Рец. на: Н. Ф. Катанов. Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920.— В кн.: Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института. Т. 2. Казань, 1921.
- Марджани Ш. Завеса времени, покрывающая историю Булгара и Казани.— В кн.: Труды IV археологического съезда в России. Т. 4, отд. 2. Казань, 1884.
- Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957.
- Михайлова С. М. Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья (1800—1861). Казань, 1972.
- Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. М., 1972.
- Мухамедьяров Ш. Ф. Некоторые вопросы источниковедения истории Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина за 1960 г. Казань, 1961.
- Мухамедьяров Ш. Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV— первая половина XVI в.). Автореф. канд. дисс.
- Мухамедьяров Ш. Ф. Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань, 1958.
- Мухамедьяров Ш. Ф. Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности (Доклад на VIII международном конгрессе этнографических и антропологических наук. Токио, сентябрь 1968 г.). М., 1968.
- Мухарьямов М. К. Каюм Насыри и его эпоха.— В кн.: Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри, Казань, 1976.
- Наджип Э. Н. О памятнике XIV века «Нахдж ал-Фарадис» и его языке.— «Советская тюркология». Баку, 1971, № 6.
- Народы Европейской части СССР. Т. 2, М., 1964.
- Насыри Каюм (1825—1945).— В кн.: Материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения. Казань, 1948.
- Нафигов Р. И. Муллаур Вахитов. Историко-биографический очерк, 2-е испр. и доп. изд. Казань, 1975.
- Нафигов Р. И. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. Очерк истории 1895—1917 гг. Казань, 1964.
- Новосельцев А. П. Восточные и западные источники о древнерусском государстве.— В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. и другие. Древнерусское государство и его международное значение. Ч. 2, М., 1965.
- Новосельцев А. П. Об исторической оценке Тимура.— ВИ, 1973, № 2.
- Общественно-политическая мысль в Поволжье в XIX— начале XX вв. Казань, 1977.
- Пашуто В. Т. Комментарии к «Истории России с древнейших времен». К тому первому и второму.— В кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В пятнадцати книгах. Кн. 1, тт. 1—2, М., 1959.
- Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия.— В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Плетнев С. А. Хазары. М., 1976.
- ПСРЛ. Воскресенская летопись. Т. 2, СПб., 1856.
- Прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России. Научные труды ТашГУ. Вып. 346, ч. 2. Ташкент, 1970.
- Происхождение казанских татар. Материалы сессии Отделения истории философии АН СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории КФАН СССР 25—26 апреля 1946 года в г. Москве. Казань, 1948.
- Радлов В. В. К вопросу об уйгурах (Из предисловия в изданию Кудатку-Бидлика). СПб., 1893 (прилож. к ЗИАН, т. XXII).
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2, ч. 1, СПб., 1899.

- Радлов В. В. О языке куманов по поводу издания куманского словаря.—ЗИАН, т. XLVIII, № 4, СПб., 1884.
- Рахим Али. О новом списке татарского исторического сочинения XVII века. Отдельный оттиск из ВНОТ. Казань, 1927, № 7.
- Рахим А. Татарские эпиграфические памятники XVI века—В кн.: Труды Общества изучения Татарстана. Т. 1. Казань, 1930.
- Рашид ад-дин. Сборник летописей. Пер. Л. А. Хетагурова. Т. 1, кн. 1. М.—Л., 1952.
- Риттер К. Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркистан. Пер., примеч., дополн. В. В. Григорьева. СПб. 1869—1873.
- Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955.
- Румянцев А. Вступающему в мир науки.—В кн.: Наука убеждать. М., 1967.
- Савельев П. С. Мухамеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1848.
- Самойлович А. Н. Предисловие.—В кн.: Якуб Кемаль. Тюрко-татарская рукопись XIV века «Нехдж-ль-Фарадис». Симферополь, 1930.
- Сафаргалеев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- Сафиуллина Ф. С. Хусейн Феизханов.—В кн.: Вопросы татарского языкознания. Кн. 2. Казань, 1965.
- Сахаров А. И. Комментарии к пятому и шестому томам «Истории России с древнейших времен».—В кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3. М., 1960.
- Сахаров А. И. Комментарии к тринадцатому и четырнадцатому томам «Истории России с древнейших времен».—В кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 7. М., 1962.
- Семенов А. А. Среднеазиатские рукописные фонды и важность их изучения.—В кн.: МПВНКВ. Ташкент, 1958.
- Серебренников Б. А. Происхождение чувашей по данному языку.—В кн.: О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957.
- Смирнов А. П. Волжские болгары. М., 1951.
- Смирнов А. П. Роль Болгарского государства в формировании Казанского ханства.—Труды Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете. Т. 1, 1963.
- Смирнов А. П. Среднеазиатские элементы в архитектуре и строительном деле волжских болгар.—В кн.: Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
- Смолин В. Ф. Болгарский город Бряхимов.—ИОАИЭ, т. 33, вып. 1, 1925.
- Смыков Ю. И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю в 60—90-е годы XIX века. Казань, 1973.
- «Современник». 1860, т. 81, 82.
- Струве В. В. История древнего Востока. 2-е пер. и доп. изд. М.—Л., 1951.
- Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.
- Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР.

С древнейшего времени до конца XVIII века. Учебн. пособие. М., 1962.

- Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
- Труды IV археологического съезда в России. Т. 1, отд. 2. Казань, 1884, с. 40—58.
- Тураев Б. А. История древнего Востока. Т. 1—2. Л., 1936.
- Уотт Уильям Монтгомери. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.
- Усманов М. А. Источники книги Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар».—В кн.: Очерки истории Поволжья и Приуралья. Сб. ст., вып. 1—3, Казань, 1969.
- Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972.
- Усманов М. А. Официальные акты ханств Восточной Европы XIV—XVI вв. и их изучение.—В кн.: Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975.
- Фасеев К. Ф. Глашатай дружбы народов.—В кн.: Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. Казань, 1976.
- Фасеев К. Ф. Из истории татарской передовой общественной мысли (Вторая половина XIX в.—начало XX в.). Казань, 1955.
- Фасеев К. Ф. На путях пролетарского интернационализма. Казань, 1971.
- Фасмер Р. Р. О монетах Волжских Булгар X века.—ИОАИЭ, 1925, т. 33, вып. 1.
- Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.
- Фахрутдинов Р. Г. Об имени и титуле правителя Волжской Булгарии.—«Советская тюркология». Баку, 1979, № 2.
- Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Фейзханов Х. Три надгробных болгарских надписи.—Изв. РАО. Т. 4, вып. 5, СПб., 1863.
- Фирсов Н. Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Вып. 1—2, 2-е изд. Казань, 1921.
- Форлендер К. История философии. Авториз. пер. с 2-го немец. изд. под ред. проф. Б. А. Савальского. Т. 1. СПб., 1911.
- Френ Х. Д. О восточных монетах, находимых в России. Прил. к кн.: Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1848.
- Хайруллин А. Н. Насыри и Марджани.—В кн.: Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. Казань, 1976.
- Ханна аль-Фахури. История арабской литературы. В 2-х томах. Пер. с араб. В. В. Атамали, Д. А. Баширова, В. С. Сегалия. Ред. и предисл. А. А. Ковалева и Г. М. Габучана. Т. 2. М., 1961.
- Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских болгар. М., 1978.
- Халиков А. Х. Археологические исследования ИЯЛИ КФАН СССР в 1957—1960 гг. в Татарской АССР.—В кн.: Вопросы истории Татарии. Казань, 1962.
- Халиков А. Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья.—В кн.: Вопросы этногенеза тюрко-

- язычных народов Среднего Поволжья. Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Казань, 1971.
- Халиков А. Х. Культура народов Среднего Поволжья в X—XIII вв.— ВИ, 1976, № 4.
- Халиков А. Х., Мухамедова Р. Г. Исторические истоки этнокультурных параллелей между туркменами и татарами Поволжья и Приуралья.— В кн.: Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад, 1977.
- Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978.
- Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф., Н. В. Ханьков — востоковед и дипломат. М., 1977.
- Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974.
- Ханбиков Я. И. Основные направления в развитии педагогической мысли татарского народа в XIX—XX вв. Автореф. докт. дис. М., 1968.
- Харисов А. И. Литературное наследие башкирского народа (XVIII—XIX). Пер. с башкирского автора и Рима Ахмедова. Уфа, 1973.
- Хасанов М. Х., Галимджан Ибрагимов. Казань, 1977.
- Хасанов Х. Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977.
- Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923.
- Худяков М. Мусульманская культура в Среднем Поволжье. Казань, 1922.
- Чалоян В. К. Восток — Запад (Преемственность в философии античного и средневекового общества). М., 1968.
- Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. XIV—XV вв. Ч. 1. М.—Л., 1948; Ч. 2. М.—Л., 1951.
- Чернышев Е. И. Татария в период разложения крепостного строя.— В кн.: МИТ, вып. 1. Казань, 1948.
- Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953.
- Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии. Избр. филос. соч. В 3-х томах. Под общей ред. М. М. Григорьева. Т. 3. М., 1951.
- Чулошников А. П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.—Л., 1940.
- Шамов Г. Ф. Научная деятельность О. М. Ковалевского в Казанском университете.— В кн.: Очерки по истории русского востоковедения. Т. 2, М., 1956.
- Шамухамедов Ш. М. Очерки по истории развития гуманизма в творчестве персидско-таджикских классиков. Ташкент, 1967.
- Шастина Н. П. Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов.— В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Шебунин А. Куфический коран Имп. СПб. Публичной библиотеки. ЗВОРАО. Т. 6. СПб, 1892.
- Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения.— В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969.

Шофман А. С., Шамов Г. Ф. Восточный разряд Казанского университета.— В кн.: Очерки по истории русского востоковедения. Т. 2, М., 1956.

Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

Шпилевский С. М. О задачах деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии и о возможном содействии Обществу со стороны жителей местного края. ИОАИЭ. Т. 3. Казань, 1884.

Штейн В. М. Вклад народов Востока в историю мировой культуры.— В кн.: УЗИВАН. Т. 25. М., 1960.

Юсупов Г. В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960.

Юсупов М. Х. Шихабутдин Марджани как историк. Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников. Экономика, история. Ч. 2, М., 1976, с. 324—325. ИВАН СССР.

Юсупов М. Х. Формирование исторических взглядов Ш. Марджани.— В кн.: Материалы IV конференции молодых научных работников. Казань, 1976, с. 30—34. ИЯЛИ КФАН СССР.

Юсупов М. Х. «Вафийат ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф» Шихабутдина Марджани как источник по истории мусульманского Востока. Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников. История. Ч. 2, М., 1977.

Юсупов М. Х. «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар...» М. М. Рамзи как источник по истории тюркоязычных народов Поволжья. Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Языкознание. Литературоведение. Историография, источниковедение, текстология. Т. 3, ч. 2. М., 1978.

Якубовский А. Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгара в IX и X веках.— СА, т. 10, 1948.

Абдуллин Я. Г. Дини тәгълимәткә һәм суфичылыкка каршы.— «Казан утлары», 1974, № 2.

Абдуллин Я. Г. Ижтимагый яңарышны яклап.— «Казан утлары», 1974, № 10.

Абдуллин Я. Г. Татар мәгърифәтчеләре сәнгать һәм аның роле турында.— «Казан утлары», 1975, № 11.

Абдуллин Я. Г. Татар мәгърифәтчеләре философиясенә кайбер мәсьәләләр.— «Казан утлары», 1972, № 12.

Госманов М. Яңа табылган әдәби, тарихи истәлекләр.— «Казан утлары», 1966, № 7.

Губайдуллин Г. С. Татарларда сыйныфлар тарихы. 2 нче басма. Казан, 1925.

Закриев М. З. Татар халкы теленә барлыкка килүе. Казан, 1977.

Ибраһимов Г. Каюм Насыринның вафатына 20 ел тула.— «Татарстан хәбәрләре», 1922, 19 май.

Исәнбәт Н. «Татар халкы мәкальләре»нең беренче томына кереш. Казан, 1959.

Иосыпов М. Күренекле тарихчы.— «Казан утлары», 1978, № 4.

Иосыпов М. Яңа кулъязмалар.— «Социалистик Татарстан», 1968, 25 август.

- Махмутов Х. «Қоман мәжмугасындагы табышмақлар.— «Казан утлары», 1969, № 11.
- Сәгъди Г. Татар әдәбияты тарихы. Казан, 1926.
- Саггаров Г. Ф. Татарстан АССРның антропотопонимнары (Татарстан авылларының исемнәре). Казан, 1973.
- Таһирджанов Габдрахман. Әдәбият тарихында ижтимагый-мәдәни мөнәсәбәтләрнең роле.— «Казан утлары», 1975, № 8.
- Тукай Г. Шиһаб хәзрәт.— Әсәрләр. Дүрт томда. Т. 2. Казан, 1955.
- Фәхретдинов Р. Г. Болгар шәһәрләре.— «Казан утлары», 1972, № 9.
- Фәхретдинов Р. Г. Ташлар моңы. Археолог язмалары. Казан, 1978.
- Фәтхи Альберт. Мәғрифәт төбәкләре һәм әдәби багламышлар.— «Казан утлары», 1968, № 2.
- Фәтхи Альберт. Н. И. Лобачевский исемендәге фәнни китапханә кулъязмаларының тасвирламасы. 5 нче чыгарылыш. Казан, 1960; 10-нче чыгарылыш, 1962.
- Хәкимов Х. Шәрәфетдинов З. Мәғрифәт учагы.— «Казан утлары», 1976, № 9.
- Хәлидов Әнәс. Абу Хәмид ал-Гарнатыйның Болгарга сәяхәте. Сәяхәтче һәм аның әсәрләре.— «Казан утлары», 1976, № 6.
- Халиков А. Х. Татар халкының килеп чыгышы. Казан, 1974.
- Ханбиков Я. И. Мөшһүр галим һәм мәғрифәтче. (Ш. Мәржанинең тууына 150 ел тулу уңае белән).— «Совет мәктәбе», 1968, № 1.
- Хисмәтуллин Х. Шиһаб Мәржанинең тел, әдәбият һәм сәнгать мәсьәләренә каршы.— «Казан утлары», 1964, № 4.
- Шиһабетдин Мәржани. Мәкаләләр жынтыгы. Төзүчесе Х. Хисмәтуллин. Казан, 1968.

- Абу ал-Гази Бохадир хан. Шажарати түрки (Хәльфин-Френ). Казан. 1824.
- Ал-Курди Заки Фараджулла. Акидат ал-мухтасира талиф ал-имам ибн Бахаутдин ал-Марджани ал-Казани. Мажмугат ар-расаил. Миср. 1228 ел хижри.
- Амирхан Х. Таварих ал-Булгария Казан. 1886.
- Ахмаров Г. Болгар тарихы. Казан. 1909.
- Ахмаров Г. Казан тарихы. Казан. 1910.
- Биккулов Г. Шимал төркләренең бөек каһарманы.— «Кош», 1915, 9 январь.
- Валидов Жамалутдин. Мәржани.— «Вақыт», 1914, 18 апрель.
- Валидов Жамалутдин. Татар әдәбиятының барышы. Беренче китәп. Оренбург. 1913.
- Валиди С. А. Мәржани китапханәсе һәм аның соңгы язмышы.— «Безнең юл», 1929, № 6—7.
- Гобәйдуллин Г. Татарларда сыйныфлар тарихы. 2 нче басма. Казан, 1925.

Ибраһимов. Бөек остазымызның кайбер тәэлифләре.— «Аң», 1915, № 1.

Ибраһимов. Бөек остазымызның тарихи бер тәнкыйде.— «Аң», 1915 № 2.

Ибн Халдун. Мукаддима. Миср. Булак. 1384 хиджри, т. 1. Мәржани. Виладатенә 100 ел тулу мөнәсәбәтенә илә нәшр ителде. Казан. 1915.

Мөслими Габдулхамид. Мәржани. Тәржемәи хәл кыйсме.— «Шура», 1916, № 2.

Мөслими Габдулхамид. Мәржани.— «Шура», 1916, № 1.

Мөслими Хисамутдин ибн Шарафутдин. Рисала таварих ал-Булгария ва зикр мавлана хазрәт аксақ Тимер ва хараб шәһәр Булгар. Казан, 1887.

Рамзи М. М. Тәлфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаыйи Казан ва Булгар мулук ат-татар. 1—2 томнар. Оренбург. 1908.

Фәхретдинов Ризаэтдин. Тәржемәи хәл ва табакат китаплары.— «Шура», 1915, № 7.

Фәхретдинов Ризаэтдин. Казан тарихы.— «Шура», 1910, № 5.

Фәхретдинов Ризаэтдин. Хөсәен әфәнде Фәезхан.— «Шура», 1916, №№ 14—19.

Фәхретдинов Ризаэтдин. Рихдәт ал-Мәржани. Казан. 1898.

Фәхретдинов Ризаэтдин. Габделкаюм Насыри.— «Шура», 1912, № 12.

Фәхретдинов Ризаэтдин. Мурасилә вә мухаббирә.— «Шура», 1912, № 16.

Фәхретдинов Ризаэтдин. Мәржани — руссия мәселәннәренә мөшһүр галимнәреннән.— «Шура», 1914, № 15.

Хамиди Ш. Голәмә тарихы. Казан. 1908.

Шәрәф Борһан. Мәржани хакында жаваплар.— «Шура», 1911, № 24.

Шәрәф Шәһри. Шихабутдин Мәржани Тәржемәи хәл.— «Аң», 1915, № 1.

Жамалутдин Абу Махасин Иусуф ибн Тагрибирди ал-Атабеки. Ан-наджум аз-Захира фи мулук Миср ва ал Кахира. 1—12 томнар. Каир. 1929—1930.

Abdullah Battal-Taymas. Kazan Türkleri. Ankara. 1966. 229 с.

Bennigsen A. Islamic or Local Consciousness among Soviet Nationalities.— Soviet Nationality Problems. Columbia University Press. New York, London, 1971.

Bräker H. Nationalitätenfrage und muslimische Reformbewegung in Russland. In „Berichte des Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale studien“, 9, Köln, 1970.

Shahabettin Mercani. Turmusu hem eserleri. Cinap yazucisi: Dr. Lebib Karam. Süyümbike kültür ceimlerinden. Basilgan cil: 1964. 79 с.

Spuler B. Die Wolga-Tataren und Baschkiren unten russischer Herrschaft. „Der Islam“. Berlin, November 1949, Band 29.

Türkijat mecmuasi. Cild 2. Istambul. 1926. с. 331—345.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Жизненный путь Ш. Марджани и разработка им истории татарского народа	21
1. Годы учебы, формирование исторических взглядов и истоки мировоззрения Ш. Марджани	21
2. Труды по истории и их проблематика	62
Глава II. Предмет, место исторической науки и метод исследования истории по Ш. Марджани	96
1. Предмет и задачи истории как науки. Место и роль исторической науки в жизни общества	96
2. Метод исследования истории и принципы работы над источниками	114
Глава III. Взгляды Ш. Марджани на жизнь и развитие общества	146
1. Проблема социального прогресса	146
2. О роли личности и народных масс в истории	156
3. Проблема исторической преемственности «Восток — Запад»	165
Глава IV. Об этногенезе татарского народа	176
Заключение	204
Сводная таблица научных трудов Ш. Марджани	210
Список сокращений	216
Использованные источники и литература	218

Юсупов Мунир Хусаинович

ШИГАБУТДИН МАРДЖАНИ КАК ИСТОРИК

Редактор Э. А. Вагапов. Рецензенты Ш. Ф. Мухамедьяров, Р. И. Нафигов, М. А. Усманов. Художник Г. Л. Эйдинов. Художественный редактор Г. Е. Трифонов. Технический редактор Ф. Х. Абдрахманова. Корректоры И. А. Бакаева, Н. И. Максимова. ИБ № 2080. Сдано в набор 30.04.81. Подписано в печать 15.12.81. ПФ 13350. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,2. Усл. кр. отг. 12,5. Учет. изд. л. 13,3. Заказ Н-353. Тираж 4000 экз. Цена 55 коп.

Татарское книжное издательство, Казань, ул. Баумана, 19.
 Полиграфический комбинат им. К. Якуба Государственного комитета Татарской АССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, Казань, ул. Баумана, 19.

55 коп.